

Джеймс Оливер Кервуд

В дебрях Севера

1

Неподалеку от сурового северного берега озера Верхнего, где вечно бушуют ветры, к югу от Каминистикани, хотя и не южнее Рейни-ривер, в глухих лесах прятался райский уголок который был «сущим адом».

Во всяком случае, так назвала его героиня нашей повести, когда однажды она, не выдержав, сквозь слезы жаловалась самой себе на свою тяжкую судьбу. Правда, тогда у нее еще не было Питера, но и когда он появился, ад все равно остался адом.

Однако посторонний наблюдатель, если бы он в этот чудесный весенний день тридцатого мая поднялся на лысый Гребень Крэгга, ни за что не догадался бы, что в открывшемся перед ним раю таится ад. Зимой он увидел бы простирающиеся на сотню квадратных миль занесенные снегом леса, болота и речные долины, где в темной оправе из елей, кедров и сосен там и сям поблескивают закованные в лед озера; он увидел бы перед собой край буранов и глубоких сугробов, край людей, чья кровь горяча от вечной борьбы с дикой природой и от неиссякаемой радости побед над ней.

Но теперь была весна — и такая, какой канадский Север не видел уже много лет. Еще три дня назад шли теплые ливни, а потом на землю хлынули золотые, по-летнему жаркие солнечные лучи. От морозного дыхания зимы не осталось и воспоминания, согрелось даже дно самых глубоких и черных трясин. На севере, на юге, на востоке и на западе лесные дебри закипали новой жизнью, и на смену весне уже спешило лето. Оранжевые, зеленые и черные хребты убегали в неведомую даль, точно волны гигантского моря, а между ними лежали долины и болота, озера и речки, и всюду звучала смешливая песенка струящейся воды, всюду веяло благоуханием первых цветов, всюду раздавались веселые голоса птиц и лесного зверья.

Упомянутый выше рай расстилался под Гребнем Крэгга — сочные луга тянулись до самых берегов Прозрачного озера, и над этим океаном буйных трав островками поднимались тополиные и березовые рощицы, перемежавшиеся темными ельниками. Цветы распустились на две недели ранее положенного срока, луга источали ароматы, более обычные для конца июня, чем для мая, и среди бархатистой зелени древесных ветвей уже появлялись первые гнезда.

На краю ельника, распластавшись, лежал Питер. В его сердце жила страсть к приключениям, и в этот день он предпринял дерзкую экскурсию, на какие еще ни разу не решался за всю свою коротенькую жизнь. Впервые он в одиночестве отправился к Прозрачному озеру, до которого от дома было около полумили, храбро исследовал желтую полоску пляжа, еще хранившую следы ног его хозяйки, и смело затыкал на безграничный простор мерцающего озера и на белых чаек, которые кружили у него над головой, высматривая выброшенную на берег рыбу. Питеру исполнилось три месяца. Еще вчера он был робким щенком, и все вокруг казалось ему огромным, непонятным и страшным; сегодня же он рискнул в одиночку спуститься по тропинке к озеру, он тьякал, но никто не посмел выйти с ним на бой, и его сердце исполнилось великим мужеством и столь же великим любопытством.

Вот почему на обратном пути он остановился на опушке густой поросли бальзамических елей и припал к земле, устремив жадный взгляд блестящих глазенок в густую лесную тень, стараясь угадать, какие тайны кроются в этих неведомых мрачных глубинах. Этот лесок рос в небольшой круглой впадине, и ружейная пуля могла бы легко пронзть его из конца в конец, но Питеру он казался бесконечным, как сама жизнь. И что-то манило его войти туда.

Любопытство и нерешительность боролись в душе щенка, но он и не подозревал, что от победы того или иного — храбрости или трусости — зависит не только его собственное собачье будущее, но и другие более важные судьбы — судьбы людей, мужчин и женщин, и даже еще не рожденных детей. Некогда стакан вина погубил целое царство, гвоздь решил исход жесточайшей битвы, а из-за женской улыбки были разрушены дома тысяч людей. Вот так пустячные предметы и события порой влияют на ход человеческой жизни, но Питер не знал об этом и не догадывался, что наступила его минута.

В конце концов он поднялся и твердо встал на все четыре лапы. Его никак нельзя было назвать красивым щенком — этого Питера Pied-Bot, Питера-Хромулю, как назвал его Веселый Роджер Мак-Кей (который жил у болота в кедровнике), когда подарил Питера девушке. Был он дворняжкой, да к тому же весьма неказистой. Его отец, боевой эрдельтерьер самых голубых кровей, как-то удрал с псарни, влюбившись в большелопую и добродушную канадскую гончую. Так на свет появился Питер. В три месяца на его мордочке уже топорщились свирепые баки, унаследованные от отца-эрделя, уши у него были большие и обвислые, хвост узловатый, а

длинные неуклюжие лапы — такими тяжелыми и нескладными, что они то и дело заплетались, и он тыкался носом в землю. При первом взгляде на него человек испытывал жалость, вскоре переходившую в горячую симпатию. Пусть Питер был некрасив, но зато в его жилах смешалась кровь двух прекраснейших собачьих пород. Впрочем, в некоторых отношениях такая смесь напоминала смесь нитроглицерина с оливковым маслом или динамита и селитры с молоком и медом.

Когда Питер шагнул в черную тень, его сердечко отчаянно забилося, и он старательно проглотил слюну, словно в горле у него стоял комок. Но решение его было бесповоротным. Что-то неотвратимо влекло его вперед, и он подчинился этому неслышному зову. Над ним медленно сомкнулся непроницаемый сумрак, и вновь шутница-судьба избрала самое нехитрое орудие, чтобы потом с его помощью творить радость и горе в человеческой жизни.

Когда тьма поглотила Питера, его уши стали торчком и жесткая шерсть на загривке вздыбилась. Но он не залаял, как лаял сегодня на берегу озера и среди зелени лугов. Дважды он оглянулся через плечо на чуть брезжащий позади солнечный свет, который с каждым его шагом становился все более тусклым. Но и это неясное пятно, говорившее о том, что путь к отступлению открыт, поддерживало мужество Питера, которое стало быстро убывать в нарастающем мраке. Однако когда он оглянулся в третий раз, сзади была уже только тьма! На мгновение в его горле, мешая дышать, поднялся тугой комок, а глаза превратились в два огненных кружка — с таким напряжением он вглядывался в темноту. Даже его хозяйка, которая не страшилась почти ничего на свете, пожалуй, тоже остановилась бы тут в безотчетном испуге. А Питеру казалось, что солнце внезапно погасло совсем. Мохнатые лапы хвойных деревьев над его головой сплетались в единый непроницаемый полог. Зимой сюда не проникал снег, а летом даже самые яркие солнечные лучи превращались здесь в призрачный сумрак.

Питер думал теперь только о том, как бы убраться отсюда восвояси, но тут он стал различать в окружающей тишине незнакомые и непонятные звуки. Самым непонятным и самым жутким было шипение, которое раздавалось то в отдалении, то совсем близко и сопровождалось странным пощелкиванием, от которого кровь стыла в жилах. Дважды после этого над ним возникала тень огромной совы, и он припадал к земле, чувствуя, что комок в горле растет и становится все более тугим. Потом Питер услышал среди сплетения веток над его головой мягкое движение больших оперенных тел, и тогда он медленно и осторожно повернулся на животе, решив как можно скорее выбраться на луг, где по-прежнему сиял день. И в этот миг его сердце сжалось от невыразимого страха: перед ним на пути, который вел к дневным просторам, горели два пронзительно-зеленых огонька.

Не рассудок и не опыт, а инстинкт подсказал Питеру, что эти два зеленых кружка, светящиеся в темноте, не предвещают ему ничего хорошего. Правда, он не знал, что его собственные выпученные глаза казались в этом темном тоннеле не менее страшными, и главное, он не знал, что распространяет вокруг себя нечто наводящее смертельный ужас — запах собаки! Зеленые глаза продолжали смотреть на него, и его неуклюжие лапы подогнулись, спина словно переломилась пополам, и он упал в мягкую хвою, ожидая гибели. Но тут зеленые огоньки погасли. Потом зажглись снова, но уже подальше. Опять погасли. А когда вспыхнули в третий раз, то были похожи уже не на кружки, а на две светящиеся точки. Питер ощутил невероятное торжество. Инстинкт, унаследованный от предков-эрделей, сказал ему, что неведомый враг обратился в бегство. И Питер победоносно тьякнул.

На этот звук мрачная чаща, полная затаившихся тварей, ответила жуткими шорохами в перепутанных ветвях, непонятным ропотом шепчущихся голосов, зловещим щелканьем клювов, которые могли разодрать тощее тельце Питера на мелкие клочки. В глубине леса раздался сильный треск и насмешливое бормотание дикобраза, а потом вопросительный вопль: «У-уу-уух!» Питеру сначала даже показалось, что это кричит человек. И он вновь, дрожа, припал к толстому хвойному коврику: его сердце отчаянно билось о ребра, баки стали дыбом от смертельного страха. Затем наступила тревожная, наводящая ужас тишина, и в этом ледяном безмолвии Питер тщетно вертел головой, стараясь увидеть хотя бы отблеск исчезнувшего солнечного дня. И вдруг, принося с собой надежду, до него долетел новый шепот, тихий и неясный, но совсем не похожий на прежние звуки. Где-то еле слышно журчала вода. Питеру было знакомо это дружелюбное журчание. Он не раз играл на гальке, песке и камнях там, где оно рождалось. Мужество вернулось к нему, он поднялся и пошел туда, откуда доносился этот звук. Что-то подсказывало ему, что ступать надо очень осторожно, но неуклюжие толстые лапы упрямо разъезжались и он несколько раз падал носом в хвою. Наконец он добрался до ручейка, который плескался и играл на обнаженных древесных корнях — такой узенький, что высокий человек без труда перешагнул бы через него. И тут Питер увидел впереди свет. Он пустился бегом и вскоре выбрался на луг, где под синим солнечным

небом по-прежнему благоухали цветы, зеленела трава и весело пели птицы.

Питер забыл пережитый страх. Комок в горле исчез, сердце вернулось на обычное место, и щенок уже неколебимо и яростно верил, что успел победить всех на свете. Он оглянулся на темный проход под еловыми ветками, из которого выбегал смешливый ручей, и неторопливо затрусил прочь, вызываясь огрызаясь. На безопасном расстоянии он остановился и посмотрел по сторонам. За ним никто не гнался, и это подтверждало, что он совершил великий подвиг. Питер весь раздулся от гордости; воинственно упершись передними лапами в землю, он выгнул спину и залился самым грозным своим лаем. Он лаял, скреб лапами землю, рвал траву острыми щенячьими зубами — и все-таки никто не посмел выйти из темной чащи в ответ на его вызов. Задрав голову и поставив уши торчком, Питер неторопливой рысцой взбирался по склону, впервые за всю свою трехмесячную жизнь пылая желанием задать кому-нибудь трепку — все равно кому. Он стал другим, и теперь ему уже было мало грызть палки или камни и трепать кроличью шкурку. Когда Питер выбрался из впадины, он остановился и, глядя вниз, громко тьякнул — ему уже почти хотелось вернуться в эти темные заросли и разогнать всех их обитателей. Потом он повернулся к Гребню Крэгга, и его боевой задор внезапно угас, а задранный хвост опустился, так что узловатый кончик коснулся земли.

Ярдах в четырехстах от него из райской ложбины, которая переходила в расселину, разделявшую два отрога Гребня, поднимался белый дымок. Увидев дым, Питер тут же расслышал и стук топора. Его пробрала дрожь, но он все-таки пошел на этот стук. Он был еще слишком мал, чтобы ненавидеть по-настоящему, и к тому же унаследовал кроткое добродушие своей матери, но тем не менее каждый раз, когда Питер слышал стук этого топора, в его смысленной головенке зрели тревожные мысли и он чувствовал приближение опасности. Ведь стук этот был для него неразрывно связан с похожим на кошку остролицым человеком, у которого по верхней губе тянулась полоска рыжей щетины, а один глаз никогда не открывался. И Питер научился бояться одноглазого гораздо больше, чем он боялся призрачных чудовищ, скрытых в черной пропасти леса, куда он сегодня так отважно вошел.

Однако совы, дикобраз и убежавшая от него лиса с горящими глазами научили Питера чему-то, чего он еще не знал накануне, и, подойдя к краю ложбины, щенок не прильнул к земле, а остался стоять на своих кривых лапах и смело устремил взгляд вперед. По ту сторону ложбины, у западного отрога, среди высоких кедров, ярко-зеленых тополей и белоствольных берез виднелась бревенчатая хижина. Это был прелестный уголок. Между тем местом, где остановился Питер, и хижинкой простирался бархатистый зеленый ковер, усеянный цветами и источающий аромат фиалок и дикой жимолости, а над ним звенело птичье пение. Через лужайку бежал ручеек и исчезал в скалистой расселине, а на его берегу стояла хижина, увитая диким виноградом. Но настороженные глаза Питера не видели этой красоты, его уши не слышали ни птичьих трелей, ни болтовни рыжей белки, которая расположилась на пне по соседству. Он смотрел туда, где позади хижины на лесной опушке поднималась большая белая скала, похожая на гигантский гриб, а слышал он только удары топора, хотя и напрягал слух, стараясь уловить, не раздастся ли голос, который он любил больше всего на свете.

Не услышав этого голоса, он подавил желание заскулить, спустился к ручейку, перешел его вброд и тихонько подкрался к хижине, приглядываясь и прислушиваясь, готовый при первом признаке опасности пуститься наутек. Он хотел позвать девушку обычным визгливым тьяканьем, но угроза, таившаяся в стуке топора, заставила его отказаться от этого намерения. У задней стены хижины, где дикий виноград разросся особенно густо, Питер давно уже вырыл себе тайник, и теперь он нырнул в него, точно испуганная крыса в нору. Потом осторожно просунул щетинистую мордочку сквозь зеленый занавес и огляделся, проверяя, безопасно ли будет вернуться домой и много ли у него шансов получить ужин.

Но тут его сердце радостно забило: сегодня топором стучала девушка, а не мужчина!

В нескольких шагах у большой поленицы сверкнули на солнце ее каштановые волосы, и когда она повернулась к хижине, Питер успел разглядеть ее бледное лицо. Он уже готов был броситься к ней, шалея от восторга, но его удержал ужасный голос, который всегда внушал ему невыразимый страх.

Из хижины вышел мужчина в сопровождении женщины. Мужчина был долговязым и тощим, а его лицо походило на череп. Едва он показался в дверях, Питер понял, что в этот день он был даже злее обычного. Тот, кто подошел бы к нему в эту минуту, неминуемо заметил бы, что от него разит виски. Уголки губ у него пожелтели от табака, который он постоянно жевал, а когда он мотнул головой в сторону девушки с блестящими кудрями, в его единственном глазу засветилось жестокое торжество.

— Муни обещал отвалить за нее семьсот пятьдесят долларов, когда начальство заплатит ему за шпалы, и дал мне пятьдесят долларов задатка, — объявил он. — Не задарма же я ее десять лет кормил, бездельницу. А как будет ближе к свадьбе, я из него и тысячу выжму.

Женщина ничего не ответила. Она была отучена возражать, а тем более настаивать на своем. Каждая черта безобразного лица, каждая линия костлявой фигуры одноглазого говорили о беспощадной жестокости. Женщина давно была сломлена и поработана. Ее лицо казалось безжизненным. Глаза потускнели, сердце отупело от постоянной боли, руки закорюзли и искривились от тяжелой работы, которой замучил ее безжалостный негодяй. Но даже Питер, притаившийся под домом, как мышь, понимал, что эти двое непохожи друг на друга. Он не раз видел, как девушка и женщина плакали, обнявшись. А когда он тихонько подходил к женщине, ее пальцы порой ласково гладили его и она давала ему поесть. Но он почти никогда не слышал ее голоса, если мужчина был где-нибудь поблизости.

Мужчина откусил кусок табачной жвачки.

— А сколько ей лет, Лиз? — спросил он вдруг.

И женщина ответила неестественным, придушенным голосом:

— Двенадцатого ей сравнялось семнадцать.

Мужчина сплюнул.

— Придется Муни выложить тыщонку. Мы же ее десять лет кормили, а Муни по ней с ума сходит. Ничего, раскошелится!

— Джек... — Голос женщины стал почти звонким. — Джек... нехорошо эдак-то...

Мужчина захохотал. Он широко разинул рот, и на солнце блеснули пожелтевшие клыки. Девушка опустила топор и, повернув голову, посмотрела на пару в дверях.

— Нехорошо? — гоготал мужчина. — Нехорошо? Ты мне то же самое десять лет твердишь насчет тайной продажи виски, а я продавал и продаю. Верно? И это твое слово не помешает нам с Муни договориться насчет свадьбы... если, конечно, Муни раскошелится на тыщонку. — Тут он повернулся к жене и занес руку, словно для удара. — А если ты ей скажешь... если хоть вот на столечко меня выдашь, я тебе все кости переломлю! Разрази меня на этом месте, если не так. Поняла? Ничего ей не скажешь?

Сутулые плечи женщины сгорбились еще больше.

— Я не скажу, Джек... право слово.

Мужчина хрипло хмыкнул и опустил занесенную руку.

— Ну смотри, а не то тебе не жить, — пригрозил он.

Девушка бросила топор на землю и пошла к ним. Она была худенькой и стройной, а гордо вскинутая голова и упрямый подбородок свидетельствовали о том, что одноглазому еще не удалось превратить ее в забитое и покорное существо, подобное его жене. На ней было надето вылинявшее ситцевое платье, обтрепанное по швам и с подрезанными рукавами, так что ее тонкие белые руки были открыты выше локтя. Ее чулки пестрели штопкой и заплатками, а старые башмаки совсем прохудились.

Однако Питеру, который с обожанием созерцал ее из своего тайника, она казалась прекраснейшим в мире созданием. Правда, Веселый Роджер говорил то же самое, да и большинство мужчин (как, впрочем, и женщин) согласилось бы, что эта худенькая девочка была красива красотой, способной долго противостоять горестям и физическим мукам. Глаза у нее были синие, как фиалки, в которые Питер так недавно уткнулся носом. А ее чудесные волосы, пока она колола дрова, выбились из плена, в котором их держала выцветшая лента, и рассыпались по плечам. При виде этих густых каштановых кудрей, достигавших талии, даже в единственном глазу Джеда Хокинса порой вспыхивало восхищение. Но и тогда он продолжал ее ненавидеть, и не раз его костлявые пальцы злобно вцеплялись в эти сверкающие кудри, но лишь очень редко ему удавалось вырвать у Нейды крик боли. И теперь, когда она увидела лютую злобу на лице одноглазого, ее гордое сердце не дрогнуло, хотя по телу и пробежал холодок.

И все же эта вечная попытка уже начинала сказываться на ней. В синих глазах застыла тревога, лицо утратило краски, побледнело и осунулось, а яркие алые губы свидетельствовали не о здоровье и счастье, но лишь оттеняли бледность щек, напоминая об исчезнувшем румянце.

Она остановилась перед Джедом Хокинсом на таком расстоянии, что он не мог дотянуться до нее.

— Я же говорила тебе, чтобы ты больше никогда не смел поднимать на нее руку! — вскричала она, с трудом сдерживая ярость, а ее синие глаза метали в него молнии ненависти и презрения. — Если ты ударишь ее еще хоть раз, то... то будет плохо! Раз уж тебе надо кого-нибудь бить, бей меня. Я выдержу. А она... погляди сам! Ты сломал ей плечо, ты ее искалечил — и как это тебя еще земля носит!

Мужчина в бешенстве сделал шаг вперед. Где-то в самой глубине своего существа Питер ощутил нечто новое и незнакомое. Желание без оглядки бежать от этого человека вдруг исчезло. Худая маленькая грудь напряглась, а за ней горло, и щенок издал рычание — правда, такое тихое, что человеческий слух не мог его уловить. У себя в

тайнике Питер злобно оскалил острые зубы.

Однако мужчина не нанес удара и не протянул руку, чтобы схватить Нейду за шелковистые кудри. Он засмеялся придушенным смешком и отвернулся, пожав плечами.

— Я ведь не ударил ее, Нейда, верно? — сказал он и скрылся за углом хижины.

Девушка взяла женщину за руку. Злость исчезла из ее глаз, но она вся дрожала.

— Я его предупредила, что будет, и он теперь не посмеет тебя и пальцем тронуть, — мягко сказала Нейда. — А не то ему придется плохо. Уж я об этом позабочусь. Я донесу в полицию. Я покажу им все тайники, где он прячет виски. Я... я засажу его в тюрьму, пусть мне потом не жить!

Исхудалые пальцы женщины стиснули руку Нейды.

— Нет, нет, и не думай об этом, — произнесла она умоляюще. — Когда-то он был со мной ласков, давным-давно это было, Нейда. Джед, он не такой уж и злой, это все виски виновато. Не доноси на него, Нейда. Слышишь, не доноси!

— Я же тебе обещала, что не донесу, если он перестанет тебя бить. Пусть дерет меня за волосы, коли ему нравится. Но если он ударит тебя...

Она судорожно вздохнула и тоже скрылась за углом хижины.

Питер подождал, прислушиваясь. Потом он скользнул тайной дорожкой под пологом дикого винограда и увидел, что Нейда быстро идет по направлению к расселине, прорезающей Гребень. Он последовал за ней так тихо, что она заметила его присутствие, только когда уже пробиралась по каменной россыпи среди скал по ту сторону отрога. С радостным криком девушка схватила щенка и прижала его к груди.

— Питер, Питер, где же это ты разгуливал? — спросила она. — Я тебя повсюду искала, и Роджер тоже... то есть мистер Веселый Роджер.

Питер почувствовал, что его обняли еще крепче, и расслабленно повис на руках хозяйки, которая тем временем добралась до прятанной среди скал группы карликовых бальзамических елей. Это был их «уголок», и Питер давно понял, что должен свято хранить его секрет. Тут Нейда устроила для себя тайный приют, и теперь она опустила на кучу еловых веток и усадила перед собой Питера, придерживая его за передние лапы. В ее глазах зажегся новый свет, и они сверкали, как звезды. Щеки ее разругались, алые губы полуоткрылись, но Питер, который в конце-то концов был только собакой, не мог постигнуть, какой красивой она стала. Однако он понял, что произошло какое-то событие, и изо всех сил старался понять, какое именно.

— Питер, он опять приходил сюда сегодня — мистер Роджер, мистер Веселый Роджер, — зашептала девушка, и ее щеки порозовели еще больше. — И он сказал мне, что я очень хорошенькая!

Она глубоко вздохнула и посмотрела через скалы туда, где в долине чернел лес. Ее пальцы под косматыми лапами Питера сжались так сильно, что он тихонько заворчал.

— И он спросил меня, можно ли ему потрогать мои волосы... Подумай только, Питер, он спросил меня об этом! А когда я сказала «да», он только чуть-чуть к ним прикоснулся, точно боялся чего-то, и сказал, что они чудесные и что я должна за ними хорошенько ухаживать!

Питер заметил, что на горле у нее забила жилка.

— Питер... он сказал, что не обидел бы меня ни за что на свете, что он скорее даст отрубить себе руку! Вот что он сказал. А потом сказал, что если я позволю, он хотел бы меня поцеловать...

Она снова обняла Питера.

— А... а я сказала ему, что, наверное, это можно, потому что он мне нравится и никто другой меня никогда не целовал и... и, Питер, он меня не поцеловал! А когда он уходил, он был как-будто не в себе — лицо у него стало совсем белое... И с той минуты у меня внутри все время что-то поет. Я не знаю, что это, Питер, но оно тут!

Помолчав немного, она прошептала:

— Знаешь, Питер, хорошо бы мистер Веселый Роджер увез нас с тобой отсюда далеко-далеко.

Тут она сжала губы, нахмурилась и, посадив Питера рядом с собой, вновь посмотрела через долину на темный лес, в глубине которого пряталась хижина Веселого Роджера.

— Почему он не хочет, чтобы люди знали, что он там живет, а, Питер? — произнесла она задумчиво. — Он поселился в старой лачуге, где в ту зиму помер индеец Том... то есть умер, — поправила она. — И я обещала, что никому не скажу. Он говорит, что это тайна и что о ней знаем только ты, я да миссионер на Быстром ручье. До чего же мне хочется как-нибудь прибраться у него в хижине!

Питер тем временем принялся обнюхивать щели между камнями и не видел, как синие глаза вдруг сердито засверкали. Девушка смотрела на свои рваные башмаки, на штопанные-перештопанные чулки, на жалкое вылинявшее платье, и ее пальцы судорожно сжались в кулачки.

— Я бы так и сделала... Я бы уехала отсюда куда глаза глядят и не вернулась бы никогда, если бы не она... Она теперь обходится со мной хуже ведьмы, только это все Джед Хокинс виноват. Я ведь помню...

Внезапно она вскочила на ноги и вызывающе тряхнула головой, так что ее волосы солнечным облачком взметнулись под порывом ветра.

— Когда-нибудь я его убью! — крикнула она темному лесу по ту сторону долины. — Да, убью!..

2

Нейда шла за Питером. Уже давно в ее измученной душе зрела буря, хотя до сих пор только Питер бывал свидетелем грозных вспышек. Но в этот день она не сумела промолчать и тихим, бесчувственным голосом рассказала Веселому Роджеру (чужаку, поселившемуся в лесной чаще) о том, как десять с лишним лет назад ее родители умерли от какой-то заразной болезни, и о том, как Джед Хокинс и его жена обещали заботиться о ней за три чернотурьих шкурки, которые ее отец добыл незадолго до начала морового поветрия. Все это она слышала от женщины — ведь самой ей в то время было всего шесть лет. Рассказывая Веселому Роджеру о том, что было дальше, она не осмелилась поднять на него глаза и поэтому не видела, как все больше темнело его лицо. Но он громко хмыкнул. У него была такая привычка, однако Нейда только недавно познакомилась с ним и не знала, что это означает. Вот тогда-то он и попросил разрешения потрогать ее волосы, и его большая ладонь на мгновение с женской ласковостью коснулась ее головы.

Воспоминание об этом прикосновении все еще согревало ее сердце. Оно давало ей новое мужество и не изведанную прежде радость — такие же, какие подарила Питеру его недавняя победа над невидимыми чудовищами. Питер теперь ничего не боялся, и Нейда тоже. Они вошли в узкое ущелье, загроможденное скалами. Тут Питер внезапно застыл на месте, опустив нос к земле, потом его ноги напряглись, и девушка впервые услышала, как он рычит. Она остановилась, прислушиваясь, и вскоре до нее донесся тихий звук, словно кто-то скреб камнем о камень. Нейда перевела дух, выпрямилась, и Питер, взглянув вверх, увидел, что ее губы полуоткрылись, а глаза засверкали. Затем она нагнулась и подобрала с земли тяжелый сук.

— Пойдем туда, Питер, — шепнула она. — Это один из его тайников.

Сознание, что она больше не боится, пьянило Нейду, как пьянило оно и Питера, чье сердечко быстро забилося, когда он последовал за хозяйкой. Ступали они очень осторожно — девушка шла на цыпочках, а у Питера на лапах были мягкие подушечки, — и когда они вышли на песчаную площадку между двумя огромными скалами, Джед Хокинс, который копался в песке, стоя на коленях спиной к ним, даже не повернул головы. Еще накануне и Питер и Нейда, если бы они вот так наткнулись на него, поспешили бы незаметно улизнуть, потому что Джед был занят своим черным делом и тому, кто ему помешал бы, не поздоровилось бы. Джед выгреб из-под скалы кучу песка, достал из ямы большую бутылку и принялся наполнять шесть грязных кожаных фляг. Затем он прервал эту работу и приложился к бутылке. Щенок и девушка слышали, как виски забулькало у него в глотке. Нейда постучала дубинкой по скале, и Джед стремительно обернулся. Когда он увидел, кто перед ним, его лицо побелело от бешенства. Вскочив на ноги, он стиснул огромные кулаки, его желтые зубы оскалились.

— Ах ты чертова шпионка! — хрипло крикнул он. — Будь ты мужчиной, ты не ушла бы отсюда живой!

Девушка даже не вздрогнула, не побледнела. Наоборот, ее щеки вспыхнули румянцем, и Хокинс увидел в ее глазах торжествующую радость. Презрительно искривив губы, Нейда сказала с насмешкой:

— Будь я мужчиной, Джед Хокинс, ты бы сразу задал стрекача!

Он шагнул к ней.

— Ты бы задал стрекача, — повторила она, глядя прямо ему в лицо и крепче сжимая сук. — Ты ведь бьешь только женщин, малых детей да щенят, которые еще не умеют кусаться. Ты трус, Джед Хокинс, подлый, бесчестный трус и торговец краденым виски, — и как это тебя еще земля носит!

Даже Питер почувствовал, что произошло что-то сверхъестественное: самый воздух между скалами застыл, словно вот-вот должен был взорваться гигантский динамитный заряд или обрушиться мир. Питер, забыв все на свете, смотрел на свою хозяйку, такую тоненькую и маленькую, впервые готовую без страха встретить будущее, и его преданное собачье сердце угадало смысл происходящего: широко расставив большие лапы, он встал перед Джедом Хокинсом и зарычал на него.

Бутлегер! на мгновение растерялся. Последние месяцы он старался не задевать Нейду, чтобы она вела себя смирно и ничего не заподозрила, пока Муни не заплатит ему обещанных денег. А потом — потом он ответит ее к Муни, и тот уж пускай сам ее обламывает, рассуждал Джед. И вот как она отплатила ему теперь за его мягкость! Она в грош его не ставит, подглядывает за ним, ругает в глаза — дармоедка, которую он десять лет кормил и поил!

Он уже не думал о ее красоте. Ее следовало хорошенько проучить, выдрать ей волосы, задать ей такую таску,

чтобы на ней места живого не осталось, — тогда небось прикусит язык! Хокинс рванулся к девушке, и Питер отчаянно залаял, увидев, что Нейда замахнулась дубинкой. Но она опоздала на одно мгновение. Хокинс вышиб сук из ее пальцев, и его правая рука погрузилась в пышные мягкие локоны.

Тут словно цепь распалась в душе Питера. Он почувствовал, что появился на свет ради этого дня, ради этого часа, ради этой минуты. Весь мир теперь свелся для него к одной узкой полоске — к полоске кожи на ноге бутлегера между штаниной и башмаком. Он прыгнул. Его белые зубы, острые как иглы, впились в облюбованное местечко. И Джек Хокинс с диким воплем выпустил волосы Нейды. Питер услышал его крик и еще крепче стиснул зубы на щиколотке единственного существа, которое он ненавидел. Весь ужас того, что последовало, понял не столько Питер, сколько Нейда. Хокинс нагнулся, его сильные пальцы сомкнулись на тонкой шее Питера, и шенок, вдруг утратив способность дышать, словно собрался бросить камень.

В тот миг, когда его рука выпрямилась и тело Питера взлетело в воздух, Нейда с криком бросилась к бутлегеру. Ее дубинка опустилась на его лицо, и тут же раздался глухой и какой-то хрустящий стук — это нескладное тельце Питера ударилось о скалу. Когда Нейда обернулась, она увидела, что Питер извивается в песке — его спина и задние лапы были, по-видимому, сломаны, но он не взвизгнул, не заскулил и, не спуская с нее блестящих глаз, силился подползти к ней. Только Веселый Роджер знал, что мать Питера погибла, спасая жизнь женщине, и, наверно, в эту минуту ее дух проснулся в сердце Питера, потому что, не замечая мучительной боли, он думал только об одном: дотащиться до ног девушки и умереть, защищая ее от врага. Он не понимал, что его искалеченное тельце при каждом отчаянном усилии продвигается вперед не более чем на дюйм, но Нейда догадалась об ужасной правде и со стоном, которого не вырвали бы у нее никакие побои Хокинса, бросилась к щенку, упала на колени и бережно подхватила его на руки. Затем, поднявшись, девушка с быстротой молнии повернулась к Джеку Хокинсу.

— За это я тебя убью! — задыхаясь, крикнула она. — Убью! Помяни мое слово.

Ее удар на несколько секунд ослепил единственный глаз бутлегера, но теперь он кинулся на нее, и Нейда пустилась бежать, напрягая все силы. Позади раздавались тяжелые шаги ее преследователя, хрустел песок, рассыпались камешки, и девушку охватил мучительный страх, но она боялась не за себя, а за Питера.

Постепенно Хокинс отстал, ругаясь и проклиная судьбу, которая лишила его одного глаза.

Нейда стремглав выбежала из ущелья на простор лугов, ее волосы развевались, руки сжимали тельце Питера. Щенок заскулил тихо и жалобно; Нейда вдруг вспомнила, что точно так же плакал ребенок — умиравший пятимесячный младенец. Из ее груди вырвался мучительный крик, так как она решила, что Питер тоже умирает. Спотыкаясь, она продолжала бежать в сторону черной стены леса, прижимала лицо к мордочке Питера и со слезами повторяла его имя:

— Питер... Питер... Питер...

А Питер, который даже и в эту минуту был бесконечно счастлив, потому что чувствовал ее любовь и слушал звук ее голоса, высунул язык и благодарно лизнул ей щеку. Нейда громко всхлипнула.

— Не бойся, Питер, — шептала она. — Не бойся, маленький... Он тебя больше не тронет, а мы уйдем за ручей в хижину мистера Роджера. И тебе там будет хорошо. Тебе там будет очень хорошо...

Она судорожно зарыдала, и ее сердце, переполненное материнской нежностью, словно разорвалось в ее груди.

А шенок, инстинктивно чувствуя всю силу этой сроднившей их любви, крепче прижался колючей мордочкой к ее щеке, тихонько повизгивая. Он не боялся умереть, пока его держали эти теплые ласковые руки.

— Не плачь, маленький, — уговаривала Нейда. — Не плачь, Питер. Скоро все будет хорошо... да, хорошо...

Она снова всхлипнула, рыдания душили ее, и она больше не сказала ни слова, пока они не добрались до опушки дремучего леса.

Тут Нейда взглянула на Питера и увидела, что он закрыл глаза. И вдруг ей почудилось какое-то сходство между его щетинистой мордочкой и бледным личиком умиравшего младенца.

— Я тебя выхожу, Питер. Мистер Роджер тебя вылечит, — шепнула она.

Но она знала, что говорит неправду, — никто уже не мог помочь Питеру. Она глядела на неподвижную мордочку щенка, и ее сердце сжималось от тягостного предчувствия неизбежной утраты: ведь у Питера был сломан хребет и он умирал — умирал у нее на руках. Но Нейда продолжала быстро бежать по сумрачной лесной тропе — она хотела добраться до хижины Веселого Роджера за ручьем у болота, пока сердце Питера еще не остановилось. Она не надеялась, что Роджер может спасти Питера, но ей казалось, что и щенку и ей станет немного легче, если рядом будет Веселый Роджер. Ведь эта весна была первой радостной весной в ее жизни, ибо знакомство с человеком, тайно поселившимся в лесной хижине, скрасило ее безрадостное существование, пробудило в ней надежду, и они с Питером считали, что лучше его нет никого на свете.

Когда Нейда добралась до брода через Быстрый ручей, от которого до хижины оставалось еще добрых полмили, она совсем запыхалась и выбилась из сил. Вода в ручье мчалась стремительно, почти вровень с берегами; Нейда вспомнила, как Веселый Роджер предупреждал ее, что начался разлив, и ее глаза расширились от страха. Она поглядела на Питера: он беспомощно и неподвижно висел на ее руках. Нейда глубоко вздохнула и решилась. Она знала, что даже в разлив в самом глубоком месте ей здесь будет только по поясу; но слишком уж бешеным было течение.

Она прижала губы к мохнатой мордочке Питера, поцеловала его и шепнула:

— Мы переберемся на ту сторону, Питер. Мы ведь не боимся, маленький? Мы переберемся, обязательно переберемся...

Нейда храбро шагнула вперед — вода закружилась у ее щиколоток, у колен, у бедер. Потом вода достигла ее талии, и словно какие-то невидимые руки поднялись к ней со дна, схватили, потянули за собой — Нейда удержалась на ногах лишь ценой отчаянного усилия, но течение продолжало упорно тащить ее. И вот, когда девушка уже почти добралась до спасительного берега, случилось то, чего она опасалась. Нейда почувствовала, что теряет равновесие, и едва успела пробормотать какие-то слова одобрения Питеру, как ноги ее окончательно утратили опору. Что-то сильно ударило ее в бок, Нейда, придерживая Питера одной рукой, беспомощно взмахнула другой — и ее пальцы сомкнулись на сучке, торчавшем, точно ручка, над черным скользким бревном, которое обрушил на нее ручей.

— Все хорошо, Питер! — крикнула Нейда, хотя и знала, что они вот-вот утонут. — Все хорошо...

Внезапно она с головой ушла под воду, а с ней и Питер, которого она продолжала судорожно прижимать к груди.

Думала она не о себе, а только о Питере. Почему-то она не боялась, хотя обычно зрелище бурных весенних разливов внушало ей робость. Вода гремела над ней, под ней и всюду вокруг; в ее ушах стоял оглушающий хриплый рев, и все же она не испытывала привычного страха.

Пока этот черный хаос душил ее, в ее мозгу по-прежнему рождались слова ободрения Питеру, которые она уже не могла произнести вслух; одной рукой она держала щенка, а другой цеплялась за сучок, силясь приподняться над водой. Питер перестал быть для нее просто собакой — ведь он бросился на ее защиту и отдал за нее жизнь! Внезапно какая-то сила подбросила ее кверху — большое бревно повернулось, возвращаясь в устойчивое положение, из которого его на минуту вывел ее вес. На краю заводи, где вода кружила, но уже не мчалась неудержимо вперед, на поверхности показались каштановые волосы Нейды, потом ее побелевшее лицо, и последним судорожным усилием девушка положила мокрое тельце Питера на бревно. Всклипывая, Нейда пыталась вздохнуть поглубже. Мокрые пряди залепили ей глаза, и она ничего не видела. Силы совсем ее оставили, ей никак не удавалось взобраться на бревно рядом с Питером, а потом, когда она немного приподнялась, сук склонявшегося над водой дерева оторвал ее от бревна, точно могучая рука.

Вскрикнув, она попробовала схватить Питера, но он исчез, исчезло и бревно, а сук вцепился ей в волосы, как нередко вцеплялся в них Хокинс, и несколько секунд течение раскачивало ее тело, так, что содрогалось все дерево.

Но боли Нейда не ощущала; смигнув воду с глаз, она увидела ниже по течению широкую тихую заводь, где теперь колыхалось бревно. Однако Питера на нем не было. И вдруг сердце замерло у нее в груди, глаза широко раскрылись, и в изумлении перед невероятностью свершившегося чуда она забыла, что висит на волосах в бурлящем потоке, а скользкие руки течения бьют ее, хватают и стараются увлечь на дно. Она увидела Питера! Он был в дальнем конце заводи и плыл к берегу! Несколько секунд она была уверена, что зрение ее обманывает. Наверное, это течение несет его труп. Ведь Питер не мог плыть! Но... но голова его была поднята над водой... он продвигался к берегу... он бил лапами...

Нейда отчаянно рванулась. Что-то подалось. Голову ей словно обожгло, и течение потащило ее дальше. В заводи она поплыла, преодолевая слабость, и вскоре ее ноги коснулись дна. Она протерла глаза, почти рыдая от невыразимого страха и невыразимой надежды. Питер уже выбрался из воды. Он кое-как всполз на берег и съезжился в мокрый комок, но он смотрел на нее! Его глаза блестели, они искали ее. Нейда побрела к нему. Только теперь, когда все осталось позади, она поняла, до чего обессилела. В голове у нее что-то беспрерывно кружилось, к горлу подступала тошнота, все вокруг плыло перед глазами, и ее уже не удивляло, что Питер жив, а не умер. До берега оставалось всего несколько футов, но силы совсем оставили Нейду, она опустила в воду и, ползком добравшись до Питера, снова взяла его на руки и прижала к мокрой, судорожно вздымающейся груди.

Солнце лило на них свои лучи, не затененное ни единой веточкой, вода, еще так недавно певшая песнь смерти,

теперь опять журчала весело и дружески, кругом щебетали птицы и совсем рядом на стволе рябины резвились две рыжие белки. Потемневшие от воды волосы Нейды снова посветлели на солнце и начали завиваться в крупные кольца; высохли и жесткие баки Питера. Через полчаса глаза девушки уже сияли светом надежды и щеки ее окрасил румянец.

— Мы уже почти высохли, Питер, и можем пойти к мистеру Веселому Роджеру, — шепнула она весело. Нейда встала, встряхнула лишь чуть влажными волосами, взяла Питера на руки... и вздрогнула, потому что он жалобно заскулил.

— Он тебя вылечит, Питер, — сказала она, чтобы утешить щенка. — И нам у него будет хорошо.

Взгляд Нейды был устремлен вперед, в пронизанную солнцем лесную зелень. Пение птиц и вся окружающая красота наполняли ее душу неизъяснимой радостью, а прикосновение мягкой земли к ее босым ногам, казалось, сулило чудесную, неизвестную ей дотоле свободу.

— Цветы! — негромко воскликнула она. — Цветы, и птицы, и солнце! Питер... — Она умолкла на миг, словно прислушиваясь к дыханию света и жизни вокруг. — Ну, нам пора идти к мистеру Веселому Роджеру, — сказала она затем.

Нейда еще раз встряхнула волосами, и они засияли вокруг ее лица, будто ореол. Синева ее глаз стала еще синее, а румянец на щеках еще алее, когда она свернула на еле заметную тропинку, которая вела к хижине, где Веселый Роджер прятался от людских глаз.

3

В старой лачужке индейца Тома, построенной на травянистой поляне неподалеку от Быстрого ручья, раздался веселый мужской смех. В этот предвечерний час последнее солнечное золото лилось в распахнутую дверь хижины, сложенной из тополевых бревен. И как солнечные зайчики на пестрой тополевой древесине, этот смех словно озарял тут все вокруг — тут, на краю огромного болота, которое простиралось далеко на север и на запад. Это был особый смех — не буйный или насмешливый, но звонкий и чарующий своей искренностью. Он был очень заразителен и мог разогнать тьму самой хмурой ночи. Он рассеивал страх, и если в болоте старого индейца Тома и вправду водились черти, то, заслышав его, они, конечно, улепетывали во все лопатки. И не раз, как могли бы засвидетельствовать обитатели многих типи и хижин далеко отсюда, перед этим смехом отступала сама смерть.

В последний вечер мая, о котором мы ведем рассказ, человек, умеющий так смеяться, стоял, облокотившись о грубо сколоченный стол. Это был Роджер Мак-Кей, более известный как Веселый Роджер, разбойник, разыскиваемый всеми патрулями королевской северо-западной конной полиции к северу от Водораздела². Но тот, кто увидел бы его в эту минуту в золотом ореоле солнечных лучей, не поверил бы, что перед ним скрывающийся преступник, а тем более преступник, который, по слухам, творил в северном краю неслыханные бесчинства. Он был не особенно высок ростом, крепкий, как наливное яблоко, и такой же румяный. Было что-то детское в его круглом розовом лице, в ясных серых глазах, в льняных, коротко подстриженных волосах и в пухлости его обнаженных по локоть рук. Веселый Роджер выглядел упитанным и благодушным. Фигура его была округлой в каждой своей линии, однако тот, кто назвал бы его толстяком, ошибся бы. Очень ошибся бы, как могли подтвердить многие люди, встречавшиеся с ним на лесных тропах. Его лицо не носило никаких следов порочности, и он ничем не походил на гонимого преступника; разве что сторонний наблюдатель сосредоточил бы свое внимание только на пистолете, который висел на поясе, обвивавшем его не слишком стройный стан. Если бы не этот пистолет, Веселый Роджер производил бы впечатление не просто безобидного малого, но человека, самой судьбой предназначенного всюду приносить дух бодрости и доброжелательства. Что до его возраста, то ему было двадцать пять лет, о чем он, впрочем, избегал упоминать.

На первый взгляд в хижине не было ничего, что могло бы рассмешить даже самого заядлого весельчака, не говоря уж о разбойнике, за чью голову была назначена награда, — если только это не был аппетитный запах готовящегося ужина. На маленькой плите в дальнем углу поджаривались две куропатки, а из сломанного носика кофейника подымались клубы ароматнейшего пара. В открытой духовке ждали своей очереди шесть горячих печеных картофеля в хрустящей золотисто-коричневой корочке.

Веселый Роджер, посмеиваясь и потирая руки, отошел от стола и в третий раз направился к низкой полке в дальнем углу. Там он осторожно приподнял кипу старых газет; в открывшейся коробке что-то зашуршало, раздался протестующий писк, и над краем появилась мордочка бурой мышки, которая устремила на Роджера вопросительный взгляд двух блестящих глаз-бусинок.

— Вот плутовка! — радовался Роджер. — До чего же храбрая плутовка!

Он приподнял газеты повыше и снова принялся рассматривать диковинку, на которую случайно наткнулся

полчаса назад. В мягком гнездышке лежало четверо крохотных мышат, еще совсем голеньких и слепых. Едва он опустил газеты, как мать прошуршала назад к ним, и было слышно, как она попискивает, успокаивая малышей, — она как будто говорила им, что этого человека можно не бояться: она его хорошо знает и он ни за что не причинит им никакого зла. А Веселый Роджер, вернувшись к столу, вновь расхохотался, и смех его разнесся над долиной ручья, одетой золотом заката, так что с вершины высокой ели на самом берегу ему задорным стрекотом ответила голубая сойка.

Однако на самом деле этот смех был вызван не только видом четырех голеньких мышат в гнезде из газетных клочков. В этот день к веселому и беззаботному искателю приключений вдруг пришло счастье — ему стоило только протянуть руку, и счастье навсегда осталось бы с ним. Но он не протянул руки... потому, что был разбойником, и еще потому, что во всем следовал собственному строгому кодексу чести. Роджер Мак-Кей не верил в бога, но он поклонялся природе: все ее проявления, ее жизнь, самый воздух, которым он дышал, были теми страницами, из которых слагалась книга его веры. И когда солнце начало спускаться за вершины высочайших деревьев, он прочел на этих страницах, что поступил как глупец, когда отвернулся от самого лучшего подарка, который могла ему сделать жизнь, — отвернулся только потому, что прихоть судьбы превратила его в нарушителя людских законов и обрекла на скитания. Вот почему теперь его душа пела и смеялась.

Он твердо верил, что полчаса назад принял непоколебимое решение. Он заставил себя забыть про нарушенный закон и про облаченных в красные мундиры служителей этого закона, которые неотступно шли по его следу. Но им и в голову не придет искать его здесь, на самой границе цивилизации, а время, заверил он себя в эту минуту оптимизма, укроет его надежной завесой забвения. Завтра он снова отправится за Гребень Крэгга и...

Перед его умственным взором встало грустное личико с широко открытыми синими глазами, вновь в неярких лучах солнца заблестели каштановые кудри и алые губы, запинаясь, произнесли: «Вы меня не обидите, если поцелуете, мистер Веселый Роджер... если вам этого хочется!»

Он подробно рассказал про это ясноглазой мышке-матери, которая то и дело выглядывала из своей коробки. — А ты чересчур уж любопытна, плутовка, — сообщил он ей. — И к тому же настоящая пиратка, сущий капитан Кидд: ты съела мой сыр, изгрызла ремешки моих лыж и утащила у меня носок для своего гнезда. Мне следовало бы поймать тебя в мышеловку или отстрелить тебе голову. Но я этого не делаю. Я позволяю тебе спокойно жить... и растить детей. И, миссис Кидд, тебе я обязан замечательной мыслью. Да-да! Ты сказала мне, что я имею право завести собственное гнездо, — и я его заведу! А хозяйкой в нем будет самая милая, самая красивая девушка на свете, которая только по ошибке не родилась цветком! Вот так, миссис Кидд. А если явятся полицейские ищайки...

И тут вдруг радужные дали затуманились, и на лице Веселого Роджера появилось выражение, которое бывает у человека, когда он не боится взглянуть правде в глаза и знает, что загнан в угол и должен защищаться.

Солнце заходило, ужин стыл на столе, а это облако, омрачившее светлую Картину, становилось все мрачнее, превращалось в темную тучу, оледенившую его сердце. Он отошел от стола к открытой двери; его пальцы медленно сжались в кулаки, и он спокойно и неторопливо оглядел свой мир. Перед ним простиралась глухая лесная чаща, кое-где еще пронизанная угасающими отблесками заката. Вот это и был его мир — весь его мир. Здесь он родился и здесь когда-нибудь умрет. Он любил и понимал этот мир, чей могучий дух говорил с ним всегда — днем и ночью, при солнечной погоде и в бурю. Но теперь он безмолвствовал. И Веселый Роджер, погружившись в задумчивость, не слышал насмешливой брани, которой осыпала его голубая сойка с пламенеющей вершины высокой темной ели.

Тут внутри него поднялось что-то более сильное, чем эгоистическое желание счастья, и его угрюмо сомкнутые губы прошептали с тихим, но яростным вызовом:

— Она совсем маленькая девочка. А я... я разбойник, и меня ждет тюрьма... Ведь рано или поздно они меня изловят, я знаю!

Он отвернулся от закатного неба и шагнул в сумрак своей хижины. В газетах шуршала маленькая мать, и на мгновение губы Веселого Роджера искривились в грустной улыбке.

— Нельзя! — сказал он. — Нельзя — и все тут, миссис Кидд. Ей и так живется несладко, а со мной будет еще хуже. Этого ведь не избежать. Никак не избежать, миссис Кидд. Но я рад, чертовски рад, что она разрешила мне поцеловать себя, если я этого захочу! Только подумать, миссис Кидд! Если я захочу... О господи!

И, обнаружив комическую сторону даже в своей трагедии, Веселый Роджер усмехнулся и нагнулся над сковородкой с куропатками.

— Если я захочу! — повторил он. — Да я бы жизнью заплатил, лишь бы поцеловать ее хотя бы один раз! Но

дело так обернулось, миссис Кидд, что...

Веселый Роджер вдруг умолк и весь напрягся. Жизненный опыт научил его одному: выживает самый приспособленный — но самым приспособленным он остается, только пока выживает. И он всегда был начеку. Он умел думать быстро, слух у него был острый, а мышцы в каждой своей клеточке хранили настороженность. И теперь, не поворачивая головы, он знал, что в дверях у него за спиной кто-то стоит. Об этом ему сказали легкий шорох, тень, возникшая на стене, еще чуть позолоченной закатом, чей-то устремленный на него взгляд, чье-то безмолвное и неподвижное присутствие. Такого предупреждения было достаточно. Роджер подцепил куропатку на вилку, перевернул ее, громко рассмеялся... и внезапно с быстротой молнии повернулся к двери, уже держа свой кольт сорок четвертого калибра на уровне груди незваного гостя.

И сразу же рука с пистолетом опустилась.

— Ах черт...

Он растерянно глядел в глаза, отвечавшие ему таким же растерянным взглядом.

— Нейда! — с трудом выговорил он. — А я-то думал... я думал... — Он сделал судорожное движение губами, подыскивая правдоподобное объяснение. — Я думал, что это медведь.

В первую минуту он не заметил, что ситцевое платье тоненькой воспитанницы Джеда Хокинса промокло насквозь. Синие глаза девушки испуганно блестели. Щеки горели лихорадочным румянцем. Какие-то невысказанные слова застыли на полураскрытых губах, а волосы падали на плечи растрепанной волной. Однако Веселый Роджер ничего не замечал — недавние счастливые грезы, внезапность ее появления и ее красота заслонили от него все остальное. Но тут он внезапно увидел и другое. Последний луч заката блестел в ее волосах потому, что они были влажными, платье облепляло ее, а вокруг ее рваных башмаков растекались маленькие лужицы. Само по себе это его не особенно удивило бы, так как, чтобы попасть сюда, она должна была перейти вброд ручей. Но его поразило выражение ее лица и руки, крепко прижимающие к груди Питера, щенка, которого он ей подарил.

— Нейда, что случилось? — спросил он, кладя пистолет на стол. — Ты упала в ручей?

— Нет. Питеру плохо, — сказала она с рыданием в голосе. — Мы наткнулись на Джеда Хокинса, когда он выкапывал свое виски... Он совсем взбесился, схватил меня за волосы, и Питер укусил его... а... а он схватил Питера и бросил его о камень... Он совсем изувечен! Мистер Веселый Роджер...

Девушка протянула ему щенка. Веселый Роджер взял щетинистую мордочку в ладони, а потом осторожно перехватил расшибленное тельце, и Питер тихонько заскулил. Девушка судорожно всхлипывала, но ее глаза, когда она на миг перевела взгляд со щенка на пистолет, были сухими.

— Будь у меня револьвер, я бы его убила! — крикнула она.

Веселый Роджер опустился на колени и нагнулся над Питером. Его лицо стало серым и холодным.

— Он схватил тебя за волосы?

— Я... я нечаянно сказала про это, — прошептала она, наклоняясь над его плечом. — Я не хотела. И мне совсем не было больно. А вот Питеру...

Роджер ощутил у себя на шее влажное прикосновение ее локонов.

— Скажите, мистер Веселый Роджер, он сильно покалечен?

Веселый Роджер с женской бережностью ощупал худенькое тельце Питера. И Питер чуть слышно повизгивал, испытывая невыразимое облегчение оттого, что его касались эти пальцы. Он больше не боялся ни Джеда Хокинса, ни боли, ни смерти. Собаки понимают счастье очень просто. И для Питера было невыразимым блаженством лежать вот так, забывая терзавшую его боль, потому что над ним наклонялось лицо любимой хозяйки, а ласковые пальцы Веселого Роджера трогали его, неся ему исцеление. Он заскулил, когда Веселый Роджер нащупал место перелома, и вскрикнул совсем как маленький ребенок, когда внезапно что-то хрустнуло и кость встала на место, но даже и в эту минуту он повернул голову так, чтобы горячим язычком лизнуть дружескую руку. А Веселый Роджер тем временем давал указания девушке, которая быстро отыскала подходящую тряпку, разорвала ее на узкие полоски, и уже через десять минут правая задняя нога Питера была перебинтована так туго, что стала неподвижной и бесполезной, точно деревяшка.

— У него было вывихнуто бедро и сломана голень, — объяснил Веселый Роджер, закончив перевязку. — Теперь все хорошо, и через три недели он будет бегать по-прежнему.

Он осторожно поднял Питера и сделал ему постель на нарах из собственного одеяла. Потом все с тем же странным серым лицом повернулся к Нейде.

Она стояла вполоборота к двери и смотрела прямо на него. И Веселый Роджер увидел в ее глазах то самое чудо, которое утром посулило счастье его измученной бурями душе. Глаза Нейды были синее самых синих фиалок,

какие только ему доводилось видеть, и он знал, что ее бесхитростное сердце не станет скрывать тайны, о которой говорят эти глаза. Он отдал бы все на свете, лишь бы обнять ее, и он знал, что для этого ему стоит только протянуть к ней руки, но их сковало другое, более сильное чувство. На щеках Нейды пылал румянец, и Роджеру казалось, что нигде в мире не найдется красавицы, равной этой тоненькой девушке в старом платьице и худых башмаках, — такая неземная радость озаряла ее лицо, обрамленное влажной волной кудрей, которые чуть блестели в свете угасавшего дня.

— Я знала, мистер... Роджер, что вы его вылечите! — сказала она, и в ее голосе зазвенела гордость за него, вера и обожание. — Я знала это!

В горле Веселого Роджера встал какой-то комок, и, отвернувшись к плите, он начал тыкать вилкой в хрустящую корочку печеных картофелин. Не оборачиваясь, он сказал ей:

— Ты пришла как раз к ужину, Нейда. Мы поедим, а потом я провожу тебя до Гребня.

Питер не спускал глаз с Роджера и девушки. Нога уже не болела, лежать на одеяле Веселого Роджера было тепло и уютно, и, положив щетинистую мордочку на передние лапы, он внимательно следил за каждым движением этих двух людей, без которых не мог бы жить. Он слушал негромкий звонкий смех, который ему случалось слышать очень редко — ведь Нейда смеялась так, только когда бывала счастлива; он смотрел, как она потряхивает волосами в свете лампы, которую зажег Веселый Роджер, и успел заметить, что в эту минуту Роджер, возившийся у плиты, бросил на нее взгляд, полный глубочайшей любви, но тотчас отвел глаза, едва она обернулась. Как ни был Питер смышлен, он ничего не понял, но он чувствовал во всем этом ту радость, какую ощущал всегда, когда они встречали Веселого Роджера: сияло ли тогда солнце, или день был непогожий и хмурый. За свою коротенькую жизнь он много раз видел горе и слезы Нейды, видел, как она вся съеживалась и старалась куда-нибудь спрятаться, когда раздавалась гнусная ругань мужчины и хриплый голос женщины в той, другой хижине. Но в обществе Веселого Роджера этого не случалось никогда. У него было два глаза, он не бранился и не таскал Нейду за волосы — поэтому Питер любил его всем сердцем. И он знал, что его хозяйка тоже любит Веселого Роджера — ведь она сама ему об этом говорила; в ее глазах, когда она глядела на Веселого Роджера, не было грусти, и только с ним она смеялась тихо и звонко, вот как сейчас, в эту минуту.

Веселый Роджер сидел за столом, а Нейда стояла позади него, покрасневшись от восторга: ей было позволено налить ему кофе! А потом она тоже села к столу, и Веселый Роджер начал подкладывать ей лучшие куски куропатки и старался сохранять спокойную невозмутимость, когда смотрел на очаровательное личико напротив. Нейда же и не думала прятать синего сияния радости в своих глазах. Немногими светлыми часами, которые выпали ей в жизни, она была обязана Веселому Роджеру, пришельцу, три месяца назад поселившемуся в хижине индейца Тома. Она любила его так же бесхитростно, как Питер. И не думала этого скрывать.

— Нейда, — сказал Роджер, — тебе ведь семнадцать лет...

— Мне пошел восемнадцатый год, — быстро поправила она. — Семнадцать мне сравнялось полмесяца назад!

— Да, тебе пошел восемнадцатый год, — повторил он. — И скоро явится какой-нибудь молодой человек, увидит тебя, женится на тебе...

С уст Нейды сорвалось что-то вроде тихого стога. Веселый Роджер увидел, как дрогнули ее губы, какими испуганными стали глаза, и на мгновение решимость почти оставила его.

— Куда вы уезжаете, мистер Веселый Роджер?

— Я? Да нет, я не думаю уезжать — по крайней мере пока. А вот ты уедешь отсюда, когда выйдешь замуж... в один прекрасный день.

— Я не выйду замуж! — с жаром возразила она. — Я ненавижу всех мужчин. Всех, кроме вас, мистер Веселый Роджер. А если вы уедете...

— Так что же будет, если я уеду?

— Я убью Джеда Хокинса!

И Нейда невольным движением протянула маленькую руку к большому пистолету, забытому на углу стола.

— Я убью его, если вы уедете, — повторила она угрожающе. — Он замучил свою жену, искалечил ее... Если бы не она, я бы давно убежала. Но я обещала ей, и я останусь... пока что-нибудь не переменится. А если вы уедете... теперь...

Она всхлипнула, уголки ее губ опустились, и Веселый Роджер, вскочив, пошел за кофейником, хотя его чашка была еще наполовину полна.

— Я не уеду, Нейда, — сказал он с притворным смехом. — Я обещаю... честное слово, провалиться мне на этом месте! Я не уеду, пока ты мне не позволишь.

И тут Питер, почувствовав что-то неладное, затыкал со своего ложа, а когда Веселый Роджер вернулся с

кофейником, глаза Нейды поблагодарили его за обещание радостным взглядом. Стоя позади нее, он сделал вид, что подливает ей кофе, хотя она даже еще не притронулась к своей чашке, и тут вновь заметил, как влажны ее волосы.

— Так что же случилось, когда ты переходила ручей, Нейда? — спросил он.

Она начала рассказывать, и, услышав свое имя, Питер настороженно приподнял щетинистую мордочку. Ему было видно лицо Веселого Роджера, на котором недоумение сменилось испугом, а потом быстрой улыбкой. Когда же Нейда умолкла, Роджер наклонился к ней в светлом круге, отбрасываемом лампой, и сказал:

— Я хочу, чтобы ты мне кое-что обещала, Нейда. Если Джед Хокинс еще раз поднимет на тебя руку, или схватит тебя за волосы, или даже просто пригрозит тебе, непременно скажи мне об этом, хорошо?

Нейда молчала в нерешительности.

— А не то я возьму назад свое слово и не останусь здесь, — добавил он.

— Ну, раз так... то обещаю, — сказала она. — Если он меня ударит, я вам скажу. Но я боюсь... то есть боюсь... не за себя, а только за Питера. Джед Хокинс наверняка его убьет, если я возьму его домой, мистер Роджер.

Можно, он останется у вас? И... ах, если бы и мне можно было остаться...

Последние слова она пробормотала еле слышно, и тут же краска бросилась ей в лицо. Однако Веселый Роджер уже опять отошел к плите, так, словно не видел, как она покраснела, и словно не расслышал последней фразы, поэтому смущение Нейды быстро рассеялось.

— Конечно, пусть Питер остается здесь, — ответил он через плечо, но в сердце у него другой, неслышный ей голос стонал: «Я бы отдал все на свете, лишь бы и ты могла тут остаться!»

Полчаса спустя, доедая свою порцию куропатки, Питер уголком глаза следил за Веселым Роджером и Нейдой, которая собралась уходить. Было уже темно, и Роджер спустил только сетку от комаров, а дверь закрывать не стал; Питер слышал, как постепенно затихали их шаги в густом лесном мраке. Луна еще не взошла, и под сводом сосен и елей все было черно, как в аду. Кругом царила мертвая тишина, и безмолвие этого первого ночного часа нарушал лишь звук их собственных шагов да шум воды в ручье. Душа Веселого Роджера ликовала — теплая маленькая рука Нейды лежала в его руке, ее пальчики крепко держались за его большой палец, и так он вел ее по невидимой тропе. Когда он остановился, отыскивая путь, Нейда оказалась так близко от него, что ее щека прижалась к его плечу, и, немного наклонившись, он слегка коснулся губами ее волос. Но в темноте ему не было видно ее лица, всю дорогу до брода его сердце отчаянно билось.

Потом он рассмеялся странным негромким смехом, совсем не похожим на обычный смех Веселого Роджера.

— Я постараюсь не дать тебе вымокнуть во второй раз, Нейда, — сказал он.

Пальцы девушки по-прежнему не выпускали его большого пальца, точно она боялась потеряться в чернильной тьме, окутывавшей их со всех сторон. Она опять прильнула к нему, и Веселый Роджер должен был напрячь всю свою волю, чтобы тут же не сжать ее в объятиях и не признаться в своей любви.

— Я не боюсь... то есть не боюсь вымокнуть, — услышал он ее шепот. — Вы такой большой и сильный, мистер Роджер...

Он осторожно высвободил свой палец и подхватил Нейду на руки так, чтобы даже в самом глубоком месте вода до нее не достала. Сперва руки Нейды еле касались его плеч, но когда Роджер дошел до глубокого места и она почувствовала, как он борется с течением, девушка теснее сжала руки, и они обвили шею Роджера теплым милым кольцом. Наконец он благополучно опустил ее на землю на другом берегу, и она глубоко, с облегчением вздохнула. Потом она нащупала в темноте его руку, и снова ее пальчики обхватили его большой палец, и Веселый Роджер, мокрый насквозь, повел ее к расселине в Гребне Крэгга, а из-за вершин восточного леса показался верхний край луны.

4

Для Питера, оставшегося в пустой хижине, время ожидания тянулось бесконечно. Веселый Роджер, уходя, задул лампу, а когда взошла луна, ее свет не проник в темную комнату, так как дверь выходила на запад, а занавески на обоих окнах были плотно задернуты. Однако через открытую дверь щенок видел, как ночной мрак сначала побледнел и как потом повсюду внезапно разлилось нежное сияние, рассеявшее тьму и населившее мир вокруг таинственными тенями, которые казались живыми, хотя и были беззвучны. В эту ночь светила великолепная полная луна, а Питер любил такую луну, хотя за свою трехмесячную жизнь он видел ее всего лишь несколько раз. Она завораживала его куда больше солнца, потому что солнце всходило всегда при свете и ему никогда не доводилось видеть, чтобы солнце пожирало тьму, как это делает луна. Эта тайна преисполняла его благоговением, но нисколько не пугала. Правда, ему были не совсем понятны странные безмолвные тени, которые переставали существовать, едва он принимался их обнюхивать; несколько сбивало его с толку и еще

одно наблюдение — птицы почему-то не летали и не пели при лунном свете, хотя при дневном свете они и летали и пели. Но едва это непонятное нечто, пожирающее тьму, выплывало на небо, как в самой глубине его существа просыпалось что-то древнее, полученное в наследство от предков, и кровь быстрее бежала по жилам, а неверные бледные лучи манили к себе, звали тихо и незаметно красться все вперед и вперед, напрягая зрение и слух, чтобы увидеть и услышать то, чего он еще никогда не видел и не слышал.

Теперь Питера окружал мрак хижины, но его взгляд был прикован к открытой двери, и долгое время он прислушивался, не раздадутся ли шаги возвращающихся Роджера и Нейды. Он дважды пробовал подползти к краю нар, но при каждом движении его тело пронзала такая острая боль, что после второй попытки он отказался от своего намерения. Вскоре он услышал, как за стенами хижины просыпается Ночной народ. Они были очень осторожны, эти ночные создания, не то что веселые существа, приветствующие зарю счастливой песней, — ведь большинство из них обладало острыми клыками и длинными когтями, и были это разбойники лесных дебрей, всегда готовые наброситься на добычу. Питер знал и это, потому что в нем жил опыт многих поколений северных собак, от которых он происходил. Где-то вдалеке завыл волк, и что-то сказало Питеру, что это воет не собака. Затем ближе протрубил лось, и тот же инстинкт объяснил ему, что он слышит голос великана медведя, хотя он никогда в жизни не видел ни единого медведя. Питер еще ни разу не встречал ни бесшумно ступающих, зорких и ночью хищников — лисиц, рысей, куниц, норок и горностаев, — ни круглоглазых крылатых убийц, кружащих среди древесных ветвей, однако тот же опыт предков предупреждал его, что они бродят сейчас там, за дверью, среди теней, в этом смутном серебристом мерцании. И вдруг наглядный пример доказал ему, что все это — правда. На поляну перед дверью хижины выпрыгнул крольчонок, еще совсем маленький, и принялся щипать траву, но тут по воздуху промчался когтистый, кривоклювый метательный снаряд, и Питер услышал предсмертный вопль крольчонка, которого сова унесла на вершину высокой ели. Но все равно Питера неудержимо тянуло выйти на лунный свет — он ничего не боялся.

Но вот его ожидание пришло к концу. Он услышал шаги, и вскоре из желтоватой лунной дымки возник Веселый Роджер. На пороге он молча остановился и посмотрел на запад, туда, где небо над вершинами деревьев сверкало звездами. Питер готов был уже радостно тявкнуть, но не тявкнул. Веселый Роджер молчал как-то странно, шагов Нейды не было слышно, и Питер принюхался, проглотил вставший в горле комок и почувствовал в воздухе предвестие чего-то важного. Затем Веселый Роджер вошел в хижину, сел возле стола, не зажигая лампы, и Питер долго-долго смотрел на смутное пятно в темноте, прислушиваясь к звуку дыхания, а потом не выдержал и заскулил.

Веселый Роджер очнулся от своей задумчивости. Он встал, чиркнул спичкой, но тут же задул огонек, подошел к Питеру, сел рядом с ним и принялся тихонько его гладить.

— Питер, — сказал он вполголоса, — пожалуй, нам с тобой предстоит одно дело. Ты сегодня его начал... а я должен буду довести до конца. Нам придется убить Джеда Хокинса!

Питер прильнул к ласковой ладони.

— Может быть, я и преступник, может быть, мое место в тюрьме, — продолжал в темноте Веселый Роджер, — да только до этого вечера я никого не убивал и убивать не хотел. А вот теперь — хочу. Если Джед Хокинс ест хоть пальцем тронет, мы его убьем! Понимаешь, Хромуля?

Он встал, и Питер услышал, что он начал раздеваться. Затем Роджер уложил Питера на одеяле на полу, а сам растянулся на нарах, и на долгое время в хижине воцарилось что-то более тягостное, чем ночной мрак, — так, по крайней мере, казалось щенку, который ждал, прислушивался, по-своему, по-собачьи, мечтая о возвращении Нейды, и не мог понять, почему она: вдруг забыла о нем. А в желтоватых лучах луны бесчинствовал Ночной народ, и смутный светлый сумрак был полон стремительного бега, ужаса смерти, а Веселый Роджер спал, а волк завыл совсем близко, а ручей, не смолкая, журчал свою вечную песню. В конце концов веки Питера сомкнулись, и через порог в безмолвие хижины, где пахло человеком и собакой, заглянул красноглазый горностае.

После этой первой ночи миновало много дней, прежде чем Питер снова увидел Нейду. Прошли проливные дожди, ручей разлился, и каждый раз, когда Веселый Роджер переправлялся через бурный поток, чтобы добраться до Гребня Крэга, он рисковал жизнью. Все это время Питер не видел никого, кроме Роджера. К концу второй недели кость срослась, и щенок начал бегать, но хромота осталась, и его след всегда можно было отличить от любого другого по своеобразному отпечатку правой задней ноги.

За эти две недели болезни Питер очень повзрослел. Теперь он научился понимать Веселого Роджера не только с помощью глаз и ушей, но и с помощью особого инстинкта, развитию которого способствовала его смысленность. За две недели вынужденной неподвижности этот инстинкт приобрел необычайную остроту, и под конец Питер уже умел догадываться о настроении Веселого Роджера по одному звуку его приближающихся

шагов. Все это время щенки изо всех сил старались постигнуть смысл таинственной перемены в своей судьбе. Он знал, что Нейда исчезла, и чувствовал, что каждый новый день все больше отдаляет ее от него, но он чувствовал также, что Веселый Роджер видится с ней, и когда тот возвращался в хижину, в Питере каждый раз пробуждалась тоскливая надежда, что с ним возвращается и Нейда.

Однако постепенно мысли о Нейде начали сменяться мыслями о Веселом Роджере, и вскоре этот человек стал для него самым главным и самым любимым на свете. А Веселый Роджер за эти дни научился находить в обществе Питера и в их растущей взаимной привязанности утешение и отвлечение от тяжелых мыслей. Питер был свидетелем и тех часов, когда хижина светлела от голоса и смеха Веселого Роджера, и тех часов, когда его лицо становилось угрюмым, а в глазах появлялся суровый рассеянный взгляд, смысла которого Питер не мог разгадать. И вот в эти-то часы, когда сердце щенка разрывалось от великой любви к Веселому Роджеру, тот рассказывал Питеру то, чего не открывал еще ни одному человеку.

Как-то в сумерках, вернувшись весь мокрый после переправы через ручей, он сообщил Питеру:

— Нам бы следовало уйти отсюда, Питер. Нам бы следовало сложить сегодня же все пожитки и ночью убраться подальше. Видишь ли... иногда я сам себя боюсь, Хромуля. Ради нее я могу и убить. Ради нее я готов умереть. Я бы бросил все на свете и пошел бы в тюрьму, если бы там со мной была она. А это опасное желание, Питер, потому что ей быть с нами нельзя. Никак нельзя, дружок. Она ведь не знает, почему я поселился тут. Она ведь не знает, что меня давно уже разыскивает полиция — им, конечно, и в голову не придет, что Веселый Роджер Мак-Кей прячется так близко от населенных мест. Если же я ей признаюсь, она решит, будто я даже хуже Джеда Хокинса, и, конечно, не поверит, что действовал я смекалкой, а не пистолетом и что я в жизни не убил и не ранил ни одного человека. Нет, она мне не поверит, Питер. А хуже всего то, Хромуля, что она... она меня любит. Во всем на меня полагается и хоть завтра пошла бы со мной к отцу Джону. Я знаю это. Вижу, чувствую, и я...

Его пальцы стиснули загривок щенка.

— Питер, — прошептал он в сгущающейся мгле, — я не верю в того бога, в которого верят многие люди, мне хватает цветов, птиц, деревьев, неба — всего, что вокруг, и всем этим я клянусь, что не сделаю ее несчастной, Питер. Клянусь, понимаешь?

И всю ночь Питер слышал, что Роджер не спит и беспокойно ворочается на нарах.

Однако утром он принялся петь, пока готовил завтрак, и голос его был таким же веселым, как солнечные лучи, разливающиеся по лесу. Для Питера эта смена настроений была неразрешимой загадкой. Сколько раз он видел, как угрюмый и унылый Роджер вдруг вскакивал и принимался бодро насвистывать или петь, а однажды он объяснил Питеру:

— Я беру пример с солнца, Хромуля. Оно ведь светит, даже когда его заслоняют от нас тучи и мы его не видим. А смех еще никогда не вредил человеку.

В этот день Веселый Роджер не ходил за ручей.

5

Только когда пошла третья неделя, Питер наконец увидел Нейду. К этому времени он уже провожал Роджера до брода и ждал там — иногда по нескольку часов, — пока его товарищ и хозяин не возвращался с Гребня Крэга. Но часто Веселый Роджер оставался с Питером у брода и, растянувшись на краю лужайки, которую они нашли там, принимался читать какую-нибудь из своих старинных книжечек в красных переплетах — как было известно Питеру, он очень дорожил этими книгами. Щенок часто пытался понять, что интересного могло прятаться между выцветшими крышками переплета, и умей он читать, то прочел бы следующие заглавия: «Маргарита Анжуйская», «История Наполеона», «История Петра Великого», «Цезарь», «Колумб — великий путешественник» и так далее, — всего двадцать томов, которые Веселый Роджер раздобыл, ограбив почту за два года до описываемых событий, и которые он ценил не меньше собственной жизни.

В этот день, когда они лежали на полянке в дремотной июньской тишине. Веселый Роджер решил наконец удовлетворить любопытство, написанное на мордочке Питера и блестящее в его глазах.

— Видишь ли, Хромуля, — начал он виновато, — мне до смерти хотелось почитать что-нибудь, и я прикинул, что у почтальона что-нибудь да найдется — газета, например. Вот я и остановил почту, почтальона связал и увидел эти вот книжки. И, честное слово, больше я ничего не взял — во всяком случае, в тот раз. Их двадцать штук, и весят они вместе девять фунтов, и за последние два года мне пришлось пройти с ними не меньше пяти тысяч миль. Но все равно я не сменял бы их, даже предложи мне кто-нибудь золота, сколько я вешу — а это не так уж мало! Я назвал тебя Питером потому, что так называли в юности Петра Великого. Сказать по правде, я чуть было не окрестил тебя Христофором Колумбом. Как-нибудь потом, Питер, мы доставим эти книжки тому

человеку, которому они были адресованы. Я дал себе такое слово. Ведь украсть книги — словно душу у кого-нибудь украсть. И я их только взял почитать. Адрес их хозяина я записал — он живет на самом краю Голых Земель. Как-нибудь мы возьмем да и доставим книги по принадлежности.

Внезапно Питер утратил интерес к этим объяснениям, и Роджер, проследив направление его взгляда, увидел, что на другом берегу ручья стоит Нейда и смотрит на них. Питер тотчас узнал ее и задрожал всем телом, но тут Веселый Роджер с радостным смехом схватил его под мышку и бросился с ним в ручей. Потом он добрых пять минут стоял в сторонке и смотрел на встречу Питера и Нейды; он слушал восторженное повизгивание щенка, лизавшего лицо и руки девушки, видел следы слез на щеках Нейды, и его собственные глаза подозрительно заблестели. Для Питера три недели были бесконечно длинным сроком, но в своей обожаемой маленькой хозяйке он не смог углядеть никаких перемен. Все осталось прежним — и пышные локоны, в которые можно было уткнуть нос, и ласковые руки, и нежный голос, и пьянящее тепло ее тела, когда она крепко прижала его к груди. Он не понял, что на ней надеты новые башмаки и новое платье, что ее алые губы словно поблекли, лицо побледнело, а тоскливое выражение уже больше никогда не исчезало из глаз.

Но Веселый Роджер видел и этот взгляд, и растущую бледность — он наблюдал их уже больше двух недель. И вечером, когда Нейда ушла за Гребень Крэга, а он вновь переплыл ручей, держа Питера на руках, на его лице застыло суровое и мрачное выражение, которое Питер начал замечать все чаще. И когда они сидели в сумерках на пороге хижины. Веселый Роджер сказал:

— Скоро все станет ясно, Питер. Я жду, что вот-вот что-то случится. Она что-то скрывает от нас. И боится за меня. Это-то мне понятно. Но я узнаю, в чем дело, — и скоро. А тогда, Хромуля, мы, пожалуй, убьем Джеда Хокинса и уйдем на Север.

Мрачные предчувствия, звучавшие в голосе и словах Роджера, словно окутали хижину на долгие дни, и Питер все более остро ощущал пугающее приближение чего-то таинственного и неотвратимого. Он быстро рос, становился сильнее и сметливее, и в нем уже начали развиваться те благоразумие и сообразительность, которые впоследствии сыграли такую важную роль в его жизни. Инстинкт, не менее могучий, чем разум (а может быть, это и был разум), подсказывал ему, что его хозяин постоянно и напрасно ожидает чего-то. Тот же инстинкт открыл ему, что этого неизвестного события следует опасаться. Теперь он уже не бросался очертя голову исследовать загадки и тайны. Он выбирал окольный путь и заставлял, таинственное врасплох. На смену щенячьему любопытству и безрассудности пришли умение и хитрость. Он легко постигал новое, а слово Веселого Роджера стало для него законом, и достаточно ему было услышать распоряжение один или два раза, как оно становилось частью его жизненного опыта. Но если в мозгу Питера развивались наблюдательность и сметка его отца-эрделя, то его тело складывалось по образу и подобию его могучей, быстрой и кроткой матери-гончей. Его ноги утрачивали былую нескладность и неуклюжесть. Узлы на хвосте скрылись под слоем мышц. Его крупная голова, щетинившаяся свирепыми баками, казалось, пока перестала расти, чтобы дать время нескладному худому туловищу догнать ее.

И хотя всего несколько недель назад его огромные лапы вечно заплетались и спотыкались, теперь они научились ступать уверенно и бесшумно.

И с недавних пор Питер, услышав приближающиеся шаги, уже не бросался навстречу с веселым лаем, пока не убеждался, что это действительно идет Веселый Роджер. Такое поведение могло показаться странным, если принять во внимание, что пять недель, которые протекли с того вечера, когда Нейда принесла Питера с Гребня Крэга, в окрестностях хижины не появлялось ни одного человека, кроме Роджера и Нейды. Но прирожденная осторожность росла и крепла в душе щенка с каждым днем. Затем как-то под вечер Питер сделал неожиданное открытие. Они с Веселым Роджером возвращались с рыбной ловли, которой занимались ниже по ручью, и едва Питер вышел из леса на вырубку, как учуял незнакомый запах. Он поспешно начал расследование и обнаружил тот же запах всюду вокруг хижины, а особенно силен он был возле двери. Питеру все было ясно. Тут побывал какой-то неизвестный ему человек: он несколько раз обошел хижину, открывал дверь и даже заходил внутрь — Питер учуял его следы на половицах. Он попытался сообщить Веселому Роджеру о случившемся: весь оцетинился, заскулил и начал внимательно вглядываться в темную чашу. Роджер осмотрел поляну вместе с ним, но не заметил никаких следов и сказал, принимаясь чистить рыбу для ужина:

— Наверное, нас навестила россомаха, Хромуля. Негодяйка думала чем-нибудь пожить, пока хозяев нет дома.

Но Питер не успокоился. Ночью он спал вполглаза. Знакомые звуки вдруг обрели новый смысл. Весь следующий день его тяготили непонятные предчувствия. Вторжение неизвестного запаха в их мир пугало его и сердило. Собачья логика подсказывала ему, что произошло посягательство на права его хозяина, а он, как того

требовал закон его племени, был защитником этих прав.

На четвертый день после появления незнакомого запаха Веселый Роджер задержался у Гребня Крэгга дольше обычного. Питер, который в этот день охотился в одиночку, вернулся домой перед закатом. С недавних пор у него появилась новая привычка: прежде чем выйти на открытое место, он сначала несколько мгновений принюхивался и прислушивался. И теперь, когда он осторожно высунул нос из-за ствола ели ярдах в двадцати от хижины, его сердце внезапно забило от жгучего волнения. Дверь хижины была открыта. А возле двери, внимательно оглядываясь по сторонам, стоял незнакомый человек. Он был совсем не похож на Джеда Хокинса, как немедленно решил Питер: высокий, в широкополой шляпе, в полосатых брюках, заправленных в сапоги, и в куртке с какими-то металлическими штучками, которые блестели в последних лучах солнца. Питер не имел ни малейшего представления о королевской северо-западной конной полиции. Но он все равно почувствовал опасность и замер. Все время, пока незнакомец осматривался, держа руку на расстегнутой кобуре, Питер стоял совершенно неподвижно. Только когда неизвестный вошел в хижину и притворил за собой дверь, Питер тихонько отступил в лесную тень. А потом бесшумно, как лисица, он прокрался через кусты к тропинке и побежал по ней к броду, которого не мог миновать Веселый Роджер, возвращаясь с Гребня Крэгга.

Когда Веселый Роджер вышел на берег, до темноты оставалось еще полчаса. Против обыкновения, Питер не бросился встречать его у самой воды. Он продолжал сидеть, прижав уши и как будто совсем не радуясь хозяину. Необходимость постоянно быть начеку приучила Веселого Роджера замечать самые, казалось бы, ничтожные мелочи. Он заговорил с Питером, погладил его и пошел по тропинке по направлению к хижине. Питер угрюмо поплелся за ним, но через несколько секунд остановился и опять сел. Веселый Роджер удивился.

— В чем дело, Питер? — спросил он. — Тебя опять напугала росомаха?

Питер тихонько взвизгнул, но уши его были по-прежнему прижаты, а в глазах, устремленных на тропу позади хозяина, горели красные огоньки. Роджер повернулся и пошел дальше, пока не скрылся за поворотом тропинки. Там он остановился и поглядел назад. Питер не последовал за ним и продолжал сидеть на прежнем месте. Веселый Роджер коротко перевел дух и вернулся к Питеру. Целую минуту он простоял, наблюдая за ним и прислушиваясь, и все это время в глазах Питера, устремленных в сторону хижины, не гасли красные огоньки. Глаза Роджера тоже вспыхнули, и, внезапно опустившись на колени рядом с Питером, он тихонько произнес над его прижатым ухом:

— Ты говоришь, что это не росомаха, Питер? Верно?

Зубы Питера шелкнули, и он заскулил, по-прежнему глядя прямо перед собой.

Глаза Веселого Роджера блеснули холодным блеском, он вскочил, быстро и бесшумно скользнул под прикрытие деревьев, под которыми уже сгущался сумрак, и пальцы его сжали большой пистолет. Теперь Питер последовал за ним, и Роджер, описав дугу, вышел к хижине у той стены, в которой не было окон. Там Веселый Роджер снова встал на колени рядом с Питером и прошептал:

— Жди здесь, Хромуля. Понял? Жди здесь.

Он ласково нажал ладонью на его спину, и Питер понял. Затем, пригибаясь, Роджер с кошачьей мягкостью подбежал к глухой стене хижины. Присев на корточки, он осторожно выглянул из-за угла и осмотрел дверь. Она была закрыта. Потом он покосился на окна. На западном занавески были подняты, как он их поднял, но на восточном...

Лукавая улыбка тронула уголки его рта. Эти занавески он всегда плотно задергивал. Одна из них оставалась опущенной и теперь, но другая была чуть-чуть приподнята, так что человек, прятавшийся в хижине, мог следить за тропинкой.

Роджер отодвинулся от угла и беззвучно усмехнулся. Ловушка была устроена бесстрашно и умно, а это сказало ему о многом. В хижине кто-то прятался, и он готов был голову прозакладывать, что спрячется в ней Кассиди, упрямый ирландец из отряда «М». Роджер не раз и прежде думал, что проследить его здесь, на самой границе цивилизации, способен только Кассиди, и никто другой. И вот Кассиди явился сюда — Кассиди, который упорно, как волк, три года шел по его следу, гнал его через все Голые Земли, проплыл за ним до верховий Маккензи и весь путь назад, который дрался с ним, голодал и замерзал, как и он, но так его и не арестовал. В глубине души Веселый Роджер питал к Кассиди симпатию. Они долго играли и продолжали играть в захватывающую игру: победа в этой игре стала для обоих целью жизни. И вот теперь Кассиди поджидает его в хижине, не сомневаясь, что добыча у него в руках и вот-вот войдет в ловушку.

Веселый Роджер знал, что дело может обернуться трагически, но тем не менее ему было смешно. Три раза за последние полтора года он оставлял Кассиди в дураках, и этому охотнику за людьми приходилось с трудом выбираться из паутины, которую он сам хитро сплетал для своей жертвы. И вот то же произойдет в четвертый

раз! Кассиди это будет чертовски неприятно!

Вознося в душе молитву, чтобы Питер остался смиренно сидеть на месте, Веселый Роджер снял башмаки и бесшумно, как ласка, подобрался к двери. Потом медленно, дюйм за дюймом, приподнялся и распластался у стены возле самой дверной щели. Затаив дыхание, он прислушался. Ему казалось, что он стоит бесконечно долго, но изнутри не доносилось ни звука. Он догадывался, что делает сейчас Кассиди: смотрит в узкий просвет между занавеской и подоконником. Но догадываться еще не значит знать, а любой просчет мог оказаться роковым — ведь в хижине ждал Кассиди с пистолетом в руке.

Внезапно до его ушей донеслось легкое поскрипывание: мужские шаги, приглушенные, но все же ясно различимые... Человек шел от окна к двери. На полдороге шаги замерли, а потом прозвучали ближе к окну, выходящему на запад. Однако наблюдатель, очевидно, не предполагал, что его жертва может появиться с той стороны, так как после секундной паузы он возвратился туда, откуда ему была видна тропа. На этот раз Веселый Роджер твердо знал, что Кассиди стоит, прильнув к окну, спиной к двери, и каждая мышца в теле лесного бродяги напряглась для молниеносного броска. Еще миг — дверь распахнулась, и наблюдатель, отпрянув от окна, увидел прямо перед собой темное дуло пистолета Веселого Роджера.

После того как его хозяин стремительно распахнул дверь, Питер еще несколько секунд пролежал там, где ему было ведено лежать, изо всей мочи напрягая глаза, так что они чуть не вылезли на лоб. Он услышал голоса, потом звонкий раскат смеха — это засмеялся Веселый Роджер — и, не в силах дольше сдерживаться, осторожной рысцей затрусил к открытой двери хижины. Там на стуле сидел незнакомец в широкополой шляпе и сапогах, его руки были крепко связаны у него за спиной. А Веселый Роджер в последнем отблеске дня сновал по хижине, упаковывая заплечный мешок.

— Мне бы следовало убить тебя, Кассиди, — говорил он с торжествующим смешком. — Ты не даешь мне ни минуты покоя. Куда бы я ни отправился, ты обязательно рано или поздно являешься туда, хотя, насколько мне помнится, я ни разу тебя не приглашал. И теперь, когда подвернулся такой случай, мне следовало бы убрать тебя с моей дороги и посадить над тобой цветочки. Да только духу не хватает. А к тому же ты мне нравишься. Может, когда ты наконец бросишь гоняться за мной, из тебя и выйдет отличная ищейка. Но покуда, Кассиди, тебе не хватает тонкости. Тонкости тебе не хватает. — И Роджер снова расхохотался.

— Просто тебе везет, как черту, — пробурчал Кассиди.

— Ну, если так, то будем надеяться, что мне не перестанет везти! — ответил Веселый Роджер. — А теперь послушай-ка, что я скажу, Кассиди. Давай побьемся об заклад, как мужчина с женщиной: если в следующий раз ты меня опять не сцапаешь, если я возьму над тобой верх, кончишь ты гоняться за мной?

Глаза Кассиди блеснули в полумраке.

— Если ты улизнешь от меня в следующий раз, я подам в отставку!

Голос Веселого Роджера стал серьезным:

— Я верю тебе, Кассиди. Ты всегда играл честно. А теперь, если я развяжу тебе руки, ты дашь мне два часа форы?

— Ладно, — ответил Кассиди.

В темноте уже трудно было различить его худое лицо.

Веселый Роджер зашел, ему за спину. Щелкнул раскрытый нож. Потом Роджер взял мешок и направился к двери. На пороге он остановился.

— Погляди на свои часы, Кассиди, чтобы не ошибиться и не выйти раньше, чем пройдут полных два часа.

— Я дам тебе два часа и пять минут, — сказал Кассиди. — Думаешь уйти на север. Веселый Роджер?

— Думаю уйти в леса, — ответил разбойник. — Я иду туда, где путешествовать не так-то легко и просто, Кассиди. Ну, прощай...

Он ушел, направляясь прямо на север и не стараясь приглушить свои шаги. Но, углубившись в чащу, он повернул на юг и переплыл ручей, держа Питера под мышкой. Они прошли по равнине почти милю, когда Веселый Роджер наконец заговорил, обращаясь к Питеру:

— Кассиди думает, что уж теперь-то я уйду в северные края, Хромуля. Но мы его надуем. Я так и думал, что чего-нибудь в этом роде не миновать, и теперь мы идем к дальнему отрогу Гребня Крэгга, где скалы так накинаны, что в них сам черт заплутается. Ведь ничего другого нам не остается, дружок! Не можем же мы бросить ее сейчас. Никак не можем!

Голос Веселого Роджера прервался. Помолчав немного, разбойник нагнулся и погладил Питера.

— Если бы не ты, Питер, Кассиди на этот раз меня сцапал бы... Одно мне непонятно, Питер, почему господь бог забыл наделить собак речью?

Питер твякнул в ответ, и они растаяли в ночном мраке.

6

Холодный туман пригасил было сияние звезд, но пока Веселый Роджер и Питер шли по равнине между ручьем и Гребнем Крэгга, он постепенно рассеялся.

Они не торопились, потому что Мак-Кей полагался на слово Кассиди. Он знал, что рыжеволосый охотник за людьми не нарушит обещания: он просидит в хижине индейца Тома полных два часа и еще пять минут. С каждой уходящей секундой торжествующая радость в душе Веселого Роджера угасала и сменялась привычной тоской одиночества и злостью на судьбу, которая сделала из Кассиди врага вместо друга. Но зато какого врага! Роджер нагнулся и погладил косматую голову Питера.

— И почему только власти не поручили ловить нас кому-нибудь другому! — проворчал он. — Кому-нибудь, кто ненавидел бы нас и кого мы могли бы возненавидеть! Ну зачем им понадобилось назначать Кассиди — честнейшего в мире человека, хоть он и носит полицейский мундир? Вот мы и не можем нанести ему удар в спину, Хромуля, не можем разделаться с ним, даже если нам самим придется туго. А если он когда-нибудь упрячет нас в тюрьму и увидит, как мы сидим за решеткой, ему это будет нож острый, я знаю. И все-таки он это сделает, Питер, если сумеет. Это же его долг. А Кассиди честный человек, против этого не поспоришь.

Перед ними за равниной встала темная стена Гребня, и Веселый Роджер умолк, вглядываясь в темноту на востоке. Там в миле от них, за расселиной, точно глубокая борозда, рассекавшей Гребень, стояла хижина Джеда Хокинса, безмолвная и сумрачная в слабом свете звезд. А в хижине была Нейда. Он чувствовал, что она сидит у своего окошка, глядит в ночной мрак, думает о нем, и его неодолимо тянуло пойти туда. Но он повернул на запад.

— Мы ведь не можем рассказать ей, что случилось, дружок, — сказал он, повинувшись голосу благоразумия. — Пусть пока думает, будто мы ушли отсюда. Если Кассиди решит поговорить с ней, ее синие глаза могут нечаянно выдать нас, а потому лучше будет, чтобы она не знала, что мы прячемся в скалах Духовки. Ну, да авось она не попадется на глаза Кассиди. И наверное, так оно и будет, Хромуля, потому что, сдастся мне, судьба хочет, чтобы перед уходом мы приструнили Джеда Хокинса.

Годы одиночества приучили его разговаривать вслух с существами, которые не могли ему ответить. Но даже во мгле Роджер чувствовал, что Питер по-своему понимает его.

Камни под ногами путников делались все крупнее, их становилось все больше, потому они пошли медленнее, и все равно иногда спотыкались. Но несмотря на темноту, они легко находили дорогу. Прежде Питер не раз дивился, зачем его хозяин так подробно исследует угрюмое нагромождение скал у дальнего конца Гребня. В этом бесплодном каменном лабиринте они не встречали ни единой живой твари, не видели ни единого стебелька травы. Все там было неприветливым, мертвящим и враждебным, словно застывшим в последней злой судороге. Теперь во мраке это ощущение еще усиливалось, и Питер старался держаться поближе к хозяину. Они поднимались все выше, пробираясь между хаотических нагромождений камней, кружа по обрывам, находя правильный путь больше наугад, но тем не менее неуклонно взбираясь вверх, к звездам. Больше Роджер Мак-Кей не заговаривал с Питером. Каждый раз, когда утесы не заслоняли неба, он искал в вышине на его темном фоне одинокий пик, который в мерцании звезд приобретал жуткое сходство с гигантским могильным камнем — это была их путеводная веха. Они долго карабкались так среди скал, и Веселому Роджеру казалось, что шляпки гвоздей в подошвах его башмаков скрежещут о каменистую почву как-то особенно громко и зловеще. Но наконец они приблизились к вершине.

Они остановились на узкой песчаной площадке, со всех сторон укрытой громадами скал, и Роджер расстелил там свои одеяла. Потом он вышел из черной тени, такой густой, что мириады звезд, сверкавших над их головами, казались совсем близкими. Он опустился на камень и закурил, размышляя над тем, что принесет ему грядущий день и все другие дни, которые за ним последуют. Нигде в мире он не мог бы найти настоящий покой — разве после того, как его руки ощутят холод железных прутьев тюремной решетки и роковая игра будет сыграна до конца.

Сердце Веселого Роджера было свободно от разъедающей горечи злобы и жажды мести. Поэтому даже его заклятые враги — полицейские — стали называть Мак-Кея прозвищем, которое дали ему обитатели лесных дебрей. Он не питал ненависти к конной полиции. Как ни странно, эти блюстители закона даже нравились ему своим неоспоримым мужеством и закалкой. И к закону он тоже не испытывал ненависти. Скорее он посмеивался над его гордым величием, ибо закон с глубочайшей серьезностью придавал важность всяким пустякам — ему самому, например. Служители этого закона, казалось, не знали ни сна, ни отдыха, пока не вешали человека или не сажали его за решетку, и их не интересовало, насколько горячо этот человек любит

людей и жизнь. А Веселый Роджер любил и людей и жизнь. В глубине души он считал, что не совершил никакого преступления, восстановив справедливость, когда ее нельзя было восстановить иными средствами. Но он не отрицал, что закон он при этом нарушил. И он любил жизнь. Любил звезды, безмолвно сиявшие над его головой в эту ночь. Ему нравились даже безжизненные скалы вокруг, потому что они говорили его воображению о захватывающей и буйной жизни нашей планеты в дни ее юности. Нравился ему и исполненный жуткого величия могильный пик в вышине. Но больше всего он любил людей.

Однако даже больше их, больше собственной жизни и всего, что она сулила ему, он любил синеглазую девушку, которая пришла к нему из унылой хижинки Джеда Хокинса.

Позабыв о своих преследователях, позабыв обо всем на свете, кроме нее, он наконец вернулся в тюремный мрак своего убежища под скалами, и, после того как Питер выкопал себе уютную ямку в песчаном ковре, оба крепко уснули.

Проснулись они на рассвете. Но и в тот день, и в следующие два они покидали свой приют только ночью, да и тогда не выходили за пределы окружающих скал. Роджер назвал это место Духовкой, и оно вполне заслуживало такое название в полуденные часы и во вторую половину дня.

Тут было жарко — так жарко, что издали казалось, будто это нагромождение белых скал плавится и тает в раскаленном мареве июльского солнца. Веселый Роджер заверил Питера, что сюда не сунется ни человек, ни зверь — разве что сумасшедший или совсем уж несмысленная тварь. Тем, кто смотрел на их временное укрытие с зеленой равнины между Гребнем и лесом, оно вряд ли могло показаться особенно заманчивым. В незапамятные времена земля в видимом раздражении извергла из своих недр этот каменный хаос, и Веселый Роджер сообщил Питеру, что, по его мнению, Провидение в ту минуту, несомненно, пеклось именно о них, хотя оно задумало и осуществило извержение за сотню-другую тысячелетий до их появления на свет.

К вечеру третьего дня Веселый Роджер решил, что настало время действовать.

Весь день солнце с безоблачного неба палило по скалам Духовки из всех своих орудий. И даже теперь, на закате, над ними еще плавал и курился невыносимый зной. Огромные каменные массы накалились и обжигали кожу при случайном прикосновении, а воздух между их серо-белыми стенами казался густым и горячим, как дым.

Хотя с равнины Духовка и выглядела суровой и непривлекательной, тот, кто, не испугавшись солнечных ожогов, рискнул бы взобраться на господствовавший над ней утес, который вздымался на сотню футов вверх у конца Гребня, был бы вознагражден за свои старания. Внизу, уходя к дремучему лесу, простирались зеленые и золотистые луга, усеянные сверкающими озерами, которые нередко были обрамлены темной бархатистой зеленью сосен, кедров и елей. На полпути между подножием Духовки и этим пиком прятался скрытый от всех глаз тайник, который отыскивали для себя Веселый Роджер и Питер.

Как ни накалялись окружающие скалы, там всегда веяло прохладой подземных пещер. Два огромных утеса сомкнули над ним свои плечи, точно два сказочных великана, образовав узкий сводчатый проход в человеческий рост высотой, куда не проникали солнечные лучи.

Когда Питер освоился с окружающей мертвенностью, он решил, что им тут живется не хуже, чем в хижинке индейца Тома. Днем он с удовольствием валялся на мягком песке, а вечером наслаждался тихим уединением их неприступной крепости. Он, разумеется, не понимал, что означало их бегство от Кассиди, но, руководимый инстинктом, охранял их убежище с неизменной бдительностью. Охранял от всех существ на свете.

От всех, кроме Нейды. Не раз он принимался тихо скулить, тоскуя по ней, почти как сам Роджер. И в этот третий вечер, когда жаркое июльское солнце уже почти касалось зубчатой полоски западного леса, Питер и его хозяин с одинаковой жадностью глядели на восток, туда, где за стеной Гребня Крэга укрывалось жилище Джеда Хокинса.

— Мы скажем ей все сегодня, — объявил наконец Роджер Мак-Кей с задумчивой решимостью. — Мы рискнем и расскажем ей все.

Щетинистые баки Питера, торчавшие по сторонам его морды, как маленькие веники, сочувственно задергались, и он завил хвостом, разметая песок. Питер, без сомнения, был величайшим лицемером, потому что неизменно притворялся, будто понимает все, что ему говорят, даже в тех случаях, когда не понимал ничего. И Веселый Роджер, не отводя взгляда от серой стены у выхода из их приюта, продолжал:

— Мы должны быть с ней честными, Хромуля. Скрывать от нее правду — преступление хуже убийства. Если бы она не была таким ребенком, Питер! Но ведь она еще маленькая девочка, самая милая и чистая душой, и нельзя ее дольше обманывать, как бы мы ни любили ее, Питер. А мы ее любим, Питер, больше всего на свете.

Питер лежал не двигаясь и наблюдал за непривычно угрюмым лицом Веселого Роджера.

— Мне придется сказать ей, что я грабитель с большой дороги, — добавил Роджер после недолгого молчания. — И она этого не поймет, Питер. Не сумеет понять. Но все равно я ей скажу. И сделаю это сегодня же. А потом... думаю, мы очень скоро отправимся на Север, Хромуля. Если бы не Джед Хокинс... Он поднялся с песка и сжал кулаки.

— Все-таки нам следовало бы убить Джеда Хокинса перед уходом. Так было бы безопаснее для нее, — закончил он.

Забыв про Питера, Роджер вышел из их убежища и стал подниматься по каменной осыпи, пока не взобрался на верх громадной скалы. Там он остановился и устремил взор на необъятную глушь Севера. Перед ним на сотню... на пятьсот... на тысячу миль раскинулся его край. Да, там был его дом — от Гудзонова залива до Скалистых гор, от Водораздела до арктической тундры, и там он жил полной жизнью, следуя только своему собственному кодексу. Он знал, что любит жизнь так, как не многим дано ее любить. Он поклонялся солнцу, луне и звездам — всему этому миру, где было так хорошо жить, хотя ему самому непрерывно грозила гибель. Но теперь, когда он стоял, озаренный лучами заходящего солнца, его сердце исполнилось безысходной тоской. На мгновение ему улыбнулось счастье, и поэтому он лгал — лгал тем, что молчал. Он не сказал приемной дочери Джеда Хокинса, что он разбойник и пришел в эти обжитые места, рассчитывая, что тут королевская конная полиция не догадается его искать. И сегодня вечером он, вероятно, увидит ее в последний раз в жизни. Он скажет ей правду. Он скажет ей, что его разыскивает полиция всего канадского Севера. И в эту же ночь он отправится с Питером к Голым Землям, лежащим отсюда за тысячу миль. Он знал, что не отступит от принятого решения, знал, даже несмотря на то, что темная полоса леса растаяла, заслоненная бледным девичьим лицом с васильковыми глазами и каштановыми кудрями, полными солнечного блеска, — лицом, дорожке которого для него не было ничего. Да, он был уверен в себе, как ни искушало его это видение. Он был разбойником, за ним гналась полиция, но...

Питера продолжала тревожить мрачность хозяина. Когда смерклось и в долине сгустилась мгла, Мак-Кей начал выбираться из скалистого лабиринта. Через час они уже осторожно шли по темной расселине, рассекавшей Гребень. В хижине горел огонь, но окошко Нейды было темным. Питер припал к земле, повинуясь ладони Роджера, которая предостерегающе легла на его спину.

— Я пойду один, — сказал Роджер. — Жди меня тут.

Питеру казалось, что он ждал в темноте очень долго. Он не слышал тихого «тук-тук-тук», когда пальцы его хозяина легко забарабанили по стеклу темного окошка. Но и Роджер не услышал никакого ответа на свой сигнал, только в соседней комнате кто-то продолжал говорить глухим, монотонным голосом. Он простоял под окном Нейды полчаса, время от времени вновь постукивая по стеклу. Наконец дверь внутри комнаты открылась, и на фоне светлого прямоугольника появилась фигура Нейды.

Мак-Кей снова тихонько постучал по стеклу, и девушка быстро захлопнула дверь. Через секунду она была уже у чуть приоткрытого окошка.

— Мистер... Роджер, — прошептала она, — это вы?

— Да, — ответил он, отыскав в темноте ее руку. — Это я.

Рука девушки была совсем ледяной, и пальцы сжали его руку так, словно Нейда была чем-то испугана. Питер, устав ждать, тихонько подкрался к ним и услышал почти беззвучный, срывающийся шепот Нейды. Что-то в ее тоне и в напряженном ответе Веселого Роджера приковало его к месту, и он насторожил уши, чутко вслушиваясь в ночь. Он простоял так несколько минут, а потом шепот у окошка смолк, и он услышал, что его хозяин осторожно уходит. Когда они добрались до расселины, Веселый Роджер заговорил, не подозревая, что Питер был у самого окна. Оглянувшись на бледное пятно света, он сказал, обращаясь не столько к Питеру, сколько к самому себе:

— Что-то произошло там сегодня вечером. Она не захотела ответить мне, что именно. Но все равно я почувствовал что-то неладное. Жаль, я не видел в темноте ее лица.

Роджер зашагал по лугу и, словно спохватившись, что ничего не объяснил Питеру, снова заговорил:

— Сегодня она не могла уйти, Хромуля, но она придет к нам в ельник завтра к вечеру. Делать нечего, надо ждать.

Роджер пытался говорить бодрым тоном, но оттого, что он твердо решил во всем признаться Нейде и уйти из этих мест, этот срок казался ему невыносимо длинным. Почти всю ночь он расхаживал по прохладным лугам, а потом долго сидел в душистой глубине густого ельника, где у Нейды был тайник. Питер вскоре обнаружил скрытый от Роджера густой тенью небольшой узел, который был весь пропитан теплым и милым запахом Нейды. Узелок был спрятан под кустом и тщательно укрыт лапником и травой. Уходя из ельника, Мак-Кей

никак не мог понять, почему Питер последовал за ним, только повинувшись его настойчивому оклику.

В Духовку они вернулись, когда уже начало светать, и первую половину дня Веселый Роджер проспал в своем убежище. Под вечер они в последний раз поужинали там. Затем Мак-Кей взобрался почти к самому пику и закурил трубку, ожидая той минуты, когда удлинившиеся вечерние тени скажут ему, что настало время идти на место свидания.

Он перевел взгляд на тайник под утесами, чтобы посмотреть, что поделявает Питер. Но ложбинка в песке была пуста и Питера нигде не было видно.

7

Питер отправился разгадывать тайну узелка, который он нашел в ельнике.

У подножия кряжа, там, где зелень равнины вступала в неравный бой с раскаленным боком Духовки, он остановился и долго медлил. Блестящие глаза щенка под жесткими кудряшками внимательно оглядывали и небо и землю; потом, слегка прихрамывая — эта ковыляющая походка навсегда осталась напоминанием о жестокости Джеда Хокинса, — он затрусил в ту сторону, где находилась хижина бутлегера.

Приближаясь к каменистому ущелью, где он так мужественно защищал Нейду и где Джек Хокинс переломал ему кости, Питер подумал о бутлегере и злобно прижал уши. И вдруг в то самое мгновение, когда Питер инстинктивно замер, прислушиваясь, из ущелья вышел Джек Хокинс, держа в одной руке темную бутылку, а в другой — тяжелую дубинку. Его единственный глаз свирепо поблескивал в красноватом свете заходящего солнца. Поравнявшись с камнем, за которым прятался Питер, бутлегер замедлил шаги, и его худая небритая физиономия расплылась в злорадной усмешке. Питер оскалил зубы и весь напрягся. Хокинс пошел дальше, но Питер продолжал лежать, неподвижно, выжидая, чтобы бутылка, дубинка и мужчина скрылись из виду.

Он глухо ворчал, когда продолжил свой путь. В его сердце пылало жгучее пламя ненависти. Затем он повернулся и нырнул в ельник, клином вдававшийся в луга. Несколько секунд спустя Питер выбрался на крохотную полянку, где какая-то пичуга весело распевала свою вечернюю песню.

Питер шел вдоль самой опушки, по брюхо утопая в лютиках и огнецветках, а его лапы давили спелые ягоды земляники, которая адела повсюду. Потом он с виноватым видом пробрался сквозь ширму молоденьких елок и увидел Нейду, которая вытирала пальцы, покрасневшие от земляничного сока. Ее алые губы тоже были вымазаны соком, а когда она с радостным криком поманила Питера к себе, он заметил, что к ее раскрасневшейся щеке прилип кусочек ягоды. Но Нейда уже не смотрела на Питера и вся ее тоненькая фигурка трепетала от непонятного ему волнения: девушка оглядывалась по сторонам, ожидая увидеть Веселого Роджера. Питер подошел к ней, положил голову ей на колени и, поглядев вверх, сквозь щетинистые брови увидел под волной каштановых кудрей лиловатый синяк там, где накануне не было никаких следов ушиба. Руки Нейды притянули его поближе, она прижалась подбородком к его голове, и ее густые блестящие волосы опутали его со всех сторон. Питеру ее волосы нравились почти так же, как Веселому Роджеру, — он закрыл глаза и удовлетворенно вздохнул, нежась в их душистой тени.

— Питер, — прошептала она, — знаешь, я боюсь увидеться с ним сегодня. Я ведь обещала ему... ты помнишь, я обещала сказать ему, если Джек Хокинс ударит меня еще раз. А он ударил! Видишь этот синяк? Если Веселый Роджер узнает, он его убьет. Мне нужно придумать что-нибудь... сказать неправду...

Питер завозился у нее на коленях, показывая, что это ему очень интересно, и его сильный хвост застучал по земле. Нейда замолчала, и он слышал и чувствовал, как бьется ее сердце совсем рядом с ним. Потом Нейда подняла голову и посмотрела туда, где, по ее расчетам, должен был показаться между елками Веселый Роджер. Питер, шутившийся от удовольствия, не заметил и не почувствовал перемены, происшедшей с ней за этот день, — в ее синих глазах появился новый блеск, щеки горели румянцем и вся она трепетала от тревожного волнения. Даже Питеру не открыла она своей тайны и продолжала ждать, прислушиваясь, не идет ли Роджер, а когда наконец раздались его шаги и он вышел из-за елочек, краска на ее щеках могла бы соперничать с алым соком земляники на кончиках ее пальцев. Веселый Роджер, едва взглянув на нее, увидел то, чего не видел Питер. Никогда еще, даже во сне, он не видел Нейду такой красивой, никогда еще она не глядела на него таким взглядом, никогда еще ее алые губы не говорили ему так много, не произнося ни единого слова. И тут же он заметил лиловый синяк, полуприкрытый каштановой прядью, а потом небольшой узел позади нее под кустом шиповника. Но он вновь перевел взгляд на синяк.

— Джек Хокинс тут ни при чем, — сказала Нейда, догадываясь о его мыслях. — Это его жена. А ее вы убить не можете, — добавила она с некоторым вызовом.

Роджер заметил, как судорожно дернулось ее горло, и понял, что она солгала. Но тут Нейда сняла голову Питера со своих колен и вскочила на ноги. Она стояла перед Веселым Роджером на этой лесной прогалинке, где

шелковистая трава пестрела фиалками, лютиками и красной земляникой, и он подумал, что теперь она выглядит не маленькой девочкой, а взрослой девушкой. Позади над их головами запела пичуга, но Нейда не слышала ее звонкой песенки. Жаркий румянец на ее щеках вдруг сменился прежней бледностью, стиснутые руки задрожали, но синева в ее глазах, когда она поглядела на Веселого Роджера, оставалась такой же ясной, как синева неба.

— Я больше не вернусь к Джеду Хокинсу, мистер Роджер, — сказала она.

Легкий ветерок приподнял прядь на ее лбу, совсем открыв след жестокого удара, и Нейда увидела в глазах Веселого Роджера тот холодный стальной блеск, который всегда пугал ее. Он стиснул кулаки, и, положив ладонь ему на руку, Нейда почувствовала под материей вздувшиеся тугие бугры его мышц, твердых, как древесина березы. И, несмотря на страх, она ощутила гордость при мысли, что стоит ей сказать слово — и он убьет того, кто ее ударил. Она тихонько провела рукой по его локтю, ее глаза потемнели, уголки губ жалобно вздрогнули, и, посмотрев ему прямо в лицо, она повторила:

— Я больше туда не вернусь.

Веселый Роджер понял, что означал узелок под кустом шиповника. Он встретил ее решительный взгляд, и ему показалось, что его сердце сейчас разорвется. Он попытался ослабить напрягшиеся мышцы. Он попытался улыбнуться. Он попытался собраться с духом, чтобы открыть ей все. А Питер, усевшись в гуще фиалок, смотрел на них во все глаза и старался понять, что происходит.

— И куда же ты пойдешь? — спросил Веселый Роджер.

Пальцы Нейды добрались почти до его плеча. Они нервно мяли бумагею его рубашки, но она ни на мгновение не опустила глаз, и Роджер прочел в них ответ до того, как она сказала:

— Я пойду с вами и с Питером.

Роджер отпрянул от нее с придушенным криком, походившим на всхлипывание. Он отвел взгляд и попробовал смотреть на Питера, но бледное лицо Нейды, дрожащие губы, широко открытые чудесные глаза и волосы, которыми играл ветерок, заслоняли от него все. Это была уже не маленькая девочка, которой «пошел восемнадцатый год», — для Роджера Мак-Кея это была единственная женщина на земле.

— Тебе нельзя идти с нами! — воскликнул он с отчаянием. — Я пришел, чтобы сказать тебе все. Я недостойн твоего доверия. Я ведь совсем не тот, за кого ты меня принимаешь. Я обманывал...

Он умолк в нерешительности, но заставил себя продолжать:

— Ты возненавидишь меня, Нейда, когда узнаешь правду. Ты считаешь Джеда Хокинса плохим человеком. Но в глазах закона я еще хуже. Меня разыскивает полиция. Я скрываюсь уже несколько лет. Вот почему я пришел сюда и укрылся в хижине индейца Тома... возле которой повстречал тебя. Я думал, что тут меня не найдут, но они напали на мой след. Вот почему мы с Питером прятались в скалах у конца Гребня. Я — я разбойник. Я совершил много такого, что закон считает преступлением, и скорее всего я умру от пули или в тюрьме. Я хотел бы, чтобы все было по-другому, но что толку в сожалениях! Я бы жизнь отдал за то, чтоб сказать тебе, что у меня на сердце. Но я не могу. Это будет не по-честному.

Роджер недоумевал, почему ее взгляд нисколько не изменился, когда он открыл ей правду. Ее щеки вновь порозовели, губы стали еще алее — его слова как будто совсем не удивили и не испугали ее.

— Разве ты не понимаешь, Нейда? — вскричал он. — Я плохой человек. Меня разыскивает полиция. Я беглец, я прячусь от полиции...

Нейда кивнула.

— Я знаю, мистер Роджер, — ответила она спокойно. — Я слышала, как вы давным-давно рассказывали об этом Питеру. И мистер Кассиди приходил к нам на другой день, после того как вы с Питером убежали из хижины индейца Тома, а я проводила его к отцу Джону, и он рассказал мне про вас очень много и еще больше отцу Джону... И я вас стала еще больше уважать, мистер Роджер, и хочу уйти отсюда с вами и с Питером.

— Уважать?! — ахнул Роджер. — Меня?

Она снова кивнула.

— Мистер Кассиди — ну, этот полицейский — сказал то же самое, что вы только что сказали. Он сказал, что вы всегда поступаете по-честному, даже когда грабите. Он сказал, что постарается арестовать вас, если сумеет, но только ему будет очень жаль. Он сказал, что хотел бы иметь такого друга, как вы. И Питер вас очень любит. И я... — Ее щеки запылали. — Я пойду с вами и с Питером, — закончила она решительным тоном.

Тут маленькое происшествие пришло на помощь совсем растерявшемуся Роджеру: Питер, рыскавший в густой траве, вспугнул огромного кролика, и они, как горный обвал, пронеслись по ельнику под звонкий лай Питера, то и дело срывавшийся на визгливое щенячье тявканье. Веселый Роджер отвернулся от Нейды и стал смотреть им

вслед. Но он ничего не видел. Он знал, что настала минута самого рокового решения в его жизни. За годы отчаянных приключений и странствий он не раз встречался лицом к лицу со смертью. Он голодал. Он замерзал в снежных пустынях. Он выходил победителем из жестоких схваток со стихией, зверем и человеком. Но он ни разу не изведal ничего равного борьбе, которая шла теперь в его душе. Его сердце стучало, мысли неслись хаотическим вихрем, он тщетно старался совладать с собой, и все это время, пока его глаза смотрели вслед кролику и Питеру, давно скрывшимся из виду, голос Нейды за его спиной повторял, что она пойдет с ним и с Питером. За эти секунды он понял, что не устоит, и от продуманного плана действий не осталось ничего. Он признался во всем, но та, кого он обожал, нежная и чистая, как лесной цветок, упрямо хотела разделить его судьбу. И все в нем кричало: «Обернись, протяни к ней руки, не разлучайся с ней, пока будешь свободен и жив!»

И все же он сопротивлялся этому властному призыву, по крупице собирая благоразумие и чувство долга, а Нейда глядела на него широко открытыми, детскими прекрасными глазами и впервые догадывалась о терзаниях, разрывавших сердце этого человека, который был разбойником, но для нее — лучшим из людей. Когда Веселый Роджер повернулся к ней, его лицо постарело и стало серым, как камень, глаза потускнели и в голосе была глухая безнадежность.

— Тебе нельзя идти с нами, — сказал он. — Нельзя! Из этого не получится ничего хорошего. Я не смогу заботиться о тебе, когда попаду в тюрьму. А мне ее не миновать!

Много раз, когда она говорила о Джеде Хокинсе, он видел в ее глазах синее пламя. Теперь оно вновь в них вспыхнуло, и руки Нейды сжались в кулачки.

— Нет! — крикнула она. — Этого не будет. Я не дам, чтобы вы попали в тюрьму. Только позвольте мне пойти с вами и с Питером. — Она шагнула к нему. — А если я останусь здесь, Джек Хокинс продаст меня в жены человеку, который поставляет шпалы железной дороге. Да, продаст. Я прежде вам про это не говорила, потому что боялась, как бы вы не сделали чего-нибудь отчаянного. Но оно так и будет, если вы не позволите мне пойти с вами и с Питером. Мистер Роджер, ну, пожалуйста...

Ее пальцы опять прокрались к его плечу. Синие глаза, в которых отражалась вся ее смелая, благородная душа, были совсем близко от его глаз, но тут же они затуманились, в них блеснули слезы.

— Я пойду за вами всюду, — шептала она. — Мы спрячемся, и нас никогда не найдут. Я буду так счастлива, так счастлива, мистер Роджер... А если вы меня не возьмете, мне легче умереть...

Она тихо плакала, положив голову ему на грудь, обхватив его шею худенькими руками, а Веселый Роджер с жадностью скупца ловил каждое слово, срывавшееся с ее губ вперемешку со всхлипываниями. И внезапно буря в его сердце улеглась, колебания кончились, на смену им пришли радость и счастливое, гордое сознание новой ответственности. Обняв Нейду, он повернул к себе ее лицо и в первый раз поцеловал нежные алые губы, которые по какой-то непонятной причине судьба вверила ему с этого дня.

Все еще не разжимая объятий, все еще чувствуя на шее ее руки, он сказал негромко:

— Ты пойдешь с нами, девочка. Пойдешь со мной и с Питером и навсегда останешься с нами. А уйдем мы сегодня же вечером.

Когда Питер вернулся на полянку, его хозяин стоял там один, а Нейда уже шла по золотящемуся в закатном свете большому лугу к расселине в Гребне Крэгга, которая вела к хижине Джеда Хокинса. Однако Питер нашел на поляне совсем не того Веселого Роджера, которого оставил там всего полчаса назад, с которым прятался среди скал. Роджер Мак-Кей, стоявший перед ним на фоне оранжевого неба, больше не был нарушителем закона и отщепенцем. Он молчал, но все его существо пело от счастья, так гармонизировавшего с бесконечной прелестью этого летнего вечера. На всей земле не нашлось бы человека, с которым он согласился бы поменяться местами, и он не отдал бы своего счастья за счастье всех остальных людей в мире, вместе взятых. Он заговорил, а Питер, высунув красный язык, свернулся у его ног и принялся слушать.

— Она меня любит, любит, любит, — повторял Роджер, так что в конце концов Питер насторожил уши, силясь понять, что могло бы означать это слово.

Тут Веселый Роджер заметил Питера, рассмеялся и нагнулся к нему, а на его лице блаженное выражение боролось с недоумением.

— Она пойдет со мной... с нами! — воскликнул он с мальчишеским восторгом. — Вмешалась судьба, Хромуля, и она пойдет с нами. Мы уйдем сегодня вечером, как взойдет луна. И... Питер, Питер! Мы сразу пойдем к миссионеру, и он нас обвенчает, а потом мы отправимся на поиски такого места, где нас никто и никогда не разыщет. Пусть за нами гонится полиция, но нас любят, Хромуля. И мы постараемся быть достойными этого. Слышишь, Питер?

Он расправил плечи и повернулся к западу. Потом подхватил узелок Нейды и нырнул в ельник, а Питер затрусил за ним. Они быстро прошли по темнеющим лугам и, добравшись до Духовки, вскоре были уже в своем убежище под плечами двух сказочных великанов. Там еще чуть брезжил свет, и, воспользовавшись этим, Роджер Мак-Кей быстро собрал свои пожитки, а потом благоговейно развязал узел Нейды и с нежностью уложил ее вещи в свой заплечный мешок. Все это время он что-то негромко говорил, и Питеру казалось, что его хозяин напевает какую-то песню.

Когда совсем смерклось, они выбрались из скал на луга и через полчаса уже миновали расселину и укрылись в чернильно-черной тени большой скалы в нескольких десятках шагов от хижины Джеда Хокинса. Тут после восхода луны к ним должна была присоединиться Нейда.

Кругом стояла глубокая тишина, и Питер, понимавший, что нарушать ее не следует, улегся на землю, поглядывая то на освещенное окно хижины, то на смутный силуэт своего хозяина. Он чувствовал, что где-то в отдалении собирается гроза. Ее дыхание уже ощущалось в воздухе, хотя в небе еще не было ни единого облачка и только чуть заметная сизая дымка заставляла тускнеть сияние звезд. Веселый Роджер считал про себя минуты, оставшиеся до восхода луны. Ему чудилось, что прошли часы, но вот наконец на востоке показался ее золотистый край. Вскоре все кругом наполнилось тенями. Предметы обретали странные, непривычные формы. Как далекие сигнальные огни, замерцали вершины скал. Черные сосны, ели и кедры теперь отливали серебром. А луна поднималась все выше, ее бледные лучи лились в долины и на луга, танцевали на верхушках деревьев, преображая давно знакомый пейзаж, превращая его в сказочную страну.

Веселый Роджер не спускал глаз с огонька в хижине и напрягал слух, ожидая, что вот-вот раздадутся легкие шаги.

Но по-прежнему все было тихо. Лампа продолжала спокойно гореть. Дверь оставалась закрытой. Он слышал только шелест поднявшегося ветра, крики ночных птиц да завывание старого волка, который всегда выл на луну в болотной чаще за лачугой индейца Тома.

Веселого Роджера охватила тревога. Луна давно вошла, а он по-прежнему ждал — полчаса, три четверти часа, час... Нейда все не шла. Его тревога росла, и он начал осторожно пробираться ближе к хижине, прячась в тени Гребня, пока не оказался в кедровнике у заднего крыльца. Питер шел за ним по пятам, бдительно следя за тем, чтобы ненароком не наступить на сухую ветку. Они приблизились к хижине, и тут Роджер Мак-Кей ясно расслышал тихие протяжные стоны.

Он прокрался к окну и заглянул внутрь.

На полу возле стула сидела, скорчившись, жена Джеда Хокинса. Она стонала, раскачиваясь из стороны в сторону, прижав к худой груди костлявые руки, и смотрела на открытую дверь. И вдруг Веселый Роджер понял, что, кроме плачущей старухи, в хижине никого нет. Его оледенил страх, и еще прежде, чем страх этот принял конкретную форму, Роджер уже вбежал в хижину. Женщина уставилась на него покрасневшими от слез безумными глазами, но стонать перестала и медленно разжала руки. Веселый Роджер нагнулся к ней и невольно вздрогнул, заметив дикий ужас, исказивший ее морщинистое лицо.

— Где Нейда? — спросил он зло. — Скажи мне, где она?

— Нет ее, нет, нет, — забормотала старуха, снова стискивая руки на груди. — Дждед увел ее... за железную дорогу... к Муни. О господи!.. Я хотела ему помешать, да где там... Он поволок ее за собой и сегодня выдаст ее за Муни, поставщика шпал... продаст этому злобному дьяволу, зверю...

Она захлебнулась от рыдания, застонала и снова принялась раскачиваться. Мак-Кей схватил ее за плечо.

— Где живет Муни? — крикнул он. — Говори скорее!

— Тысячу... тысячу долларов он обещал, если получит ее в жены, — глухо и нараспев сказала она. — Вот та тропа ведет прямо к его дому. За железной дорогой. В миле отсюда. А может, в двух. Я его отговаривала, а он и слушать не стал... не стал...

Веселый Роджер больше не слышал ее голоса. Он стремглав бежал через вырубку, и Питер мчался за ним. Они выбрались на тропу, и Веселый Роджер побежал еще быстрее. Он напрягал память, вспоминая, что именно Нейда говорила ему про Джеда Хокинса и поставщика шпал. Два часа назад на полянке среди елей он не обратил внимания на ее слова, решил, что вечный страх перед Дждедом Хокинсом внушил ей мысль, будто тот задумал выдать ее замуж насильно — слишком уж это было бы чудовищно... У него вырвался хриплый крик: Хокинс и Нейда уже давно должны были дойти до жилища Муни — Нейда во власти этих негодяев, в уединенной хижине, где никто не придет к ней на помощь...

Питер, бежавший позади, заскулил, услышав хриплый стон Роджера. А в небе над ними по-прежнему светила луна, но теперь все чаще по ее бледному диску проносились темные облака и время от времени раздавался

глухой рокот далекого грома. Внезапно луну заволокла черная туча, и Роджер с Питером продолжали бежать в полной тьме. Потом так же внезапно мрак рассеялся, луна вновь выплыла из-за тучи, озарив дорогу... и Роджер вдруг встал как вкопанный, его сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

К ним навстречу, пошатываясь и рыдая, шла Нейда. Ее волосы растрепались и рассыпались по плечам и груди, платье было разорвано, и в ярком лунном свете там, где рукав был оторван, белело обнаженное плечо. Она увидела Роджера, который протягивал к ней руки, и с криком — никогда еще Питер не слышал, чтобы подобный крик срывался с ее губ, — кинулась к нему. В ее глазах, сухих, горящих, огромных, Роджер прочел трагический ужас, но это было не то, чего он ждал. Он прижал ее к груди, почувствовал прикосновение ее горячих губ.

— Он... он отвел тебя к Муни?

Роджер почувствовал, как по ее телу прошла дрожь.

— Нет! — задыхаясь, сказала она. — Я отбивалась... всю дорогу. Он тащил меня, бил, порвал мне платье, а я все отбивалась. Там дальше... на дороге... он решил, что я обессилела, и повернулся... а я ударила его камнем. И он упал, и лежит теперь там... на спине...

Она не договорила. Веселый Роджер отодвинул ее от себя на длину руки. Луну опять закрыла туча, и Нейда не видела его лица. Он сказал глухо и яростно:

— Нейда, иди скорее к миссионеру. — Он сделал над собой усилие, стараясь говорить спокойно. — Возьми с собой Питера и иди. Ты успеешь добраться туда до грозы. А я пойду поговорить с Джемом Хокинсом с глазу на глаз. Потом я приду за тобой, и миссионер нас обвенчает.

Луна выплыла из-за тучи, и он увидел на лице Нейды радостную улыбку. Страх исчез, в глазах играли золотые огоньки. Он снова привлек ее к себе и поцеловал, а ее пальцы гладили его лицо, и она тихо и счастливо смеялась.

Но Роджер настойчиво повторил, что ей надо идти.

— Поторопись, девочка, — сказал он. — Поторопись, а не то тебя застигнет гроза.

Нейда ушла, негромко кликнув Питера, а Мак-Кей быстро зашагал дальше по тропе, ни разу не оглянувшись и думая только о том, как он рассчитается в эту ночь с двумя гнуснейшими негодяями. Он испытывал незнакомое ему прежде желание убивать. Еще немного — и он разделается с Хокинсом и Муни, как Хокинс разделался с Питером. Нет, убивать он их не станет, но искалечит их, переломает им все кости, чтобы они надолго запомнили этот урок!

И тут во вновь наступившей тьме он обо что-то споткнулся. Он остановился и, когда облако пронеслось, увидел на земле у своих ног лицо Джеда Хокинса. Оно было страшно искажено, единственный глаз был закрыт. Хокинс не шевелился, а возле его затылка лежал камень, брошенный Нейдой.

Веселый Роджер угрюмо усмехнулся — волей судьбы первая половина его работы была ему облегчена. Но бить человека, лежащего без сознания, он не мог. Роджер пнул неподвижное тело.

— Вставай, мерзавец! — сказал он. — Я переломая тебе кости, как ты переломал их Питеру и этой бедной старухе! Вставай!..

Джед Хокинс не пошевелился. Его тело казалось обмякшим. Роджер стоял и смотрел на него, и с каждой секундой его глаза расширялись, а взгляд делался все более растерянным. Снова стало темно. Но теперь это был чернильный, непроницаемый мрак, словно над миром захлопнулась подвальная дверь. С запада донесся сильный раскат грома. Верхушки деревьев испуганно зашептались. Но Веселый Роджер слышал только стук собственного сердца. Он опустился на колени и начал ощупывать тело Джеда Хокинса. Даже Питер не уловил бы в эту минуту звука его дыхания.

Он выпрямился, и ночная тьма, в это мгновение застывшая в безмолвии, услышала единственное хрипкое слово, сорвавшееся с его губ:

— Мертв!

Жаркая ярость в его душе сменилась ледящим ужасом, сердце налилось свинцовой тяжестью, он задыхался. Джед Хокинс был мертв! Тело его стыло на темной тропе. Он превратился в бездыханный труп, и ветер, предвестник бури, стонал и причитал над ним, а одинокий волк на болоте выл особенно тоскливо, будто чуял мертвеца.

Ногти Роджера Мак-Кея впились в ладони. Если бы он убил эту гадину в человеческом облике, если бы мстителем был он сам, он не испытывал бы этого жуткого всепроникающего страха, который теперь сковал его во мраке. Но он опоздал. Джеда Хокинса убила Нейда. Нейда, чья душа в этот день распустилась от дуновения счастья, как цветок, лишила жизни своего приемного отца. А закон Канады не признавал никаких смягчающих

обстоятельств, когда дело касалось убийства.

Холодная дрожь пробежала по телу Роджера, оледенила его пальцы, и бессознательно он всхлипнул сквозь стиснутые зубы, как ребенок. Раскаты грома становились все громче и ближе, в них чудилась угроза, беспощадное обещание неотвратимой и тяжелой расплаты. Роджер почувствовал удар ветра, и в тот же миг что-то мягко ткнулось в его ногу и раздалось недоуменное повизгивание. Это был Питер — Питер вернулся к нему в ту минуту, когда он больше всего нуждался в ободрении. Застонав, Мак-Кей снова опустился на колени и притянул Питера к себе.

— Господи! — прошептал он хрипло. — Питер, она убила его. Но нельзя, чтобы она об этом узнала. Мы должны скрыть это от всех...

Он умолк, и Питер почувствовал, что тело его вдруг окаменело. Веселый Роджер долго казался таким же безжизненным, как человек, лежавший навзничь на тропе возле него. Потом он, порывшись в кармане, нашел карандаш и старый конверт. На конверте в темноте, такой густой, что он не видел собственной руки, он написал: «Джеда Хокинса убил я», а потом полностью подписался: «Веселый Роджер Мак-Кей».

Затем он подсунил конверт под тело Джеда Хокинса так, чтобы на него не попал дождь и чтобы в уликах не было недостатка, накрыл лицо мертвеца своей курткой.

— Мы должны это сделать, Питер, — сказал он новым, незнакомым голосом и встал на ноги. — Мы должны это сделать... ради нее. Мы скажем ей, что догнали Джеда Хокинса и прикончили его.

К нему вернулись обычный ум, хитрость и осторожность. Он оттащил труп бутлегера на другое место, повернул его лицом вниз, отбросил подальше роковой камень и взрыхлил ногами землю, чтобы создать видимость драки.

Когда он кончил и вернулся к Питеру, то, «а-к-ни» черно было у него на душе, в голосе его звучало торжество.

— Возможно, мы не всегда поступали хорошо, Хромуля, — сказал он, — но сегодня мы, пожалуй, искупили некоторые свои грехи. И если нас повесят, что, возможно, рано или поздно случится, нам думается, будет легче оттого, что сделали мы это ради нее. А, Хромуля?

На несколько мгновений из-за туч показалась луна и осветила смертельно бледное лицо Веселого Роджера. На его губах играла странная холодная улыбка, а глаза глядели прямо перед собой — глаза человека, который принес себя в жертву ради той, которая была ему дороже всего на свете.

Когда Роджер, пройдя три мили, добрался до вырубки, на краю которой у самого леса стояла хижина миссионера, луна по-прежнему лишь изредка выглядывала из-за черных туч. Гроза еще не разразилась и словно накапливала силы, чтобы с бешенством обрушиться на мир. Гром глухо ворчал, и редкие вспышки молний свидетельствовали о том, что небесные стихии притаились в засаде.

Вырубка скрывалась под покровом непроницаемой тьмы, в которой светилось единственное желтое пятно — окно в хижине миссионера. Застыв, точно каменное изваяние, Веселый Роджер несколько минут смотрел на этот светлый квадрат. Его сердце было мертво, дух сломлен, мечты развеялись, как дым. Теперь ему остался только рассудок, твердая решимость выполнить задуманное и любовь, которая из источника радости стала источником смертной муки. Он глядел прямо перед собой, сознавая, что у него нет выбора. Никакого. И никакой надежды. Ничто не могло изменить случившегося. Перед ним был только один путь.

Когда человек жертвует жизнью ради родины или во имя великой любви, в этом есть непередаваемое величие и мощь. Вот почему у Веселого Роджера нашлись силы пересечь темную вырубку, постучать в дверь и войти в освещенную комнату, где его ждали Нейда и седенький старичок миссионер.

Тревога и страх на лице Нейды тотчас сменились счастливой улыбкой, и, не замечая странной перемены в своем любимом, она бросилась к нему, как тогда на тропе. Веселый Роджер обнял ее, но на этот раз нежно и бережно, точно ребенка, которому он боялся причинить боль. Губы, коснувшись ее щеки, были холодны, как лед, и Нейда испуганно посмотрела ему в глаза. И опять, как тогда на тропе, Веселый Роджер отстранил ее и повернулся к миссионеру. Холодно и сурово он рассказал ему о том, что произошло с Нейдой в этот вечер, о том, как Джед Хокинс попытался осуществить свой жестокий план и продать ее Муни. Потом он вытащил из внутреннего кармана маленький кожаный бумажник и протянул его старичку.

— Тут почти тысяча долларов, — сказал он. — Это мои деньги. Я даю их вам для Нейды. Оставьте ее у себя, позаботьтесь о ней, и, может быть, потом...

Нейда обеими руками вцепилась в его локоть. Ее глаза стали огромными. По лицу разлилась бледность, и она прерывающимся голосом сказала:

— Я пойду с вами. Я пойду с вами... и с Питером!

— Нет, — сказал он. — Теперь это невозможно. Я уйду один, Нейда. Я догнал Джеда Хокинса... и убил его.

Над хижинной раздался оглушительный удар грома, и пол под их ногами задрожал. Веселый Роджер указал на

дверь в перегородке и попросил:

— Отец Джон, оставьте нас с ней вдвоем... на одну минуту...

Старичок миссионер, сжимая в руке бумажник, кивнул и вышел в соседнюю комнату. Закрывая за собой дверь, он увидел, что Роджер Мак-Кей протянул руки к Нейде, и она бросилась в его объятия. И тут разразилась буря. На крышу обрушились потоки дождя. Стихии сорвались с узды, гром гремел не переставая, и ночь казалась еще чернее от белесых вспышек молний. Миссионер стоял в темноте, прислушиваясь к реву бури, — маленький седой старик, видевший на своем веку много человеческих трагедий, умевший только жалеть и молиться. И сейчас он просил бога просветить его. Минуты шли. Пять... Десять... Вдруг рев бури на мгновение сделался еще оглушительнее, но тут же стал прежним, и старичок понял, что входная дверь открылась и закрылась. Он заглянул в соседнюю комнату. Нейда лежала, скорчившись, на полу, рассыпавшиеся каштановые пряди скрывали от его взгляда ее лицо и руки. Питер стоял у двери. Миссионер подошел к девушке, наклонился к ней и, ласково обняв за плечи, попробовал утешить ее: он говорил ей, что надо уповать на милосердие божье, а вокруг хижины гремела гроза...

Веселый Роджер Мак-Кей, наклонив голову навстречу ударам бури, уходил все дальше от хижины, где осталось его сердце. Он шел на Север.

8

Дверь, за которой исчез его хозяин, захлопнулась перед носом Питера, и он напрасно ждал, не раздадутся ли за ней снова знакомые шаги, — до его слуха доносился лишь шум дождя да грохот грома. Незнакомое чувство жгло его, заставляло дрожать, разливалось огнем по жилам. Говорят, собака иногда распознает неслышное приближение смерти, и тот же самый инстинкт подсказывал Питеру, что в эту ночь случилось нечто страшное, и теперь оно пряталось в ночной буре, мучило его; Питер заскулил и повернулся к Нейде.

Обхватив голову руками, рыдая безудержно, как ребенок, она лежала там, где упала, когда Веселый Роджер поцеловал ее в последний раз и исчез за дверью. Рядом с ней на коленях стоял старик миссионер, гладил худой рукой ее волосы, шептал ей слова ободрения и утешения, а за стенами хижины бушевали дождь и ветер, оконные рамы стучали, откликаясь на жуткие голоса, которые выли и стонали среди древесных вершин. Рыдания Нейды терзали Питера, и все же у него было только одно желание — догнать того, кто ушел. Он не умел рассуждать, и ему представлялось, что это Джек Хокинс трясет окна невидимыми руками, что это он стучит в дверь порывами ветра и наполняет ночной мрак ужасом и угрозами. Он ненавидел человека, который остался лежать на тропе, подставляя безжизненное лицо потокам дождя. Питер не только ненавидел его, но и боялся, а потому ему казалось, что Нейда плачет на полу из-за этого же страха. Отец Джон гладил ее по плечу и говорил ей какие-то непонятные слова. Питеру хотелось подойти к ней. Ему хотелось, чтобы Нейда опять крепко обняла его, как в те дни, когда она изливала ему свои горести. Но больше всего ему хотелось догнать хозяина и быть с ним.

Питер подошел к двери и прижал нос к щели над порогом. Он почувствовал, что буря яростно ломится в нее, его ноздри наполнил влажный туман. Но ветер не принес с собой запаха Веселого Роджера Мак-Кея. Питер начал царапать дверь, а потом повернулся и с бьющимся сердцем вопросительно посмотрел на Нейду и миссионера. Ему было четыре с половиной месяца, но он провел их в лесной глуши, а последние недели постоянно находился в обществе Веселого Роджера, вот почему его ум развился не по возрасту. Конечно, он был не в силах понять, что его хозяин — преступник в глазах закона, но вечная настороженность, необходимость прятаться и быть всегда начеку научили его очень многому. Он инстинктивно чувствовал, что сегодня вечером случилось что-то опасное. Самый воздух был наполнен этой опасностью. Он вдыхал ее запах. Она пронизывала раскаты грома, вспышки небесного огня, могучие удары ветра, от которых содрогалась хижина и дребезжали окна. И Питер смутно сознавал, что во всем виноват мертвец, оставшийся там, на дороге, что из-за этого человека его хозяйка плачет, а хозяин ушел и не возвращается. Он чувствовал, что должен был пойти с Веселым Роджером в таинственную черноту бури и вместе с ним драться с тем единственным, кого он ненавидел всем сердцем, — с мертвецом, который лежал там в густом мраке под черной стеной леса.

Миссионер утешал Нейду, но за долгие годы врачевания чужих горестей его голос утратил силу и убежденность.

— Господь простит его, дитя мое. В своем неизреченном милосердии бог простит Роджера Мак-Кея, ибо он убил Джеда Хокинса, спасая тебя. Но люди его не простят. Служители закона искали его за былые проступки, а теперь он прибавил к ним еще и то, что закон называет убийством. Но бог рассудит иначе. Он заглянет в его сердце, в сердце человека, который пожертвовал собой...

Нейда злобно стряхнула с себя ласковую руку миссионера, и Питер в свете лампы увидел, что лицо ее

смертельно побледнело.

— Мне все равно, как рассудит бог! — гневно вскричала она. — Бог был сегодня несправедлив. Мистер Роджер рассказал мне все: сказал, что он разбойник и что мне не следует выходить за него замуж. А я сказала — нет! Я люблю его и буду скрываться вместе с ним. И мы условились сегодня вечером прийти к вам, чтобы вы нас обвенчали, но тут ваш бог позволил Джеду Хокинсу силком вытащить меня из дома, потому что он продал меня человеку, который живет за железной дорогой... И бог допустил, чтобы мистер Роджер догнал Джеда и убил его! Он несправедлив, ваш бог! Да, да, да! Ведь мистер Роджер научил меня, что такое радость, и я любила его, и он меня любил... Бог жесток, раз он позволил ему убить Джеда Хокинса!..

Голос ее прервался от муки. Питер заскулил, глядя, как миссионер помог Нейде подняться, увел ее в спальню и зажег там лампу. Питер тихонько прокрался туда вслед за ними. И когда миссионер ушел, оставив их наедине с их горем, Нейда словно только теперь заметила щенка и протянула к нему руки.

— Питер, — прошептала она, — Питер...

Минуты шли, а Питер слушал, как колотится сердце Нейды. Она прижимала его к груди, и он смотрел на ее прекрасное бледное лицо, на вздрагивающие губы, на синие глаза, прикованные к квадрату окошка, за которым чернела ночь. Буря ненадолго стихла. Но эта тишина была зловещей, а прерывало ее только тиканье стенных часов, таких же старых и усталых, как сам миссионер. И Нейда, примостившаяся на краешке кровати отца Джона, была уже непохожа на прежнюю юную девушку, которой» пошел восемнадцатый год «. В этот день на полянке в ельнике, где благоухал жасмин, а в траве прятались фиалки и алая земляника, она стала взрослой. В этот час она впервые в жизни почувствовала себя счастливой. Она слушала, как Веселый Роджер рассказывал ей о том, что она уже давно знала, — что он разбойник и скрывался здесь от полиции, которая все это время разыскивала его на Севере. Он убеждал ее, что недостоем ее любви и будет последним негодяем, если не расстанется с ней. А в ее душе росла ликующая сила. Она сделала свой выбор раз и навсегда без колебаний и страха. И вот теперь, пока она смотрела невидящим взглядом на стекла в струйках дождевой воды, та же сила проснулась в ней, но еще более могучая, чем в часы счастья, — тоска по любимому и отчаянное желание найти выход из роковой ловушки.

В ее памяти пронеслась вся прожитая ею жизнь: тяжкие, мучительные годы, проведенные в хижине Джеда Хокинса и его забитой покорной жены; зимние и летние месяцы, которые казались ей веками беспросветной тоски и одиночества, потому что ее единственным другом на земле был лес. Буря вновь застучала в окно, а Нейда вспоминала тот день, когда несколько месяцев назад она случайно обнаружила убежище Роджера Мак-Кея. С той поры он стал для нее всем и она жила словно в раю. Он стал для нее отцом, матерью, братом, а теперь — и это было важнее всего — возлюбленным. Но в этот самый день, когда он впервые обнял ее, когда они были так счастливы, Джек Хокинс задумал привести в исполнение свой черный замысел, и Веселый Роджер убил его!

Вскрикнув, Нейда вскочила на ноги так стремительно, что Питер шлепнулся на пол. Он растерянно уставился на нее, приоткрыв пасть. Девушка прерывисто дышала. Вся ее тонкая фигурка сотрясалась от дрожи. Внезапно Питер увидел, что ее глаза вспыхнули, а по щекам разлился жаркий румянец. Она нагнулась к нему и зашептала, стараясь, чтобы ее не услышал миссионер:

— Питер, все это не так. Джеда Хокинса и следовало убить. Так ему и надо, Питер... Питер, ну и пусть за ним гонится полиция. Мы все равно пойдем с ним. Пойдем, слышишь?

Нейда бросилась к окну, и Питер смотрел, как она начала его открывать, задыхаясь и судорожно шепча:

— Мы пойдем с ним, Питер! Пойдем... что бы нам ни грозило... даже смерть!..

Осторожно, дюйм за дюймом, она приоткрыла окно. В комнату ворвалась буря. Порыв ветра задул лампу, но как раз в этот миг Нейда увидела, что на стене висит нож в эскимосских ножнах.

Она на ощупь отыскала его, зажала в руке и выскользнула из окна на размокшую землю. Питер одним прыжком догнал ее. Темнота сомкнулась вокруг них, но они отыскали тропу, ведущую на Север, — в такую ночь Веселый Роджер не мог пойти напрямик через лес. До них донесся голос миссионера, который окликал их из окошка. Но тут раздался такой раскат грома, что земля у них под ногами содрогнулась и буря заревела с утроенной силой. Небо рассекли ослепительные вспышки молний. Деревья застонали и затрещали, хлынул дождь, но Нейда продолжала бежать по тропе, крепко сжимая нож — свою единственную защиту от ужасов, таящихся во мраке, — а рядом с ней, не обгоняя ее ни на шаг, бежал Питер.

Но видел он ее, только когда вспыхивала молния: ее мокрые волосы растрепались, мокрое платье облепило тело, широко раскрытые глаза были устремлены вперед. Когда же свет молнии сменялся густой тьмой, Питер слышал спотыкающийся топот ее ног, тяжелое дыхание, а иногда свистящий шелест — это ветка хлестала ее по

лицу или по груди. Дождь смыл запах его хозяина, но он знал, что они бегут, чтобы догнать Веселого Роджера. Ему хотелось поторопиться, кинуться вперед со всех ног, но он перебарывал это желание, потому что Нейда спотыкалась, тяжело дышала, а ее лицо во вспышках небесного огня было таким белым и странным. Что-то подсказывало Питеру, что Нейде во что бы то ни стало надо догнать Веселого Роджера. И он боялся, что она остановится. Он пытался залаять, подбодрить ее, как он лаял, когда они бегали наперегонки по зеленым лугам за Гребнем Крэгга. Но ему мешал дождь. Дождь бил его по спине, как злые руки, плескал ему в глаза воду из луж и забивался в глотку, стоило ему открыть пасть. Зато он старался держаться поближе к Нейде, и она иногда ощущала прикосновение его шершавого бока.

В эти первые минуты, когда Нейда бросилась догонять возлюбленного, она слышала только один голос — голос собственного сердца, всего своего существа, голос, который, заглушая грохот грома и вой ветра, гнал ее вперед, безжалостно заставлял преодолевать усталость и слабость. Веселый Роджер ушел всего за полчаса до того, как они с Питером бросились его догонять. И она должна догнать его — догнать как можно скорее, прежде чем лес успеет его поглотить, прежде чем он уйдет навсегда из ее жизни.

Стена мрака впереди, не пугала Нейду. Когда ветки хлестали ее по лицу и цеплялись за волосы, она отводила их и, спотыкаясь, бежала дальше. Дважды она налетала на поваленные деревья, выбиралась из путаницы сучьев, вся исцарапанная, и со стоном подзывала Питера, крепко сжимая в руке тяжелые ножны. Казалось, стихии в диком разгуле ополчились именно против нее, издеваясь над беспомощностью своей жертвы, злобно радуясь живой игрушке, которая посмела бросить им вызов. Питер еще никогда не слышал такого грома. Он сотрясал землю под его лапами. Его раскаты не смолкали ни на мгновение, молнии вспыхивали, словно залпы скорострельных орудий, и в конце концов, не выдержав ярости ветра и дождя, Нейда без сил упала на землю, шаря руками в поисках Питера.

Питер прижался к ней, мокрый и дрожащий. Его теплый язык нашел ее ладонь, а Нейда, крепко обняв его, поникла, и ее кудри смешались с грязью и намокшей хвоей. Питер слышал ее тяжелое дыхание... И тут все переменялось. Гром ушел на восток, а с ним и молнии. Ветер в вершинах деревьев стонал все тише и вскоре смолк, а ливень сменился теплым дождиком. Июльская гроза унеслась так же внезапно, как и налетела. Нейда с трудом поднялась на ноги и побрела дальше.

Вместе с бурей улеглось и смятение в ее мыслях, иго страха и растерянности спало с ее рассудка. Она начала рассуждать спокойно, а вместе со спокойствием пришли надежда, уверенность и новые силы. Она знала, что Веселый Роджер идет по этой тропе: другой тропы, ведущей на Север через дремучий лес, тут не было. За полчаса он не мог уйти далеко. А вдруг он укрылся от ярости бури под каким-нибудь большим деревом? В ее сердце вспыхнула радость. Ведь если так, значит, он совсем-совсем близко! Нейда остановилась, глубоко вздохнула и позвала его. Она трижды повторила свой зов, но услышала в ответ только повизгивание Питера. Через несколько минут она опять позвала его, как могла, громче. И снова из мрака впереди не донеслось ответа. Тропа спустилась в ложбину, и под ногами Нейды зачавкала болотная грязь. Девушка проваливалась в нее по лодыжки, оступалась в глубокие лужи, где вода доходила Питеру до брюха. Только через четверть часа они наконец выбрались на твердую землю. К этому времени уже умчалась последняя туча. Дождь прекратился. Гром глухо рокотал где-то далеко-далеко. Угасли последние вспышки зарниц, и деревья тихо шептались, словно радуясь тому, что буря миновала. Нейда и Питер слышали над головой и повсюду вокруг журчание воды и шелест падающих капель: плакали намокшие ветки, побулькивали лужи, лепетали ручейки, разлетаясь брызгами под их ногами. В просвете между облаками выглянула луна.

— Мы догоним его, Питер, — жалобно сказала Нейда. — Теперь мы его догоним. Он ведь, наверное, где-нибудь совсем близко...

И Питер замер, прислушиваясь, не ответит ли Роджер Мак-Кей на ее зов.

Над их головами плыла полная луна июльских ночей, и ярость бури была уже забыта. Она исхлестала и затопила лес, но теперь каждое дерево было очищено от гнили и праха, был умыт каждый цветок и каждая травинка. От земли поднималось благоухание молодой зелени, дурмящий дух мхов и прелой хвои, и в чистом воздухе чуть слышно веяло ароматом смолы и неуловимо пряным дыханием мохнатых ветвей, которые сплетались в бесконечные пологи и сверкающие завесы. Казалось, могучий лес был полон трепета невидимой и таинственной жизни — бесшумной, но пульсирующей, дышащей, впивающей целительный бальзам освеженного воздуха в успокоении, которое пришло на смену грому и молниям, реву ветра и ливня. Луна, словно повелительница, по чьей воле свершилось все это, глядела вниз с властным торжеством. Ни пыль, ни туман, ни дым лесного пожара не затеняли ее сияния, и в лесу было светло, как на рассвете. Лунные лучи золотыми и серебряными полосами ложились на деревья, отбрасывая густую тень туда, куда они не могли

проникнуть, и разливаясь озерами там, где лесная кровля пропускала их потоки. Тропа, уходящая на Север, мерцала серебром, рассекая лес от неба до земли.

На мокрой земле виднелись четкие следы Веселого Роджера, а на полянке, которую расчистил какой-то охотник, чтобы поставить шалаш. Веселый Роджер остановился передохнуть после бури... и пошел дальше. На эту полянку через три часа после того, как они покинули хижину миссионера, вышли Нейда и Питер. Они шли медленно; в лунном свете девушка казалась бесплотной тенью. На полянке они остановились, и сердце Питера тоскливо сжалось, когда его хозяйка вновь позвала Веселого Роджера. Это был уже не крик, а рыдание. У Нейды больше не осталось сил. Она еле держалась на ногах, ее лицо осунулось и побледнело от усталости, стиснутые губы и застывший взгляд говорили о мучительном отчаянии. Ей больше не на что было надеяться, и она знала это, когда, упав на землю, с рыданием позвала того, чьи следы так ясно отпечатались на тропе, уходя дальше в лесной сумрак.

— Питер, у меня нет сил идти, — простонала она. — Нет... сил... идти...

Нейда прижала руки к груди. Питер увидел, как блеснули в лунном свете костяные ножны эскимосского ножа, увидел, что ее губы что-то беззвучно шепчут, но он не расслышал ни своего имени, ни какого-нибудь слова. Питер заскулил и медленно двинулся вперед, обнюхивая тропу. Он ясно различил запах Веселого Роджера, и его пронизала радостная дрожь. Он оглянулся, тихо повизгивая, уговаривая свою хозяйку встать.

— Питер! — позвала она. — Питер!

Он вернулся к ней. Нейда вынула нож из ножен, и в ее руке сверкнула холодная сталь. Глаза Нейды блестели, она схватила Питера, притянула его к себе, и он услышал, что часто и прерывисто стучит ее сердце.

— Питер, Питер! — бормотала она. — Если бы ты только умел говорить! Если бы ты мог догнать мистера Роджера и сказать ему, что я здесь, что он должен вернуться...

Ее руки конвульсивно сжались, и Питер почувствовал, что она вся встрепелась.

— Питер, — шепнула она, — ты это сделаешь?

Несколько секунд она, казалось, не дышала. Потом Питер услышал, как она вскрикнула, словно придумав что-то. Державшие его руки разжались, и в желтоватом свете луны блеснул, нож.

Питер ничего не понял, но он знал, что должен внимательно следить за каждым движением своей хозяйки. Она наклонила голову, и почти просохшие волосы заблестели под луной. Ее пальцы утонули в растрепавшихся локонах, и Питер увидел сверкание ножа, услышал, как он поскрипывает, а потом увидел, что Нейда держит в руке отрезанную прядь. Он был совсем сбит с толку. А Нейда бросила нож, зачем-то оторвала длинный лоскут от повисшего лохмотьями платья и тщательно завернула в него отрезанный локон. Затем она, вновь притянув Питера к себе, привязала лоскут с локоном ему на шею, потом оторвала еще несколько узких полосок ситца и намотала их вокруг его шеи так туго, что ему стало трудно дышать.

И все это время она говорила с ним взволнованным, прерывающимся голосом, так что кровь быстрее побежала в жилах Питера, а его возбуждение росло и росло. Кончив, Нейда поднялась на ноги и, покачиваясь, как тени деревьев, падавшие на поляну, указала в сторону залитой лунным светом тропы.

— Вперед, Питер! — негромко сказала она. — Быстрее! Беги за ним, Питер, догони его, приведи обратно! Мистера Роджера... Веселого Роджера... Вперед, Питер! Вперед!

Питер не знал такой команды. Но он начал понимать, чего от него хотят. Он обнюхал следы Веселого Роджера, быстро поднял голову и увидел, что хозяйка им довольна. Она торопила его. Он продолжал обнюхивать следы, уходя все дальше, а Нейда подбодряла его и повторяла:» Скорее, скорее!«.

Инстинкт и сообразительность подсказывали ему, что он должен что-то сделать, и внутри у него все восторженно напряглось. Нейда хотела, чтобы он ушел. Она хотела, чтобы он догнал Веселого Роджера, и повесила ему на шею тряпочку, которую он должен отнести Веселому Роджеру. Он радостно и возбужденно твякнул и неторопливой рысцой побежал по тропе. Это была бессознательная проверка. Но Нейда не окликнула его. Он насторожил уши, ожидая приказа вернуться, но хозяйка молчала. И он возликовал. Он не ошибся! Он не бросил Нейды. Не убежал от нее. Она сама хотела, чтобы он побежал вдогонку за Веселым Роджером.

Ночь поглотила Питера. Он слился с серебристыми потоками ее лунного света, с ее прихотливыми тенями, с ее тишью и тайной, с ее смутным ожиданием. Он знал, что буря принесла с собой много бед, и по-прежнему ощущал близость трагедии в этом ночном мире, по которому он бежал. Он не напрягал всех сил и все же продвигался втрое быстрее, чем прежде с Нейдой. Он помнил об осторожности, время от времени останавливался, чтобы прислушаться, и хотя ему этого очень хотелось, ни разу не взвизгнул от нетерпения. Теперь, когда Питер остался один в лесу, все его существо чутко воспринимало биение скрытой жизни вокруг. Он знал, что Ночной народ дремучей чащи не спит. На мягких когтистых лапах, на бесшумных крыльях, остря

клыки и клювы, крались во мраке хищники. Они тенями скользили в лунных аркадах леса или парили меж деревьев, поджидая добычу, готовясь пожрать существа слабее себя. Питер знал об этом. И опыт и инстинкт предостерегали его. Вот почему все время, пока он бежал по следу Роджера Мак-Кея, он вглядывался в сумрак, нюхал воздух и оскаливал зубы.

Но его переполняла не только жажда приключений. В нем жило ощущение ответственности своей миссии, хотя то, что человек снисходительно называет разумом животных, было здесь ни при чем. Это ощущение ответственности возникало потому, что шею его туго обматывали линиялые лоскутки. Они были как бы частью его хозяйки, частью ее души, чем-то очень для нее важным и доверенным ему. И сейчас вся его осторожность, все его мужество нужны были Питеру для того, чтобы охранять эти лоскутки, пока они не окажутся в руках Роджера Мак-Кея. А охранять значило драться. Это был закон, которому следовало множество поколений его диких предков. Вот почему он прислушивался и принимался, и кровь все быстрее струилась в его жилах, пока он бежал по следу. Он заворчал и с кошачьей стремительностью обернулся на легкий шелест, но это просто выпрямилась ветка, которую во время бури прижал соседний сук. Над тропой впереди мелькнула серая молния, и Питер глухо зарычал. Это была рысь. Питер замер, а потом осторожно обогнул лунное пятно, в котором на мгновение возникла лесная разбойница, вооруженная двадцатью кривыми кинжалами.

Теперь, когда щенок остался в лесу один и присутствие человека, человеческие шаги и его запах уже не отгоняли диких тварей, он замечал, что ночная жизнь леса надвигается на него все ближе. Серые совы больше не хранили безмолвия, когда он пробежал мимо: они шипели и зловеще щелкали сильными клювами. Он слышал легкие шорохи; в кустах, где тайно пробирались мелкие зверюшки, он услышал дробный топот неуклюжих ног и почувствовал острый запах: это дикобраз отправился в полночь перекусить тополиной корой. Потом тропа кончилась, и запах Веселого Роджера повел его прямо через лес, полный лунных потоков и озер, смутных теней и черных провалов мрака. Теперь он вторгся в самое сердце владений Ночного народа. Он услышал волчий вой, полный тоски одиночества и смертельной угрозы; он уловил противный запах лисицы, которая выслеживала добычу, старательно держась так, чтобы ветер дул ей в морду; в минуту полного затишья из черного провала впереди до него донеслось щелканье зубов и хруст — это куница, сверкая глазами, доедала куропатку. А клювы щелкали все более злобно, серые тени проносились над самой его головой, и он слышал предсмертные крики беззащитных зверюшек — писк лесной мыши, крик дневной птицы, проснувшейся в чьих-то острых зубах, вопль кролика, схваченного одним из серых воздушных пиратов. И вдруг прямо перед собой в центре лунного озера Питер увидел чудовище. Это была огромная медведица с двумя толстыми медвежатами, которые кувыркались и боролись друг с другом в голубоватом свете. Питер никогда не видел медведей и не знал, что такое медведь. Но медведица, которая внезапно вытащила бурый нос из прохладной рыхлой земли, где она искала сладкие корни, знала, что такое собака. Она на своем веку видела много собак, слышала их лай и знала, что они всегда сопровождают человека. Поэтому она потянула ноздрями воздух и испустила громкое «вуф!», которое подействовало на медвежат, как удар хлыста. Они бросились к матери, получили по оплеухе, показавшей им, куда надо бежать, и все трое, треща валежником, исчезли в темноте.

Несмотря на сжимавший его сердце страх, Питер не удержался и торжествующе тьякнул. Как приятно было, что именно в ту минуту, когда его мужество начало слабеть, при виде его пустилось наутек такое чудовище! И Питер побежал дальше с победоносным видом, высоко задрал хвост.

Еще через милю в новом озерце лунного света он увидел тушу зарезанной волком косули. Сам волк, насытившись, уже ушел, и теперь две огромные совы терзали остатки его пиршества. Это были самец и самка, настоящие Гаргантюа3 совиного племени. Когда Питер внезапно возник перед ними, они с угрюмой злобой взмыли в воздух; их когти и клювы были красны от крови, а тупой мозг преисполнен ненасытной жадности. Питер к этому времени разучился бояться сов. Правда, в щелканье их клювов, особенно когда оно доносилось из темноты, было что-то зловещее, но эти птицы никогда не нападали на него и предпочитали улетать с его дороги. Поэтому, когда они уселись на темной ели прямо над его головой, это не помешало ему обнюхать мертвую косулю. От запаха свежего мяса в нем проснулся голод. Он начал грызть мягкий бок, распоротый волком; время от времени он глухо ворчал, словно объявляя себя хозяином туши, и это ворчание донеслось до вершины ели.

В ответ раздался шум крыльев, и в лунных лучах мелькнула одна сова, а за ней и другая. Несколько мгновений совы бесшумно парили над Питером, точно серые призраки. Затем с быстротой камня, пущенного из пращи, самец пронизал серебристую дымку и кинулся на Питера. Они перекатились через тушу, и в первое мгновение Питер был совсем оглушен ударами мощных крыльев и острого клюва, долбившего его затылок. Крылатый Гаргантюа промахнулся, не сумел сразу схватить свою жертву когтями и теперь пытался обессилить ее, не

поднимаясь в воздух. Он бил и терзал Питера крыльями и клювом. И вдруг его когти впились в тряпицы на шее щенка. Мгновенно ужас и растерянность Питера сменились боевой яростью. Он извернулся и вонзил зубы в перья, такие густые и мягкие, что ему никак не удавалось отыскать под ними уязвимое место. Питер рвал мягкий покров на пушистой груди, рыча и царапаясь передними лапами. Потом острые когти, прорвав ситец, погрузились в его шею, но тут же челюсти Питера сомкнулись на лапе противника. Он сжал зубы — щелкнув, порвалось сухожилие, затрещала кость, и сова, хрипло зашипев от боли и страха, напрягла все силы, чтобы освободиться. Могучие крылья достигали в размахе пяти футов, и раненый Гаргантюа приподнял было Питера в воздух, но его когти запутались в тряпках, и оба они вновь рухнули на землю, сплетаясь в один клубок. Питер почти не сознавал, что произошло дальше, он чувствовал только одно — ему грозит смерть. Он закрыл глаза и продолжал дробить и выворачивать зажатую в зубах лапу. Крылья оглушительно хлопали над самой его головой, железный клюв рвал его тело, и поляна вокруг уже была забрызгана кровью. Наконец что-то подалось. Раздался жуткий вопль, не похожий на обычные крики зверей и птиц, могучий Гаргантюа взлетел и упал на ель, ломая сухие ветки.

Питер с трудом поднялся на ноги, все еще держа в зубах совиную лапу. Он наполовину ослеп, все его тело было, казалось, изодрано в клочья и кровоточило, но, заглушая боль и страх, пришло упоительное сознание, что он победил. Опасаясь нового нападения, Питер прильнул к земле, напрягая мышцы, готовый ко всему, но нападения не последовало. Было слышно, как его искалеченный враг бьется и шипит среди веток. Питер медленно пятился, не отводя глаз от поля недавнего боя, и повернулся, чтобы отправиться дальше по следу Веселого Роджера Мак-Кея, только когда от роковой поляны его отделила стена мрака.

Недавний хвастливый задор прошел. Поединок с Гаргантюа был достаточным наказанием за самоуверенность, и теперь Питер крался между темными стволами, точно осторожная лиса. Он крепко-накрепко запомнил, что внушает страх вовсе не каждому обитателю леса: ведь шелкающие клювы и бесшумные серые тени, на которые он легкомысленно не обращал внимания, оказались опаснейшими врагами. Жестокий урок был полезным и своевременным. Щенок инстинктивно понимал, что спасся почти случайно, и боль от ран мучила его меньше, чем пережитый ужас неравного боя, хотя он и вышел из него победителем. Но это был разумный страх, а не трусость. Раньше темные силуэты сов были для него простой принадлежностью ночной темноты, и он испытывал к ним только равнодушие, теперь же он возненавидел их и злобно оскаливал зубы, стоило серой тени пролететь у него над головой.

Питер был сильно изранен. По спине и бокам у него тянулись глубокие царапины, а последний удар когтистой лапы разорвал его плечо до кости. Из ран текла кровь, один глаз заплыл, и все вокруг сливалось в единое смутное пятно. Инстинкт, осторожность и жгучая боль во всем теле подсказывали Питеру, что ему следует укрыться в густом кустарнике и подождать утра. Но его подгоняло воспоминание о настойчивом приказе хозяйки, тряпичный ошейник и совсем свежий запах Веселого Роджера, чьи следы уходили вперед и вперед по лунным коридорам и темным пещерам леса.

Уже занимался июльский рассвет, когда Питер, ковыляя, поднялся на обрывистую каменистую грядку и увидел по ту ее сторону небольшую долину. Как раньше Нейда, обессилев, не смогла сделать больше ни шагу, так теперь и он готов был сдаться. После драки с совой он пробежал несколько миль, его раны запеклись и воспалились, так что каждое движение причиняло ему сильную боль. Поврежденный глаз не открывался, а затылок там, где Гаргантюа бил его клювом, тупо и мучительно ныл. Питеру показалось, что от затянутой утренним туманом долины его отделяет огромное расстояние, и, распластавшись на земле, он принялся вылизывать горячим языком рану на плече. Он устал, был измучен болью, и его угнетало ощущение, что продолжать путь бесполезно. Питер вновь поглядел вниз на долину и жалобно заскулил.

И тут до его ноздрей внезапно донесся запах, непохожий на влажную сырость тумана. Пахло дымом! Сердце Питера забилось быстрее, и, принудив себя встать, он побрел на запах.

На лужке, скрытом двумя скалами, отходившими от кряжа под прямым углом, он нашел Веселого Роджера. Сначала он увидел еле тлеющие угли костра, а потом и своего хозяина. Веселый Роджер спал. Его обветренное, странно осунувшееся лицо было обращено к небу. Появление Питера не разбудило Мак-Кея. Что-то в выражении его лица заставило щенка удержаться от веселого повизгивания. Он тихонько подошел к Роджеру и лег рядом. Как ни осторожно было это движение, спящий пошевелился. Его рука приподнялась и расслабленно легла поперек спины Питера. Словно подчиняясь воле и отчаянному призыву девушки, оставшейся в лесу, так далеко отсюда, пальцы слепо сжали тряпки, повязанные на шее Питера, — весть, которую он нес своему хозяину.

Солнце уже давно поднялось высоко, озарив лесной пейзаж, а Питер и его хозяин продолжали спать.

Веселый Роджер проснулся потому, что Питер заворочался. Еще в полудремоте, не открывая глаз, он вдруг вернулся к действительности, которая на несколько часов была заслонена снами. Все его тело ныло. Шея затекла. Он лежал, как бревно, на жесткой земле. Потом к нему вернулись воспоминания обо всем, что произошло накануне, и он впервые заметил присутствие Питера.

Приподнявшись, Роджер в изумлении уставился на щенка. Собственно говоря, в том, что Питер удрал из хижины миссионера и догнал его, не было ничего особенного. Любог верный пес сделал бы то же. Но Мак-Кей растерялся от неожиданности и в первый момент почувствовал даже что-то вроде досады. Словно Питер сознательно нарушил возложенный на него долг. Когда накануне Мак-Кей шагал под потоками дождя через лес, он думал о Питере только как о звене, соединяющем его с той, кого он любил. Он как будто поручил Нейду Питеру, поручил ему охранять и беречь ее и напоминать ей о нем. Он находил некоторое утешение в том, что ради Нейды пожертвовал верным другом. А Питер так его предал!

Питер словно отгадал негодование и гнев Мак-Кея, в глазах которого не появилось знакомой улыбки. Он не пошевелился и продолжал лежать, распластавшись на земле, уткнув нос между передними лапами. Эта поза выражала признание своей вины, смиренное ожидание заслуженной кары. И все же в глазах, блестевших за завитками жесткой шерсти, Веселый Роджер прочел мольбу о прощении.

Мак-Кей молча протянул руку — этого было довольно: в одно мгновение Питер очутился у него на груди. Ведь их сердца соединяла настоящая любовь, и Веселый Роджер сказал голосом, прерывавшимся не то от смеха, не то от рыдания:

— Хромуля, чертенок ты эдакий! Ах ты чертенок...

Его пальцы наткнулись на тряпичный ошейник Питера, и он вздрогнул, сообразив, что это лоскутки, оторванные от платья Нейды. Увидев, что хозяин наконец-то понял, какую важную весть он принес, Питер стал внимательно следить за каждым его движением. Мак-Кей развязал узелок, и яркое, словно умытое вчерашней грозой солнце заиграло на каштановой пряди.

Теперь из груди Веселого Роджера вырвалось настоящее рыдание, и Питер увидел, что хозяин прижимает блестящие волосы к лицу, что по его широким плечам пробегает непонятная дрожь, а глаза наполняются влагой, непохожей на дождевую.

— Радость моя! — бормотал Роджер. — Эх, почему я не маленький ребенок, Хромуля! Никогда еще... никогда в жизни у меня еще не было такого желания заплакать!

В его глазах стояли слезы, а губы вздрагивали, но Питер прочел на лице хозяина радость. Мак-Кей поднялся на ноги и поглядел на юг — туда, откуда он ушел навстречу ночной буре. В его воображении возникла картина: он видел, как Нейда в хижине отца Джона привязывает на шею Питеру прядь своих волос и открывает перед ним дверь, за которой бушует гроза, зная, какую радость доставит Веселому Роджеру ее прощальный привет. Этот залог вечной любви и верности.

Он отгадал только малую часть правды. И Питер, по какой-то нелепой ошибке природы лишенный дара речи, напрасно отбегал к тропе, стараясь объяснить хозяину, что Нейда тоже пошла за ним, не боясь бури, и ждет его в глубине леса.

Но Мак-Кей видел мысленным взором только тускло освещенную комнату в хижине миссионера — и ничего больше.

Он прижал к губам шелковистую прядь, еще хранившую дождевую влагу, а потом ревнивым движением скупца разгладил ее, перевязал веревочкой и спрятал в сумку из мягкой оленьей кожи. Он собирал валежник для костра, а сердце его пело — ведь теперь он был не один.

Они поели и пошли дальше. Дни следовали за днями, а они все шли и шли. Настал август, они были уже далеко на севере и все продолжали идти по бескрайним дебрям, дремавшим в сонной тишине» месяца первых полетов» — месяца, когда птенцы учатся летать, а дремучие леса погружены в тихий сон.

Дни слагались в недели, и наконец перед нашими путниками открылся бассейн Оленьего озера.

На востоке лежал Гудзонов залив, к западу простирались темные боры и извилистые реки северного Саскачевана⁴, а на севере — еще дальше на севере — их манили пустынные равнины и не нанесенные на карты дебри вокруг озер Атабаска, Невольничьего и Большого Медвежьего. Туда-то они и продвигались медленно, но неуклонно.

Леса и болота на их пути временно обезлюдели. Хижины охотников и трапперов, индейские типи стояли пустые и покинутые. Нигде под деревьями не курились дымки костров, на утренней и на вечерней заре не раздавался собачий лай, охотничьи тропы зарастали травой, топоры трапперов смолкли, и все было охвачено великим

безмолвием, которое, казалось, пульсировало и билось, точно огромное сердце — сердце дикой природы, сбросившей на время узы, которые наложил на нее человек.

Для обитателей леса это была пора каникул, летнего праздника. Они растили детенышей, их мех сейчас никуда не годился и мясо тоже. Вот почему люди — мужчины, женщины, дети — вместе с собаками на время ушли из лесов к факториям Компании Гудзонова залива, разбросанным по границам этих северных дебрей. Еще две-три недели — и они вернутся. Снова закурятся дымки над хижинами, смуглые дети будут играть у входов в типи. Десять тысяч лесных жителей — белых, индейцев, метисов — по двое, по трое, целыми семьями вернутся к своим извечным занятиям в диком краю, который раскинулся от Гудзонова залива до западных гор, от Водораздела до Ледовитого океана.

Но пока природа была еще свободна, и этой свободой была насыщена звенящая лесная тишина. Ведь наступили дни, когда волк играл с волчатами и не выл, когда рысь сонно потягивалась и не торопилась на охоту, — дни, занятые заботами о потомстве, ночи дремотных шорохов, красноватой полной луны, журчания обмелевших ручьев, которым снились ливни и весенние разливы. И все это — ленивое жужжание насекомых, шелестящие вздохи древесных вершин, приглушенные голоса зверей и птиц — сливалось в тихий вибрирующий шепот, словно природа обрела новую речь, пока человек временно отсутствовал.

Для Веселого Роджера это была сама жизнь. Ее дыхание поднималось к нему от прохладной земли. Он слышал его и над собой и повсюду кругом, хотя многие другие люди не слышали бы ничего — только всеохватывающее гнетущее безмолвие.

Как-то вечером Мак-Кей разбил лагерь на берегу озера Бернтвуд. Почти у самых его ног струилась широкая речка глубиной в иных местах по щиколотку, а в иных и по колено. Она журчала и пела на отмелях и у завалов — там, где в мае и июне бешено неслась, пенясь от ярости. После утомительного дневного перехода по жаркому лесу Питер следил за хозяином сонными глазами. С тех пор как они ушли от цивилизованных мест, он вырос и стал шире в плечах. Тяготы пути, необходимость раздобывать себе пищу и отстаивать свою жизнь в непрерывной борьбе превратили щенка во взрослого пса. В свои полгода он был покрыт рубцами, силен и ловок и в любую минуту готов к нападению и защите. Глаза, полуприкрытые, как у эрделя, колечками жесткой шерсти, светились бдительной настороженностью и постоянно обращались назад: Питер никак не мог понять, почему тоненькая синеглазая девушка, которую они оба так любят и без которой так скучают, все еще не догнала их. И его все время томило смутное недоумение, почему хозяин не остановится и не подождет ее. Изменился и Веселый Роджер. В нем было бы трудно узнать розовощекого обитателя хижины на берегу Быстрого ручья, который целыми днями весело распевал, хотя и знал, что ищейки закона идут по его следу. Он похудел от безостановочной ходьбы, его лицо стало серьезным. Но ясные глаза по-прежнему хранили жадное любопытство и любовь к жизни — над этим не могло возобладать даже горе, которое непрерывно точило его сердце, пока они шли вперед, все приближаясь и приближаясь к Голым Землям.

В оранжевом сиянии закатного солнца Питер увидел, что его хозяин достает свое сокровище.

Он давно привык к этим минутам и ждал их. Несколько раз в течение дня и уж обязательно вечером Веселый Роджер повторял все тот же ритуал. Питер подобрался ближе к хозяину, который сидел, прислонившись к валуну, и замер в предвкушении. Когда Веселый Роджер вынимал ревниво оберегаемый сверточек, до Питера всегда доносился милый, чуть различимый запах — запах его хозяйки. Мак-Кей осторожно развернул тряпочку и несколько секунд держал в руке прядь каштановых волос — прощальный привет Нейды перед вечной разлукой. А Питер снова задумался над тем, почему они не вернутся туда, где осталась сама девушка, которая была ведь лучше своих волос. Веселый Роджер, замечая его тревогу и недоумение, много раз пытался объяснить ему, что произошло. Питер изо всех сил старался понять, но не понимал. А во сне он всегда возвращался к любимой хозяйке — бегал за ней, играл с ней, защищал ее, слышал ее голос, чувствовал ласковое прикосновение ее рук. И его собачье сердце тосковало по ней не меньше, чем сердце Веселого Роджера. Однако когда он просыпался, они продолжали свой путь — на север, а не на юг. Питер не мог постичь эту непонятную тайну, как не мог рассказать о тех минутах, когда Нейда в отчаянии и слезах послала его по следу Веселого Роджера, чтобы он привел назад того, кого она любит и будет любить вопреки всем законам мира — нарушенным и соблюденным.

В эту ночь у озера Бернтвуд Питер слышал, как его хозяин во сне звал Нейду. Но на заре они опять пошли на север.

Все эти дни и недели, пока они шли по жарким августовским лесам, Мак-Кей упорно спорил с невидимым собеседником, отстаивая свой кодекс. Правосудие может его настигнуть — и, пожалуй, настигнет. Его могут повесить — и, пожалуй, повесят. Но правосудие так и не узнает, каким был человек, которого оно послало на

виселицу. В этом-то и была трагическая ирония. Какое дело закону до его бережной любви к маленьким детям, беспомощным женщинам и старикам? Закон только посмеется над правилами, которым он всегда следовал, и издевательски захихикает, если он посмеет сказать, что он не такой уж плохой человек. Ведь закон считает его преступником, убийцей Джеда Хокинса, и семьсот полицейских разыскивают его, чтобы представить правосудию живым или мертвым.

Но такой ли уж он плохой человек?

Как-то вечером он попробовал обсудить этот вопрос с Питером.

— Если я преступник, Хромуля, так моя ли это вина? — спросил он. — Может, дело тут во всем этом... — широким жестом он обвел темнеющую стену леса. — Я родился под открытым небом в точно такую же ночь. Мать, когда была жива, не раз говорила мне, что в ту ночь было полнолуние и луна словно смотрела на нее со своей высоты и разговаривала с ней будто живая. С тех пор я и полюбил луну, и солнце, и лес, и все прочее. Вот потому-то я не верю в законы, придуманные людьми. Оттого, Хромуля, и вышли у меня неприятности с полицией. Когда я видел, что от их законов толку нет, я все улаживал по-своему. Пожалуй, слишком я любил деревья, цветы, солнечный свет, ветры да бури. И бродил где хотел. А по пути много чего натворил. И очень мне это нравилось, Хромуля... Вот и оказался я преступником!

Питер услышал негромкий смех хозяина, в котором не было ни страха, ни сожалений.

— Все началось с договорных денег⁵, — продолжал он, наклоняясь к Питеру, словно тот с ним спорил. — Видишь ли, Хромуля, это было племя Желтой Птицы. Я ее знал совсем мальчишкой. Были у нее две длинные черные косы, а лицо почти такое же красивое, как у моей матери. Они были подругами, и я любил Желтую Птицу, точно добрую волшебницу из сказки. И так ее и называл. Знаешь, Питер, детская любовь — это самая верная любовь в мире, и человек хранит ее до конца своих дней. Много лет спустя после смерти матери, когда я уже вырос, побывал в Монреале, Оттаве и Квебеке, я решил навестить племя Желтой Птицы... А они голодали, Хромуля. Слышишь? Умирили с голоду!

Голос Мак-Кея из задумчивого и нежного стал суровым и резким.

— Была зима, — продолжал он. — Самый разгар зимы. И морозы стояли лютые. Даже лисицы и волки попрятались. Осенью рыба ловилась плохо, снегопады разогнали дичь, и индейцы мерли с голоду. Когда я увидел Желтую Птицу, Хромуля, у меня прямо сердце оледенело. Она совсем истаяла. Только глаза остались да косы. Две длинные блестящие косы и глаза — темные, большие, глубокие, точно два озера. Вот ты никогда небось не видел, дружок, чтобы индианка плакала. У них этого не водится. Но когда эта добрая волшебница моего детства увидела меня, она застыла на месте, покачиваясь от слабости, а из ее темных глаз по худым щекам текли слезы. Она вышла замуж за Быстрого Оленя. У них было трое детей, и вот двое умерли в одну неделю. Быстрый Олень лежал при смерти. И Желтая Птица совсем обессилела и хотела только одного: умереть вместе с мужем. И вот тут-то пришел я... Питер! — Веселый Роджер наклонился, чтобы лучше видеть собаку в сгущающемся сумраке, и его глаза блеснули. — Вот, Питер, рассуди, плохо ли я тогда поступил. Они мне рассказали, что произошло. Местный торговец был отпетый негодяй, а новый правительственный агент по делам индейцев оказался того же поля ягода. Они скоро спелись. Агент выслал причитавшиеся племени договорные деньги и тут же тайком закупил несколько ящиков дешевого виски и отправил их торговцу. Через пять дней все деньги перекечевали в карман торговца. А тут наступила зима. И все пошло как нельзя хуже. Когда я добрался до них и разузнал, в чем дело, восемнадцать человек из шестидесяти уже умерло, а остальные еле волочили ноги. Знаешь, Хромуля, какой-нибудь мой прадед наверняка был пиратом! Я ушел и вернулся через три дня с санями, полными продовольствия и теплой одежды — ее на всех хватило. Господи, как бедняги набросились на еду! Я опять ушел и через неделю привез продовольствия еще больше. К Желтой Птице вернулась ее красота. Быстрый Олень окреп и становился сильнее с каждым днем. Все племя оправилось от беды — смотреть на них было одно удовольствие! Я кормил их так два месяца. А потом холода кончились. Вернулась дичь. Я доставил им еще запасов — и удрал. Вот так я стал разбойником, Хромуля.

Роджер засмеялся, и Питер услышал в темноте, что он весело потирает руки.

— Хочешь знать, как все это вышло? — спросил Мак-Кей. — Видишь ли, я навестил подлеца торговца и по милости судьбы застал его одного. Сперва я оттузил его хорошенько, а потом приставил ему к горлу нож и заставил написать записку, что он, дескать, должен уехать внезапно по срочному делу на юг, а лавку в свое отсутствие поручает мне. После этого я посадил его на цепь в землянке, которую никто, кроме меня, не мог бы отыскать. И стал хозяйничать в лавке, Хромуля. И еще как! Трапперы тогда обходили свои капканы и ко мне редко кто заглядывал. А я кормил и одевал мое племя целых два месяца. Кормил, пока они не растолстели... И глаза Желтой Птицы снова заблестели, как звезды. А потом я привел Таракана — такое у него было прозвище

— назад в лавку, которая сильно-таки опустела, отчитал его, оттузил на прощанье еще раз... и убрался восвояси. Мак-Кей встал. На черном бархате неба зажглись первые звезды. И Питер услышал, как его хозяин глубоко и радостно вдохнул душистый воздух.

Потом он опять заговорил:

— С той зимы, Питер, за мной гоняется конная полиция. И чем больше они за мной гоняются, тем больше я даю им для этого поводов. Я избил до полусмерти Бодена, почтальона, который оскорбил одну женщину, когда ее муж — мой хороший друг — был в отсутствии. А Боден взял да и присвоил деньги, которые вез, и все свалил на меня. Ну, тогда я и в самом деле ограбил почту, а зачем, ты знаешь! И с тех пор я много чего натворил. Но моим оружием всегда были только кулаки, и я ни разу не пускал в ход ни пистолета, ни ножа, если, конечно, не считать того случая с Тараканом. А самое смешное во всем этом, Хромуля, что я и Джеда Хокинса не убивал. Может, я когда-нибудь и расскажу тебе, что случилось тогда на дороге, когда вы с Нейдой ушли. Ну, а пока... Он умолк, и Питер почувствовал, что его хозяин вздрогнул. Затем Веселый Роджер неожиданно нагнулся к нему.

— Питер, трех женщин мы будем любить до могилы, — прошептал он. — Мою мать — только она давно умерла. Нейду — только ее мы больше никогда не увидим... — Его голос на мгновение прервался. — И... и Желтую Птицу. С тех пор, как я накормил ее племя, прошло пять лет! Наверное, родились уже новые дети. Знаешь что, дружок, пойдем и посмотрим!

10

На другой день Веселый Роджер и Питер пошли на северо-запад — туда, где жило племя Желтой Птицы. Они шли медленно, соблюдая величайшую осторожность, и Питер все яснее понимал, что по какой-то неведомой причине им надо постоянно быть начеку. Он заметил, что его хозяин всякий раз настораживается, когда за деревьями раздается какой-нибудь звук — хруст валежника, неясный шелест кустов или стук оленьих копыт. Инстинкт, однако, подсказывал ему, что прячутся они от людей.

Он еще не забыл, как они спаслись от Кассиди и несколько дней скрывались среди лабиринта раскаленных скал, которые Веселый Роджер окрестил Духовкой. Хозяин вел себя теперь так же, как в те дни. Он не смеялся, не пел, не свистел, а разговаривал шепотом. Костры он разводил теперь такие маленькие, что Питер вначале только диву давался. Не стрелял он и дичи, хотя ее немало попадалось на их пути, а ставил с вечера силки и ловил рыбу в ручьях. На ночлег они устраивались, отойдя не меньше чем на полмили оттого места, где стряпали ужин на крохотном костре. И Питер спал чутким сном, готовый вскочить при малейшем шорохе. Не раз его тихое предостерегающее ворчание будило Роджера, который сразу просыпался, уже хватаясь за пистолет.

Собственно говоря, Мак-Кей вовсе не был уверен, что пустит пистолет в ход, если при таком пробуждении увидит перед собой красный полицейский мундир. В его душе по-прежнему шла борьба. Он анализировал свое положение со всех точек зрения, но как бы он ни рассуждал, вывод всегда был один и тот же. Если он будет арестован, правосудие не станет утруждать себя, карая его за возвращение индейцам их законных денег, за ограбление почты или за прочие мелкие его преступления. Его повесят за убийство Джеда Хокинса. И служители закона не поверят ему, даже если он скажет правду, — а ее он никогда не скажет. Много раз воображение рисовало ему эту невероятную картину — настолько невероятную, что, несмотря на всю ее мрачность, Роджер находил в ней повод для угрюмой улыбки. Даже Нейда поверила, что он убил ее приемного отца. Хотя на самом деле убила его она. И правосудие повесит Нейду, если правда будет когда-нибудь открыта. Мысленно он вновь и вновь переживал события той роковой ночи у Гребня Крэгга, когда, казалось, он уже стоял на пороге счастья — когда миссионер должен был обвенчать их с Нейдой. А потом... темная дорога, рыдающая девушка, которая, шатаясь, брела ему навстречу в разорванном платье, ее прерывающийся шепот, когда она рассказывала, как Джек Хокинс тащил ее по лесу к хижине Муни, как ей удалось вырваться, ударив его камнем, попавшимся ей под руку в темноте. Поверила ли бы полиция ему, заведомому преступнику, если бы он рассказал правду о том, что произошло дальше? О том, как он бросился за Джедом Хокинсом, чтобы разделаться с ним, и увидел, что он лежит мертвый там, где его оставила Нейда? Поверила ли бы она ему, если бы в минуту слабодушия он признался, что взял на себя вину девушки, которую любил? Нет, ему не поверили бы! Слишком хорошо он подделал все улики. Если бы он рассказал правду о том, что произошло на дороге между Гребнем Крэгга и хижинкой Муни, его бы только назвали подлым лжецом и трусом.

Именно эта мысль и служила главным утешением Веселому Роджеру — мысль о том, что он хорошо подделал все улики против себя и ни Нейда и никто другой никогда не узнает правды. Его любовь к синеглазой девушке, которая доверилась ему, даже зная, что он разбойник, была вечной и непреходящей, как любовь к покойной матери.

— Умереть за нее будет совсем нетрудно, — сообщил он Питеру результат своих размышлений, не сомневаясь, что конец будет именно таков.

Эта мысль его не пугала. Он твердо решил бороться за свою жизнь и свободу, пока хватит сил. Но, хорошо зная упорство королевской северо-западной конной полиции, он понимал, что исход его поединка с ней может быть только один. Однако Роджер Мак-Кей не отчаивался, несмотря на пережитую трагедию и на мысль о неизбежном еще более трагическом завершении своей жизни. Наяву и во сне его поддерживало и утешало воспоминание о девушке, которая была готова разделить с ним его скитания и в последний час умоляла его взять ее с собой, какие бы невзгоды ни ждали их впереди. Она знала, что он преступник, за которым гонится полиция, но это не оттолкнуло ее. И даже то, что он убил человека — пусть негодяя, недостойного жить, но все же человека, — не уничтожило ее доверия к нему. И в тысячный раз Веселый Роджер с отчаянием думал, не ошибся ли он, оттолкнув Нейду, отказавшись от ее любви и верной дружбы, когда она хотела уйти с ним наперекор всему.

День за днем, пока они шли в те края, где жило племя Желтой Птицы, он боролся с собой и постепенно, подавив гнетущие сомнения, убедил себя, что поступил правильно. Он не дал эгоизму взять верх в своей душе и не позволил Нейде стать женой разбойника. Он ничем не связал ее. Ее ждет новая жизнь и, возможно, новое счастье. Он не погубил ее, и эта мысль послужит ему утешением даже в тот серый предрассветный час, когда закон заставит его поплатиться за не совершенное им преступление.

Порой на смену горю и тоске приходит странное успокоение, знакомое только тем, в чьей душе пожар страстей гаснет, не находя более пищи. И вот теперь, когда наши путники пошли на северо-запад к берегам озера Уолластон, именно такое успокоение снизошло на Веселого Роджера. Правда, оно больше походило на боль, на тихую, вечно ноющую боль, но зато оно принесло ему новое единение с природой, с солнцем, с деревьями, цветами, плодоносящей землей — со всем тем, что всегда было ему так дорого, а теперь стало вечным источником утешения и поддержки в самые черные часы.

После того как Веселый Роджер решил навестить племя Желтой Птицы, он больше не торопился. Теперь он старался вообразить, будто Нейда идет с ними, и это удавалось ему так хорошо, что Питер был совсем сбит с толку, пытаясь понять, с кем разговаривает его хозяин.

Их неспешное путешествие, постоянная настороженность и общение с хозяином, который держался с ним как с товарищем, с равным, чрезвычайно развили умственные способности Питера, и он старался показать себя достойным такой дружбы и доверия. Благодаря правильному обучению, дополненному инстинктом, он знал теперь лес и лесную жизнь во многих отношениях даже лучше, чем его хозяин. И вместе с тем Веселый Роджер медленно, но верно внушал ему, что существует огромное различие между охотой для пропитания и бессмысленными убийствами ради забавы.

— Все живое, чтобы жить, должно иногда убивать, и тут уж ничего не поделаешь, Питер, — втолковывал ему Веселый Роджер. — Но совсем другое дело, если ты убиваешь без всякой необходимости. Видишь вон то дерево, которое обвил хмель? Хмель душил дерево, и со временем оно засохнет. Но хмель ни в чем не виноват, потому что иначе он жить не может. Правда, я вырву этот хмель с корнем, так как дерево, на мой взгляд, важнее хмеля. В таких случаях поступаешь, как подсказывает тебе совесть. Нам с тобой надо жить, и поэтому сегодня мы ужинаем молодыми куропатками. Видишь ли, Питер, тут все решает необходимость. Тебе это понятно? Этих объяснений Питер не понимал, но он был наблюдателен и умел быстро соображать. Он скоро зарубил себе на носу, что разорять гнезда — непростительное преступление. Он чувствовал, что его немилосердно стыдят, когда он для забавы нападает на существо слабее себя. Правда, в этом он так и не разобрался и в подобных случаях поглядывал на хозяина, ожидая от него какого-нибудь указания. В августе подрастающие крольчата очень доверчивы, и Питер мог бы душить их десятками, но теперь он кидался за ними в погоню, только когда бывал по-настоящему голоден или же по приказанию Веселого Роджера. Этот этап в воспитании Питера был очень интересен его хозяину. Разбойник не придерживался взгляда тех натуралистов, которые считают себя единственными разумными существами в мире. Он верил, что Питер наделен не только великолепными инстинктами и смелостью, но и способностью рассуждать, а он помогает этой способности развиваться. Вот это-то и занимало его.

На привале, когда Роджер не спал и не занимался воспитанием Питера, он обычно читал какой-нибудь из красных томиков исторических сочинений, которые позаимствовал, остановив почту у границы Голых Земель. Он уже знал их почти наизусть. Больше всего ему нравились жизнеописания Наполеона, Маргариты Анжуйской и Петра Великого, и когда он сравнивал свои беды с трудностями, из которых эти люди выходили победителями, он испытывал прилив бодрости и уверенности. Если природа была его богом и священным

писанием, а Нейда — путеводной звездой, то эти зачитанные книжечки, написанные человеком, который давно уже умер, были его собеседниками и наставниками. Они рассказывали ему о великих самопожертвованиях, доблести и подвигах, о верности, чести и предательствах и о страшных трагедиях, к которым неизменно приводят неумеренное честолюбие и эгоизм. Он извлекал из прочитанного уроки для себя. И сообщал Питеру свои умозаключения. Особенно ему нравилась неустрашимая Маргарита Анжуйская, и однажды его сердце восторженно забилося, когда голос с печатной страницы шепнул ему, что Нейда — такая же Маргарита, только в сто раз лучше, потому что она не принцесса и не королева.

— Видишь ли, разница в том, — объяснил он Питеру, — что Маргарита жертвовала собой, боролась и готова была умереть ради короля, а наша Нейда — ради бедняка, за которым гонится полиция. Вот почему Нейда куда выше Маргариты, — добавил он. — Маргарита ведь шла на такие жертвы не только для того, чтобы спасти своего мужа, но и чтобы остаться королевой, а Нейде нужны только мы с тобой. И вот тут-то мы последуем примеру Петра Великого, — закончил он с невеселым смешком, — и не позволим ей губить себя.

И так день за днем шли к речкам Уолластона — в страну, где жили Желтая Птица и ее племя.

В первых числах сентября они перебрались через Гейки и вышли на западный берег Уолластона. Листва берез уже отливала золотом, а в шелесте осин слышались тревожные шепоты осени. Тополя желтели, рябина адела тяжелыми гроздьями, а в прохладных сырых чащобах бархатисто чернели спелые сочные ягоды дикой смородины. Веселый Роджер особенно любил это время года, а Питер впервые в жизни знакомился с сентябрем. Днем еще было жарко, однако по ночам воздух бодряще пощипывал, и Питер уловил новую резкую ноту в голосах обитателей леса. По ночам вновь начали завывать волки. Гагары забыли семейные радости и хрипло кричали под луной. Кролики выросли и утратили детскую доверчивость, а совы словно глубже уходили в ночной мрак и выслеживали добычу особенно хитро. Веселый Роджер знал, что люди уже возвращаются к своим хижинам и охотничьим участкам, и стал еще осторожнее. Он внимательно смотрел по сторонам, не поднимается ли где-нибудь к небу дымок, прислушивался к каждому звуку, и его начали одолевать тревожные мысли: мало ли что могло случиться с племенем Желтой Птицы за пять долгих лет! Еще одна голодная зима или какая-нибудь повальная болезнь могла погубить почти все племя, а горстка оставшихся в живых разбрелась кто куда... А вдруг Желтая Птица умерла?

Три дня он медленно шел по извилистому берегу озера и наконец набрел на индейские помосты для вяления рыбы. Его с новой силой охватили зловещие предчувствия; люди давно ушли отсюда, земля была испещрена медвежьими следами, а у берега, куда выбрасывались рыбы внутренности, расхаживали два черных медведя — толстые, разъевшиеся; они несколько не встревожились, увидев человека и собаку.

Однако на другой день к закату они вышли на песчаную косу, где в белом песке возились индейские ребятишки. Они играли и смеялись, и с ними играла и смеялась высокая худошавая женщина в юбке из мягкой оленьей кожи, с двумя черными глянцевыми косами, которые, когда она бежала, металась у нее за плечами, точно два толстых каната. Веселый Роджер и Питер увидели ее в ту минуту, когда она убегала от детей в сторону противоположную той, где они стояли. Но вот она внезапно повернулась, бросилась прямо к ним и с испуганным криком остановилась в двух шагах от Мак-Кея. Питер внимательно следил за происходящим. Он увидел, что испуг в темных глазах женщины сменился удивлением, потом она прерывисто вздохнула, и тут Веселый Роджер крикнул:

— Желтая Птица!

Он медленно подошел к ней, еще не веря, что годы так мало ее изменили, и Желтая Птица радостно протянула к нему руки, а Питер, не понимая, что, собственно, происходит, подозрительно косился на смуглых индейских ребятишек, которые тихонько их окружили. Потом из-за ивняка вышла девочка, и Питер был совсем сбит с толку, потому что он увидел еще одну Желтую Птицу — та же стройная гибкая фигура, те же сияющие глаза, хотя она и была даже моложе Нейды. Питер не знал, что это Солнечная Тучка, дочь Желтой Птицы. Но он тут же почувствовал к ней симпатию, такую же, какую внушила ему ясноглазая женщина, которая держала его хозяина за руки. Желтая Птица позвала, девочка подошла к матери, и Веселый Роджер расцеловал ее в обе щеки. Затем они пошли по берегу к стойбищу, а дети во главе с Солнечной Тучкой бросились вперед, чтобы первыми сообщить новость, и Питер бежал рядом с Солнечной Тучкой.

Питеру еще не приходилось слышать, чтобы из человеческой груди вырывался такой вопль, какой испустил Быстрый Олень, муж Желтой Птицы и вождь племени, когда он поздоровался с Веселым Роджером. Это был старинный боевой клич индейцев кри, а то, что произошло вечером, и вовсе привело Питера в неистовое возбуждение. Пылали огромные костры, вокруг них пело, плясало, смеялось и пировало все племя под нестройное завывание полусотни сивашских собак. Собаки эти Питеру не понравились, но он не стал затевать

драку, потому что ему хотелось лежать рядом с Солнечной Тучкой, сунув нос в ее ласковую смуглую руку. В этот вечер, сидя у большого костра возле типи Быстрого Оленя, Роджер впервые за много недель чувствовал себя счастливым. То и дело он поглядывал на Желтую Птицу. За пять лет она почти не изменилась. Ее глаза блестели глубоким блеском, зубы были белее молока, а на щеках играл такой же темный румянец, как и на щеках Солнечной Тучки. Все это неопровержимо свидетельствовало о том, что ей жилось хорошо и спокойно. Любовался он и Солнечной Тучкой, которая была в полной мере наделена нежной красотой северных индианок. С неменьшим удовольствием смотрел он и на Быстрого Оленя — их счастье было и его счастьем. То же счастье светилось в глазах всех мужчин, женщин и детей, которых он видел вокруг. Быстрый Олень сообщил ему, что три зимы подряд охота была на редкость удачной, а в это лето они заготовили столько рыбы, что им ее хватит на всю зиму, даже если снова настанут черные дни. Их племя стало теперь богатым: у них есть много теплых одеял, хорошей одежды, типи, ружей и саней да еще несколько редкостных диковинок в придачу. В этот же вечер Желтая Птица и ее муж с гордостью показали Веселому Роджеру два из этих новых сокровищ — швейную машину и граммофон! И на берегу озера Уолластон, в шестистах милях от Гребня Крэгга, он слушал «Матушку Макри», «Четки» и другие грустные и веселые песенки.

А поздно ночью, когда становище уснуло, Роджер еще долго сидел у погасшего костра с Желтой Птицей и Быстрым Оленем, рассказывал им о том, что произошло с ним на границе населенных мест. Он был рад излить сердце, и хотя его слушал и Быстрый Олень, исповедовался он Желтой Птице, зная, что ее чуткое сердце полно сочувствия. Тихим голосом, которому, как голосам всех ее соплеменниц, была присуща особая мелодичность, она расспрашивала его про Нейду, и ее тонкие пальцы нежно поглаживали каштановую прядь, которую доверил ей Роджер. Потом она сказала:

— Я дала имя твоей девушке. Она — У-Ми, Голубка.

Что-то в ее голосе заставило Быстрого Оленя вздрогнуть.

— Голубка, — повторил он.

— Да, У-Ми, Голубка, — кивнула Желтая Птица. Она не смотрела на них. Ее фигура застыла в неподвижности, а в глазах плясали отблески костра. Не попросив у Роджера разрешения, она спрятала волосы Нейды у себя на груди. — У-Ми, Голубка, — повторила она, глядя вдаль. — Так ее зовут, потому что голубка летит быстро, прямо и верно. Через леса, озера и реки летит голубка. Она не устает. Не замедляет полета. Она всегда летит домой.

Быстрый Олень бесшумно поднялся на ноги.

— Пойдем! — шепнул он Веселому Роджеру.

Желтая Птица не оглянулась на них и не сказала ни слова. Быстрый Олень взял Веселого Роджера за локоть и потянул за собой. В его глазах был почтительный испуг.

— Сегодня ночью ее дух навестит У-Ми, — сказал он с благоговением. — Он побывает в тех местах, о которых ты нам рассказывал, побывает в сердце твоей девушки, а завтра утром расскажет тебе через Желтую Птицу, что случилось и что может случиться.

Быстрый Олень уже лег, а Веселый Роджер продолжал стоять у зарослей ивняка, глядя на Желтую Птицу, которая сидела неподвижно, точно каменное изваяние. Ему стало немного не по себе. Он не был суеверен, но зато верил в силу внушения и самовнушения. «Если у тебя хватит убеждения и упорства, то может сбыться все, чего ты захочешь», — не раз говорил он себе. И он знал, что Желтая Птица обладает именно таким убежденным упорством и передающейся из поколения в поколение неколебимой верой в силу духов. Роджер твердо знал, что сам он не обладает никакими сверхъестественными способностями, но таинственное безмолвие ночи нашептывало ему, что, быть может, мозг Желтой Птицы наделен какими-то таинственными свойствами, которые утратил цивилизованный человек, выйдя из первобытного состояния, и благодаря этим свойствам ей, быть может, удастся и в самом деле совершить то, что ему представляется чудом. Чего не бывает на свете!

Опустившись на песок, Роджер продолжал наблюдать за Желтой Птицей, а Питер свернулся у его ног.

Мак-Кей видел, как в тусклом свете звезд чуть блестят ее волосы, но ее лицо и неподвижная фигура были погружены в глубокую тень. Становище спало. Даже собаки затихли и зарылись в песок; тлеющие угли костров погасли. Прошел час, другой, веки Веселого Роджера словно налились свинцом, и он уснул, привалившись спиной к песчаному холмику, насыпанному детьми. Ему снилось, будто он летит по воздуху с Желтой Птицей. Она неслась вперед с быстротой стрелы, а он отставал и, наконец, в испуге закричал, чтобы она подождала — он вот-вот упадет. Собственный крик разбудил его. Он открыл глаза и увидел, что в сером небе занимается заря. Разбуженный Питер тыкался носом в его руку. Быстрый Олень лежал рядом на песке и крепко спал. Становище было по-прежнему погружено в сонное безмолвие. Вздрогнув, Мак-Кей посмотрел на типи Желтой Птицы.

Индианка все еще сидела на прежнем месте, и казалось, что за всю ночь она так ни разу и не пошевелилась. Роджер с трудом поднялся на ноги. Когда он бесшумно подошел к Желтой Птице, она подняла голову и посмотрела на него. Ее волосы и длинные ресницы поседели от росы. Лицо осунулось и побледнело, а глаза стали такими огромными, что он даже испугался. Желтая Птица казалась очень утомленной. Ее плечи устало поникли.

Она вздохнула и чуть-чуть вздрогнула.

— Садись, Никева, — прошептала она, прижимая косы к груди, словно чтобы согреться.

Она провела тонкой рукой по глазам и поежилась.

— Все хорошо, Никева, — сказала она тихо. — Я летала через облака туда, где живет У-Ми, Голубка. Я увидела, что она плачет на лесной тропе. Я шепнула ей, что придет счастье — долгое счастье для Никевы и для Голубки. Это счастье не может погибнуть. Его нельзя убить. Люди в красной одежде, которые служат Великому Белому Отцу, не смогут его погубить. Вы будете жить — ты и она. И встретитесь. И с вами будет счастье. Вот что я узнала, Никева. Вы встретитесь и будете счастливы.

— Но где, когда? — прошептал Веселый Роджер, невольно поддаваясь волнению.

Желтая Птица опять провела рукой по глазам и наклонила голову так, что Мак-Кей видел только ее влажные от росы волосы.

— В Далекое Краю, Никева, — ответила она.

И снова подняла на него большие таинственные глаза.

— Но где же это, Желтая Птица? — спросил он с внезапным страхом. — Ты думаешь, там? — И он указал на серое небо у них над головами.

— Нет, счастье ждет вас в жизни, а не в смерти, — медленно проговорила индианка. — Не в Надзвездной стране, а... а в Далекое Краю. — Ее голова снова устало поникла. — Я не знаю, Никева, где это. Большое белое облако закрыло мне путь. Но где-то этот край есть. Я найду его. И скажу тебе... и Голубке.

Желтая Птица поднялась и, пошатываясь от усталости, вошла в типи. Веселый Роджер проводил ее взглядом и услышал, как она тяжело опустилась на постель из одеял.

Потом он еще очень долго смотрел на восток, где в алом свете зари таяли утренние туманы, и старался разобраться в своих чувствах. Наконец у него за спиной раздались легкие шаги, и к нему подошел Быстрый Олень. Роджер спросил:

— Ты когда-нибудь слышал про Далекий Край?

Быстрый Олень покачал головой, и оба они продолжали молча смотреть на красный шар восходящего солнца. Питер очень обрадовался, когда стойбище проснулось. Люди разговаривали, смеялись, разводили костры, а он с нетерпением ждал появления Солнечной Тучки. Наконец она вышла из типи Желтой Птицы, протирая глаза, и вдруг, заметив его, улыбнулась ему белозубой улыбкой. Они побежали к озеру, и Питер, виляя хвостом, смотрел, как Солнечная Тучка умывается, войдя по колени в прохладную воду. Это был для него счастливый день. Питер был совсем не похож на индейских собак, и поэтому Солнечной Тучке и ее товарищам очень нравилось играть с ним. Однако даже в самый разгар веселых забав Питер не забывал поглядывать в ту сторону, где находился его хозяин.

А Веселый Роджер почти забыл про Питера. Он пытался отогнать мысли, которые внушило ему пророчество Желтой Птицы. Он напоминал себе, что верить в ее колдовство нелепо и ничего хорошего из этого не выйдет, однако ему хотелось верить, и он был достаточно честен с собой, чтобы признать это. Против воли он проникся новой надеждой. Но она несла с собой волнения и страх, потому что в нем росло безотчетное убеждение, что слова Желтой Птицы могут сбыться. Он заметил, что Быстрый Олень как-то по-особенному сдержан. Вождь вполголоса объяснял что-то остальным индейцам. Становище затихло, но в нем закипела работа, и солнце еще только-только поднялось, когда на песчаной косе не осталось других типи, кроме жилища Желтой Птицы.

Только когда коса опустела, Желтая Птица наконец вышла из типи. Она увидела еду, поставленную у входа. Она увидела пустоту там, где стояли жилища ее соплеменников, и следы их лодок на влажном песке у воды. Затем она повернула бледное лицо и усталые глаза к солнцу и распустила косы, так что волосы окутали ее, как плащ, и рассыпались по песку, когда она села перед парусиновым типи, ставшим теперь приютом духов.

Племя разбило новое становище в двух милях от прежнего места, но Быстрый Олень и Роджер вернулись в лесок на мысу всего в полумиле от косы. Они видели, как Желтая Птица вышла из типи. Они следили за ней больше часа, после того как она опустилась на песок. А потом Быстрый Олень издал гортанный звук и жестом показал, что им следует уйти. Веселый Роджер заспорил — нельзя же оставить Желтую Птицу без всякой защиты. В здешних местах полно медведей. Да и встреча с человеком не всегда бывает безопасной в лесных

дебрях. Но бронзовое лицо Быстрого Оленя было исполнено гордого спокойствия.

— Желтая Птица колдует только с добрыми духами, — заверил он Мак-Кея. — Злых духов она отгоняет. А добрые духи уберегут ее от любой опасности. Вот почему, Никева, с той голодной зимы мы живем так хорошо! Он сказал это на языке кри, и Мак-Кей ответил ему на том же языке. Они повернулись и зашагали к новому стойбищу. На полпути их встретили Солнечная Тучка и Питер. Ей понравилось, как накануне Роджер поздоровался с ней, и теперь, вложив смуглые пальцы в его руку, она подставила ему щечку, а потом побежала вперед, и Питер кинулся за ней, весело твякая на ее мокасины.

А Веселый Роджер сказал:

— Эх, почему я не твой брат, Быстрый Олень, а Нейда — не сестра Желтой Птицы! У нас было бы много таких дочерей! — И он тоскливо посмотрел вслед Солнечной Тучке.

Когда он произносил эти слова, Желтая Птица сидела, опустив голову на грудь и закрыв глаза. В ее руке была зажата мягкая прядь каштановых волос. Весь день и всю ночь Желтая Птица прижимала эту прядь к своей груди, веря, что ее душа полетит к У-Ми и отыщет ее. Еду, которую ей оставили, она закопала и плотно утоптала в землю. Два дня она ничего не ела, и два дня Мак-Кей и Быстрый Олень, наблюдавшие за одиноким типи на песчаной косе, не видели там никаких признаков жизни.

Однако на третье утро перед входом поднялся дым от сырых веток, брошенных в огонь.

Быстрый Олень глубоко вздохнул. Это был сигнальный дым.

— Она кончила колдовать, — сказал он, делая знак Роджеру. — Она зовет тебя. Иди!

Сумрачное выражение исчезло с его смуглого лица: он тосковал без Желтой Птицы, а теперь она должна была скоро вернуться к нему. Веселый Роджер быстро шел по песку. Он снова убеждал себя, что все это выдумки и он идет на зов сигнального дыма, только чтобы не обидеть Желтую Птицу и ее мужа. Однако его сердце забилося сильнее, потому что надежда на невозможное заглушала здравый голос разума.

Желтая Птица вышла к нему, только когда он был уже в нескольких шагах от типи. И Роджер, ахнув, остановился как вкопанный. Индианка изменилась почти до неузнаваемости: ее распущенные волосы сохранили прежний темный блеск, но лицо посерело, осунулось и стало почти таким, каким оно было в дни голода. Желтая Птица не ела и не спала двое суток, но в ее темных глазах горел лихорадочный огонь торжества, и Мак-Кей почувствовал, что заражается ее волнением.

Желтая Птица протянула ему обе руки.

— Я видела Голубку, мы были с ней вместе, — сказала она. — Она спала, положив голову мне на грудь. Я узнала много тайн, Никева, — все, кроме одной. Духи не сказали мне, где надо искать Далекий Край. Но он не в Надзвездной стране. Ты отыщешь его живой, а не мертвый. Вот что они мне сказали. И ты не должен возвращаться туда, где живет Голубка. Там все черно. Нет, ты должен идти все вперед и вперед и искать Далекий Край. Ты его найдешь. И найдешь Голубку, а с ней и счастье. Тебе это удастся, Никева. Но мое сердце упрекает меня за то, что я не могу сказать тебе, где искать эту неизвестную землю. Когда я приблизилась к ней, ее закрыли золотые и серебряные облака, и я слышала только пение птиц и голоса духов, которые говорили, что ты найдешь путь туда, если будешь все время искать его, Никева. Я рада.

Каждое слово, которое произносил музыкальный голос Желтой Птицы, пробуждало в груди Веселого Роджера непонятную надежду. Он знал, что это нелепо, он понимал, что сторонний наблюдатель улыбнулся бы и назвал все это глупостями, но ему хотелось надеяться, и он надеялся.

Лицо его прояснилось и ожило, как и лицо Желтой Птицы. Он посмотрел по сторонам, на озаренные солнцем лес и озеро, и внезапно взмахнул рукой.

— Я отыщу это место. Желтая Птица! — воскликнул он. — Отыщу твой Далекий Край! А потом, — он повернулся и сжал в ладонях тонкую руку индианки, — а потом мы вместе с Нейдой вернемся к тебе. Желтая Птица, — закончил он.

И он почтительно коснулся губами смуглых пальцев, точно рыцарь, приветствующий свою даму.

11

Мак-Кей гостил у племени Желтой Птицы и был счастлив. Он словно вернулся после долгой разлуки в родную семью. Желтая Птица относилась к нему с материнской нежностью. Быстрый Олень любил его, как брата. Когда Мак-Кей подходил к старикам и заводил с ними разговор, их суровые морщинистые лица смягчались; ребятишки ходили за ним по пятам, а Солнечная Тучка на утренней и на вечерней заре неизменно подставляла ему щечку для поцелуя. Впервые за долгие годы Мак-Кею казалось, что он обрел надежное пристанище. Стояла теплая тихая осень, солнечные дни и звездные ночи завораживали надеждой, убаюкивали тревогу. Роджер откладывал свой уход со дня на день, а Быстрый Олень настойчиво уговаривал его остаться с ними навсегда.

Но Желтая Птица не присоединялась к его просьбам, и взгляд ее темных глаз оставался непроницаемым. Она как будто чего-то ждала, чего-то опасалась.

И наконец то, чего она ждала и боялась, произошло.

Была темная тихая ночь, но в этой тишине чудилось что-то гнетущее. Она была подобна живому существу, которое то замирало в неподвижности, то бесшумно кралось куда-то между темными облаками и черной землей. Мрак пронизывала смутная тревога, ночная духота казалась порождением скрытых скованных сил, которые тщились вырваться на волю.

Ветра не было, но облака стремительно неслись по небу.

Верхушки деревьев были неподвижны, и все же они шелестели и перешептывались.

Лес окутывала тяжкая, тревожная дремота, и в его безмолвии словно таилось безмолвие смерти.

На белом песке у маслянисто-черных вод Уолластона темнели типи племени Желтой Птицы. Закопченные дымом костров, побуревшие от непогоды, они казались часовыми на берегу огромного озера. За ними в ивняке спали собаки. Оттуда время от времени доносилось тревожное повизгивание, судорожные вздохи, лязганье зубов. Зарывшиеся в песок спящие псы беспокойно перебирали лапами. Так же беспокойно спали и их хозяева в типи. Мужчины, женщины, дети в тяжелом полусне ворочались с боку на бок, просыпались, а когда вновь засыпали, их начинали мучить кошмары.

Желтая Птица лежала на своем одеяле, широко раскрыв глаза, и пристально глядела на серое пятно дымового отверстия. Ее муж спал. Солнечная Тучка разметалась на постели, и ее коса упала на грудь матери. Тонкие пальцы Желтой Птицы машинально поглаживали шелковистые волосы. Она вспоминала — вспоминала те далекие дни, когда еще не встретила Быстрого Оленя, когда белая женщина была ее самой любимой подругой, а маленький сын этой женщины называл ее «моя волшебница».

И хотя ее мучили тяжелые предчувствия, Желтая Птица невольно улыбнулась своим воспоминаниям, потому что это были светлые дни. Но потом ее мысль обратилась к тому времени, когда маленький мальчик, став взрослым, спас ее племя от голодной смерти — спас ее, Солнечную Тучку и Быстрого Оленя. С тех пор им постоянно улыбалась удача. Духи были добры к ним. Они сохранили ей молодость, дали красоту Солнечной Тучке, вернули силу Быстрому Оленю и сделали все племя счастливым. И всем этим они были обязаны человеку, который спит сейчас под открытым небом на берегу, скрывающемуся преступнику, разбойнику, маленькому товарищу дней ее юности — Веселому Роджеру Мак-Кею.

Она продолжала прислушиваться и глядеть на серое пятно дымохода, но теперь духи нашептывали ей другие мысли, и ее глаза в темноте испуганно расширились. Духи упрекали ее. Они говорили, что это из-за нее в ту голодную зиму Роджер Мак-Кей ограбил и чуть не убил торговца. Он сделал это, чтобы ее племя, ее близкие и она сама могли жить. Но то, что он сделал, зажгло кровь Никевы, ее «маленького белого брата, который вырос», и вот теперь он бродит по лесам один со своей собакой, а хранители закона в красной одежде выслеживают его. Они ищут его потому, что он не раз нарушал их закон, но главное потому, что хотят покарать его за убийство. Желтая Птица села на постели, стиснув в руке тугую косу Солнечной Тучки. Она вспоминала, как спрашивала духов о том, что ждет в будущем Никеву, ее белого брата. И духи сказали ей, что он убил плохого человека и поступил правильно.

Они обещали ей, что он не будет больше страдать и что в Далёком Краю он найдет белую девушку Нейду, счастье и покой. Желтая Птица верила в духов. И не сомневалась в том, что они говорили с ней. Она твердо знала, что все это должно сбыться — ведь духи не лгут! Тем не менее тягостная духота ночи будила в ней смутную тревогу. Она привстала, вслушиваясь в шепот леса над типи. Но ничего не могла разобрать — казалось, что сразу шепчется много людей. И Желтую Птицу охватил беспричинный страх.

Она хотела было разбудить Быстрого Оленя, но отдернула уже протянутую руку и вместо этого осторожно отодвинула косу Солнечной Тучки. Потом она встала с постели — так тихо, что муж и дочь не очнулись от беспокойной дремоты, вышла из типи и огляделась, стараясь понять причину своей тревоги.

Духота и снаружи была такой же гнетущей. Несколько секунд Желтая Птица всматривалась в небо, ища признаков грозы и не находя их. Облака неслись быстро, но они были светлыми, и там и сям между ними мерцали звезды. Вдали не раздавалось рокотания грома. Не было и ветра. Тут сердце Желтой Птицы вдруг на мгновение перестало биться, и руки ее судорожно прижались к груди — она поняла! Это духи сделали ночь такой тягостной для того, чтобы она проснулась! Это было предостережение! Откуда-то надвигается опасность! И грозит она белому человеку, который спит тут на берегу.

Желтая Птица бросилась искать его, бесшумно ступая смуглыми босыми ногами по мягкому песку. Облака поредели, звезды засверкали ярче, и она сочла это знаком: духи облегчают ей поиски, и, значит, она рассудила

верно.

В эту ночь Веселый Роджер расстелил свои одеяла на песке возле плоской плиты отполированного водой песчаника. Он дремал. Но Питер не спал, его глаза бдительно поблескивали в темноте. Мускулистые лапы были готовы к прыжку. Зевая, он не поскуливал и не лязгал зубами, как индейские собаки.

Постоянное общение с человеком, вынужденным скрываться от других людей, научило Питера осторожности, обострило все его чувства. Гнетущая тишина и неподвижность ночи внушили непонятную тревогу и ему: в них скрывалась какая-то неясная угроза, и Питер следил за каждым движением своего беспокойно ворочающегося хозяина, настораживаясь каждый раз, когда тот произносил во сне знакомое имя.

Но вот Мак-Кей позвал Нейду так, словно девушка стояла совсем рядом, он протянул руку — и она ударилась о камень. Его глаза открылись, и, медленно приподнявшись, он сел на песке. Небо очистилось от облаков, и в бледном свете звезд Веселый Роджер увидел, что около него кто-то стоит. Сначала он решил было, что это Солнечная Тучка, так как Питер весь потянулся к ней. Но, взглядевшись получше, узнал Желтую Птицу. Ее красивые глаза смотрели на него пристальным и странным взглядом. Он вскочил, подошел к ней и взял ее за руку. Рука была холодна как лед. Он почувствовал, что Желтая Птица дрожит всем телом. Внезапно она поглядела мимо него в темноту:

— Слушай, Никева!

Ее пальцы впились в его ладонь. В наступившей тишине он уловил стук ее сердца.

— Я слышу это уже в третий раз! — прошептала индианка. — Никева, тебе надо уходить!

— Но что ты слышишь?

Она покачала головой.

— Я не знаю. Но только опасность близка. Я видела ее тень над нашим типи, и о ней мне говорили ночные голоса. Она близко. Она подбирается осторожно и тихо. Она очень близко. Слушай, Никева! Ты слышал плеск?

— Это утка ударила крылом по воде. Желтая Птица!

— А это? — Ее пальцы сжались еще сильнее. — Слышишь? Точно дерево трется о дерево.

— Гагара закричала где-то вдалеке. Желтая Птица!

Она выпустила его руку.

— Никева, сделай, как я говорю! — умоляюще сказала она на языке кри. — Духи напитали эту ночь тревогой. Я не могла заснуть. Солнечная Тучка стонет и ворочается во сне. Быстрый Олень что-то шепчет. Ты звал Нейду, У-Ми, когда я подошла к тебе. Я знаю: опасность близко. Совсем близко. И грозит она тебе.

— Но ведь раньше ты говорила, что меня теперь ждут счастье и покой, Желтая Птица! — напомнил Роджер. — Ты сказала, что духи обещали, будто полиция меня не поймают и в каком-то Далекое Краю я найду Нейду. Или духи отреклись от своих прежних слов, потому что ночь сегодня выдалась душная?

Желтая Птица взглядывалась в темноту.

— Нет, они говорили правду, — прошептала она. — Только они хотели рассказать мне еще о многом, но почему-то не могли. Когда они хотели показать мне Далекий Край, где ты найдешь Голубку, его всякий раз заслоняло облако. А теперь они говорят мне, что опасность вон там, на озере. — Внезапно она схватила его за локоть. — Никева! Неужели ты и теперь не слышал?

— Рыба выпрыгнула из воды, только и всего. Желтая Птица.

Вдруг Питер глухо заворчал, и, повернувшись к нему, Мак-Кей увидел, что и он взглядывается в темноту, окутывающую озеро.

— В чем дело, Хромуля? — спросил он.

Питер опять заворчал.

Роджер погладил холодные пальцы, лежавшие на его локте.

— Иди ляг. Желтая Птица. У меня только один враг — полицейские в красных мундирах. А они не рыщут по лесам темной ночью.

— Нет, они гонятся за тобой, — возразила она. — Я не вижу их, но я слышала — они совсем близко. — Ее пальцы опять сжали его руку. — Очень близко! — повторила она.

— Просто ты устала. Желтая Птица, и тебе чудится бог весть что! — ответил он, вспомнив, как двое суток она не спала и не ела, чтобы лучше слышать голоса духов. — Никакой опасности нет. Просто в такую душную ночь трудно спать, и ты боишься, сама не зная чего.

— Это духи меня разбудили, — стояла она на своем. — Никева, они ничего не забывают. Они не забыли, как ты нашел нас в ту зиму, когда мы все умирали от голода и болезни, когда я боялась, что Солнечная Тучка закроет глаза, чтобы уснуть, и больше никогда их не откроет. Они не забыли, как в ту зиму ты грабил факторию, чтобы

спасти нас от смерти. А раз они помнят все это, они не могут солгать! Я первая прокляла бы их тогда. Но они не лгут.

Мак-Кей молчал. Убеденность Желтой Птицы снова подействовала на него. А индианка, не глядя ему в лицо, продолжала мелодичным голосом:

— Ты сейчас уйдешь, Никева, и мы свидимся не скоро. Не забывай того, что я тебе говорила. И верь. Где-то есть Далекый Край — так сказали духи. Там ты найдешь У-Ми, Голубку, и счастье. А если ты вернешься туда, где оставил Голубку, когда бежал от полицейских в красных мундирах, то не найдешь ничего, кроме черноты и опустошения. Верь мне, и все будет хорошо. Но если ты не поверишь...

Она внезапно умолкла.

— Ты слышал, Никева? Это не утка била крылом, не гагара кричала, и не рыба плеснула в озере! Это плеснуло весло!

Роджер наклонил голову и прислушался.

— Да, это весло, — согласился он, и собственный голос показался ему чужим. — Наверное, кто-нибудь из твоих соплеменников возвращается в стойбище. Желтая Птица.

Она шагнула вперед и протянула к нему руки. Ее волосы и глаза бархатисто блестели в свете звезд.

Полураскрытые губы дрожали.

— Прощай, Никева! — шепнула она.

Вдруг, опустив руки, она стремительно побежала к своему типи и вскоре вышла оттуда в сопровождении Быстрого Оленя. Веселый Роджер молча смотрел, как они подошли к самой воде, прислушиваясь, пройдет ли незнакомая лодка мимо или повернет к берегу. Лодка приближалась медленно и осторожно. Над водой вырисовывался ее смутный силуэт, но с каждой минутой он становился все более четким, и наконец Мак-Кей разглядел, что в ней сидят двое. Быстрый Олень, войдя по колени в воду, окликнул лодку.

Ему ответил голос, при звуке которого Мак-Кей, как подстреленный, упал на песок рядом с Питером, а Питер оскалил зубы и зарычал. Затем, повинувшись прикосновению руки хозяина, он скользнул за ним в тень, и Веселый Роджер достал из-под куска парусины свой заплечный мешок и бесшумно просунул руки в лямки, продолжая наблюдать и слушать.

Когда снова раздался тот же голос, он усмехнулся и шепнул:

— Хромуля, это Кассиди! Он нас-таки выследил, рыжий лис!

В его глазах запрыгали веселые огоньки, и Питер решил было, что его хозяин смеется. Веселый Роджер приставил ладони рупором ко рту и крикнул громко и отчетливо:

— Э-эй, Кассиди? Это ты, Кассиди?

Питер, задохнувшись, прислушался. Он чувствовал, что на них надвинулась ужасная опасность. Ни с озера, ни с берега не доносилось ни звука. После оклика Веселого Роджера повсюду воцарилась мертвая тишина.

Затем вновь прозвучал тот же голос, и каждое слово прорезало темноту с четкостью ружейного выстрела:

— Да, это Кассиди. Капрал Теренс Кассиди из отряда «М» королевской северо-западной конной полиции. Это ты, Мак-Кей?

— Да, это я! — отозвался Веселый Роджер. — А наш договор еще в силе, Кассиди?

— В силе!

На берегу мелькнула какая-то тень, и снова прозвучал голос:

— Берегись, Мак-Кей! Если ты пошевелишься, я буду стрелять!

С пистолетом в руке Кассиди бросился к тому месту, где только что были Веселый Роджер и Питер, но там валялся лишь кусок парусины. Индеец, проводник Кассиди, подошел к нему, и они долго стояли неподвижно, прислушиваясь, не хрустнет ли где-нибудь ветка. Быстрый Олень остановился возле них, а затем к нему присоединилась и Желтая Птица, чьи глаза горели от волнения, как угли. Кассиди оглянулся на нее: он был поражен ее красотой, но выражение ее лица ему не понравилось. Ирландец бросился назад к воде и внезапно остановился как вкопанный, с растерянным возгласом: его лодка исчезла со всем снаряжением!

Позади него в сумраке звездной ночи раздался звонкий смешок, и Желтая Птица скрылась в своем типе.

А из тумана над водой донесся далекий голос Веселого Роджера Мак-Кея:

— Всего хорошего, Кассиди!

Конец фразы был заглушен вызывающим собачьим лаем.

У себя в типе Желтая Птица притянула к теплой груди темноволосую головку Солнечной Тучки и с сияющей улыбкой взглянула вверх, на отверстие дымохода, через которое к ней пришло предостережение духов. И вновь до нее донесся далекий крик:

— Всего хорошего, Кассиди!

12

Веселый Роджер скользил в лодке Кассиди по темной, чуть мерцающей воде Уолластона, ритмично работая веслом, и ночной воздух казался ему бодрящим напитком. Здесь не чувствовалась гнетущая духота. Отражения звезд колебала легкая рябь, потому что поднялся ветер. И любовь к приключениям вновь проснулась в крови Мак-Кея. Он смеялся, налегая на весло, и на время забыл о том, что он разбойник, преследуемый полицией, и что, лишившись Нейды, он утратил все, ради чего стоило жить. В его смехе звучала прежняя веселая беззаботность — ему очень нравилась шутка, которую он сыграл с Кассиди. Он словно видел, как Кассиди, охваченный пламенем бешенства, даже еще более огненным, чем его волосы, с руганью мечется по берегу в поисках лодки.

— Мы с ним неразлучны, — объяснял Веселый Роджер Питеру. — Куда я, туда и Кассиди. Видишь ли, дело обстоит так: давным-давно Кассиди дали, как это у них называется, задание. А задание было примерно такое: «Изловить Роджера Мак-Кея живым или мертвым!». И с тех пор Кассиди его выполняет. Но ему никак не удастся схватить меня, Хромуля. Всегда он на одну минуту опаздывает!

Но хоть Веселый Роджер и смеялся, в его сердце жило одно желание, в котором он не признавался даже самому себе. Ему не раз представлялся случай убить Кассиди, а Кассиди не раз мог убить его. Но ни тот, ни другой не воспользовались подобной возможностью. Они вели честную игру, как подобает настоящим людям, и Веселый Роджер, убедившись в благородстве своего преследователя, начал испытывать к нему что-то вроде дружеского чувства — подчас ему хотелось подойти к Кассиди и крепко пожать ему руку. Тем не менее он всегда помнил, что на земле у него нет врага беспощаднее капрала Кассиди, который долгие месяцы и годы гнался за ним по Голым Землям, за Полярным кругом, вниз по реке Макензи и вверх по ней — неутомимый преследователь, не раз почти настигавший его на протяжении десяти тысяч миль, которые они проделали по глухим дебрям Севера. Вместе играя в эту захватывающую игру, они преодолевали самые смертоносные опасности, какими грозит эта суровая страна. Они голодали и мерзли, и не раз позади них простиралась тысяча миль пустоты, и сама смерть казалась лучше того, что могло ждать их впереди. Но даже и в этой пустыне, когда тоска одиночества начинала граничить с безумием, ни тот, ни другой не сдавался. Игра не кончалась: Кассиди продолжал погоню, а Веселый Роджер Мак-Кей отстаивал свою свободу.

Теперь, плывя на северо-восток, Веселый Роджер вспоминал о договоре, который они заключили много недель назад у Гребня Крэгга, когда он снова взял над Кассиди верх и тот поклялся выйти в отставку, если опять упустит его при следующей встрече. Кассиди, конечно, сдержит слово, и что-то подсказывало Роджеру, что в эту ночь начался последний акт драмы, разыгрываемой двумя актерами. Он снова усмехнулся, представляя себе, как развиваются дальше события на берегу. Кассиди именем закона требует у Быстрого Оленя лодку и снаряжение, а тот с величавым достоинством вождя всячески тянет время. Роджер не сомневался, что успеет уйти от рыжеволосой ищейки по крайней мере на милю, прежде чем погоня возобновится. А озеро Уолластон, достигавшее шестидесяти миль в длину и тридцати в ширину, предлагало ему немало укромных уголков, которые могли послужить безопасным убежищем.

Поднявшийся юго-западный ветер благоприятствовал намерениям Мак-Кея, и он принялся грести с меньшей осторожностью и большей энергией. В течение двух часов он, руководствуясь звездами, плыл точно на восток, а потом повернул на север. На рассвете показался лес противоположного берега, и солнце еще не успело взойти, как Мак-Кей вытащил лодку на песок у оконечности мыса, откуда открывался вид на все озеро.

Удобно устроившись в тени густых елей, Веселый Роджер и Питер весь день высматривали своего врага. Но на тихих просторах Уолластона нигде не было видно ни единой лодки. Только в туманный час перед наступлением сумерек Мак-Кей разжег наконец костер и приготовил ужин из запасов Кассиди: он знал, что в ясную погоду дым заметен с гораздо большего расстояния, чем лодка. Но хотя он и принял эту меру предосторожности, он не сомневался, что уже может спокойно возвратиться к племени Желтой Птицы.

— Видишь ли, Хромуля, — объяснил он Питеру, закуривая трубку, — Кассиди думает, что мы во все лопатки улетаем на Север. Он отправится к верхнему концу озера, а оттуда по Блэк-ривер к озеру Поркьюпайн. Это обширный край — ведь мы с Кассиди никогда не стеснялись расстояниями в наших прежних прогулках. Так вернемся к Желтой Птице, Питер? И к Солнечной Тучке.

Питер в ответ застучал хвостом по земле, но Веселый Роджер уже усомнился в разумности своего решения. Он хотел вернуться назад — вместе с темнотой на него нахлынула тоска одиночества. Только у Желтой Птицы мог он искать сочувствия, только она горевала вместе с ним из-за того, что он потерял Нейду. Когда он был с ней, его не томило отчаяние, ее голос внушал ему надежду, а она, всем сердцем желая ему счастья, обещала, что все

его беды кончатся и на смену мраку придет свет. Он уже спустился к воде, где маленькие волны набегали на крупную гальку, но что-то удержало его, и он вернулся туда, где на куче лапника было расстелено его одеяло. Он лег, но еще долго смотрел перед собой в темноту и никак не мог уснуть.

Он забыл о Кассиди и думал теперь только о Желтой Птице. Прежние сомнения, опиравшиеся на доводы рассудка, сменились желанием поверить, с которым он не хотел бороться. За годы, проведенные в лесах, он наслышался всяких рассказов о странных способностях индейских шаманов. Его мать была убеждена в том, что мысль обладает особой силой, и учила этому сына, а ему, поклоннику природы, нетрудно было поверить ей. «Думай о чем-нибудь, верь, что это сбудется, — и это непременно сбудется», — повторяла она. То же говорила и Желтая Птица. Так, может быть, это правда? Вдруг и в самом деле ее мысль встретилась с мыслью Нейды и даже проникла в будущее, чтобы указать ему путь? Он ничего не видел и не слышал вокруг — ему уже казалось, что происшествие прошлой ночи служит доказательством необычного дара Желтой Птицы. Ведь она предупредила его о приближении опасности! Не колеблясь и не сомневаясь! Она ничего не видела и не слышала, но пришла к нему полная уверенности. Она знала, что Кассиди близко!

Роджер сел, сердце его бешено билось. Да, да, конечно, это доказательство! Желтая Птица дала ему это доказательство невольно. Ею двигала только забота о его безопасности, ее любовь к нему. И тут же, как ни соблазнительно было поверить в столь простое объяснение, он вновь усомнился. Если бы Желтая Птица велела ему немедленно вернуться к Нейде, он поверил бы ей неколебимо и тотчас же пустился бы в путь. Но она запретила ему это и предсказала, что его возвращение принесет ему только отчаяние и горе. Она уговаривала его идти неведомо куда и искать фантазию, небылицу — несуществующий Далекий Край, о котором ей сказали несуществующие духи. И вот в этом Далеком Краю, если он до него доберется, он найдет Нейду и вечное счастье. Нет, если поразмыслить трезво, он пытается поверить в какой-то первобытный миф! Быть может, у Желтой Птицы и есть какие-то особые способности, но они очень ограничены. И верить всему, что она говорит, уноситься на крыльях суеверия и воображения за пределы реального — значило уподобиться невежественному дикарю.

Веселый Роджер вновь растянулся на своем одеяле, еще раз повторяя этот последний неопровержимый довод. Однако когда он наконец уснул, на сердце у него было непривычно легко. Ему приснилась Нейда. Они опять были вместе, но почему-то Желтая Птица все время следила за ними, и они никак не могли ускользнуть от нее. Они бежали по полянам в ельнике, по землянике и по фиалкам — он бежал позади Нейды и видел, как выются по ветру ее каштановые кудри.

Но как ни быстро они бежали, где бы ни прятались, Желтая Птица не отставала от них. Всюду они встречали взгляд ее темных глаз, и в конце концов, смеясь над собственным смущением, он остановил Нейду возле пригорка, заросшего белыми, голубыми и желтыми цветами, обнял ее и целовал, а Желтая Птица смотрела на них из-за куста шиповника в двадцати ярдах от них. Поцелуй этот был настолько реален, настолько реальным было прикосновение теплых рук Нейды к его шее, что он проснулся с радостным криком... и увидел, что небо порозовело.

Несколько секунд он сидел, не в силах разобраться, где сон, а где явь. Потом позвал Питера и спустился с ним к озеру.

Весь этот день Питер чувствовал в хозяине какую-то перемену. Веселый Роджер не разговаривал с ним, не свистел и не смеялся, а почти все время сидел неподвижно и на лице его было непонятное застывшее выражение. Он в последний раз давал бой своему желанию вернуться к Гребню Крэгга. Предсказания и предостережения Желтой Птицы теперь никак на него не влияли. Он думал только о Нейде. Она ждет его там и с радостью последует за ним в его скитаниях, готовая жить и умереть с ним, деля его горе и радость. И раз десять он уже собирался было отправиться в обратный путь. Но тут же перед его мысленным взором вставало другое видение: вечное бегство, необходимость прятаться, голод, холод, бесконечные невзгоды, а потом неизбежная, как восход солнца, тюрьма, а может быть, и виселица.

Только к вечеру Питер увидел на лице хозяина прежнее выражение — он снова стал Веселым Роджером, и этот Веселый Роджер сказал:

— Вот мы и решили, Хромуля. Назад возвращаться нам нельзя. Пойдем-ка на Север и перезимуем на краю Голых Земель. Это такие просторы! И если Кассиди явится туда...

Он мрачно пожал плечами.

Через час, когда солнце уже сильно клонилось к западу, они отправились в путь.

Два дня Роджер и Питер неторопливо плыли вдоль восточного берега озера Уолластон. Мак-Кей не сомневался, что правильно угадал, как будет рассуждать Кассиди, строя планы новой погони. Кассиди, конечно, отправится

вдоль западного берега, а потом через озеро Хатчет и вверх по Блэк-ривер, так как прежде его противник, когда опасность была близка, всегда уходил прямо на Север. Сам же Веселый Роджер решил не спеша пробираться вдоль восточного берега Уолластона, чтобы потом по рекам Броше и Тивьязе уйти от погони на северо-восток. В таком случае с каждым часом расстояние, отделяющее их от Кассиди, будет увеличиваться, и, выждав достаточно времени, они с Питером спокойно доберутся до Голых Земель.

Питер — и только Питер — замечал великолепие окружающей природы, когда под вечер третьего дня они медленно плыли под самым берегом, приближаясь к прозрачному потоку, который зовется ручьем Хромого Лося. До заката оставалось еще два часа. Стояла полная тишь, и воды Уолластона застыли сверкающим зеркалом. И все же тихий воздух чуть покусывал осенним холодком, а лес на холмистых берегах уходил вдаль красными и золотыми волнами, окутанный сентябрьской туманной дымкой, похожей на дымок пудры, слетевшей с пуховки. Этому вечеру было суждено навеки врезаться в память Питера — этого заката он не забыл до конца своих дней.

Но ничто не предвещало опасности: глаза Питера видели только чудеса окружающего мира, уши слышали только дремотные голоса леса, а нос чуял только благоухание смолы и запахи спелых ягод. Прямо перед ними за белой полосой береговых песков тянулась невысокая гряда холмов, где лиловатая зелень хвойных деревьев перемежалась алыми пятнами рябины и полосками огнецвета, пламеневшего в лучах заходящего солнца. Из этого райского уголка до них по мере приближения доносились только птичьи голоса да болтовня рыжих белок. Громко кричала сойка, а между первой и второй — более высокой — грядой стая ворон взволнованно кружила над черной медведицей и ее полувзрослыми медвежатами, которые лакомились ягодами рябины. Но запах медведей не доносился до Питера, он не слышал их фыркания, и далекие вороны интересовали его куда меньше, чем тайны приближающегося берега.

Со своего места на носу лодки Питер оглянулся на хозяина. Лицо и глаза Веселого Роджера оставались тусклыми. Береговые леса не манили его, как Питера. Там, как и всюду, его ждала только пустота, неизбежное одиночество, хаос погибших надежд, разбитые мечты. Он утратил любовь к жизни. Он больше не видел красоты. Солнце стало другим. Небо тоже. Мысль о бескрайности лесных дебрей теперь угнетала его, а не радовала, как прежде.

Питер ясно чувствовал перемену в хозяине, хотя и не понимал ее причины. Как Веселый Роджер больше не видел вокруг себя прежнего мира, так и Питер больше не видел прежнего Веселого Роджера.

Они пристали к косе, где песок был мягче ковра. Питер выскочил из лодки. Пара чибисов стремительно бросилась от него поперек косы. Он насторожил треугольные уши, и тут его нос уловил весьма интересный запах: по песку недавно прошел дикобраз. Хриплый голос сойки звучал теперь совсем близко, как и мелодичное цоканье белки.

Питер почувствовал глубокое удовлетворение. Ведь это было воплощением жизни, а он, в отличие от хозяина, любил жизнь по-прежнему. Питер смело направился туда, где за ивняком, молодыми березками и алыми полосами огнецвета начинался лес. Тут недавно прошел дождь, и все запахи были свежими и приятными. Он отыскал куст черной смородины, усыпанной сочными глянцевиными ягодами, и начал их ощипывать. Суслик, считавший этот куст своей собственностью, недовольно пискнул и сердито посмотрел на собаку из-под мохнатого листа папоротника. Питер завил хвостом — долгое общение с хозяином научило его добродушию. Он дружески твякнул.

И тут до его ушей донесся звук, от которого напряглись все его мышцы:

— Руки вверх, Мак-Кей!

Питер оглянулся. Между ним и берегом стоял человек. Он сразу узнал его. Это его запах он впервые почуял у хижины индейца Тома, это от него убегал его хозяин, это его голос они слышали три ночи тому назад у типа Желтой Птицы. Теренс Кассиди, капрал королевской северо-западной полиции!

В двадцати шагах от Кассиди стоял Мак-Кей с заплечным мешком на спине и с веслом в руке. Кассиди с мрачной улыбкой держал его под прицелом. На мгновение все они застыли в незабываемой живой картине. Кассиди был без фуражки, и его рыжие волосы горели на солнце. Он раскраснелся, в голубых ирландских глазах сверкала яростная радость: наконец-то после долгих лет их рискованная игра завершилась. Последний ход сделал он — и выиграл.

Почти минуту после оклика Мак-Кей стоял неподвижно. И Кассиди не повторял приказа: он понял, что его противник оглушен неожиданностью, и готов был дать ему время прийти в себя. Потом Веселый Роджер судорожно вздохнул. Его плечи поникли. Мешок соскользнул на землю. Он выпустил весло и медленно поднял руки над головой. Кассиди негромко засмеялся.

Еще несколько дней назад Мак-Кей спокойно усмехнулся бы ему в ответ, воздавая должное противнику даже в час своего поражения. Но теперь он был другим.

И Кассиди теперь тоже представлялся ему другим. Не храбрецом, свято выполняющим свой долг, не благородным противником, которого он был бы рад назвать другом даже в самый разгар их поединка. Теперь он видел в Кассиди палача. На него ополчился весь мир, и вот, когда он дошел до последнего предела отчаяния, безжалостная судьба поручила Кассиди нанести ему смертельный удар.

Он послушно поднял руки, но его душил слепой гнев. В глазах у него потемнело. В эту минуту он не думал ни о законе, ни о смерти, ни о свободе. Несправедливость всего случившегося привела его в бешенство, заставила жаждать одного — мести. Пистолета Кассиди, наведенного на его грудь, он просто не замечал. Он не заметил бы сейчас и тысячи пистолетов. С воплем ярости он схватился за кобуру.

В последнюю секунду Кассиди разгадал его намерение и крикнул:

— Стой! Ради бога, остановись, а то я выстрелю!

Даже Питер почувствовал, что эти секунды чреватые страшной угрозой — трагедией, смертью. Питеру было знакомо это ощущение — он испытал его, когда вцепился в ногу Джеда Хокинса, чтобы спасти Нейду.

В ту кратчайшую долю секунды, которая понадобилась Питеру для прыжка, палец капрала Кассиди успел лечь на спусковой крючок, так как Мак-Кей уже почти вытащил пистолет из кобуры. Кассиди прицелился ему в плечо — он не хотел его убивать.

Питер ударил его всем телом в тот момент, когда он выстрелил, и Мак-Кей услышал, как пуля просвистела мимо его уха. Он выхватил пистолет. Питер, все крепче сжимавший зубы, услышал второй выстрел и понял, что стреляет его хозяин. Третьего выстрела не последовало. Кассиди тяжело осел на землю, и у него вырвалось что-то вроде смешка — только это был не смешок. Он перекатился на бок, придавив Питера.

Веселый Роджер продолжал стоять, сжимая пистолет и глядя перед собой застывшим взглядом. Питер кое-как выбрался из-под навалившегося на него тела и теперь недоуменно поглядывал то на хозяина, то на человека, который распростерся на песке, точно гигантский паук. Затем Мак-Кей очнулся. Он бросил пистолет, словно что-то ненужное и страшное, и, с криком подбежав к Кассиди, нагнулся над ним.

— Кассиди... Кассиди... — повторял он. — Господи, да я же не хотел! Кассиди, дружище...

В его голосе было такое страдание, что Питер перестал рычать. Мак-Кей приподнял Кассиди за плечи и откинул рыжие волосы. Он ничего не видел вокруг себя. Он убил Кассиди. Убил! Он стрелял, чтобы убить, и знал свою меткость. Наконец-то он стал тем, чем давно хотел видеть его закон, — убийцей! И жертвой оказался Кассиди — человек, который с начала и до конца играл честно, ни разу не пустил в ход подлого приема и теперь лежит мертвым на белом песке потому, что не воспользовался своим преимуществом и не подстрелил его сразу же. Он хрипло выругал себя и, посмотрев на лицо Кассиди, вдруг увидел чудо: глаза ирландца были открыты, губы кривились от боли, но усмехались.

— Я рад, что ты сделал это сдуру, — сказал он. — Мне не хотелось бы менять о тебе мнение, Мак-Кей. Но вот стрелок ты паршивый!

По его телу прошла судорога, улыбка исчезла, и, сдерживая стон, он сказал:

— Может... ты хочешь помочь мне, Мак-Кей? Если да, то в полумиле отсюда выше по ручью есть хижина. Я слышал стук топора... Видел дым... А тебя я не виню. Ты честный противник... и быстрый... а вот стрелок... паршивый... До чего же... паршивый...

Он попытался ухмыльнуться в лицо Веселому Роджеру и безжизненно повис у него на руках.

Веселый Роджер всхлипывал. Без слез, глухо, как плачут мужчины. Он разорвал рубашку Кассиди и увидел на груди под правым плечом сквозную рану. Он сбегал за водой, попробовал привести раненого в чувство, и все это время Питер слышал те же странные звуки, словно его хозяин задыхался. Потом Мак-Кей, встав на четвереньки, взвалил тело Кассиди себе на спину, выпрямился и, пошатываясь, пошел с ним к ручью. Там он увидел узкую тропку и побрел по ней не останавливаясь, пока не оказался на маленькой вырубке, где Кассиди заметил дымок. Там стояла хижина, и оттуда к нему навстречу вышел старик в сопровождении девушки.

Питер тихонько взвизгнул, потому что ему показалось, что позади человека с белыми волосами и бородой идет Нейда. Та же стройная тоненькая фигурка, те же каштановые кудри и тот же... Но нет, это была не Нейда.

Девушка была постарше. Выше ростом. И ее лицо, когда она увидела окровавленную ношу Роджера, побелело.

— Я застрелил его, — задыхаясь, сказал Мак-Кей. — Бог свидетель, я этого не хотел. Боюсь, что...

Он умолк, страшась высказать вслух свое опасение, что Кассиди умер или умирает. Несколько секунд он ничего не видел, кроме укоризненных глаз девушки. Старик помог ему внести раненого в дом. Только когда ирландец был уложен на койку, Мак-Кей вдруг заметил, что ослабел, точно ребенок, и понял, чего ему стоило пройти этот

путь с тяжелой ношей на спине. Он устало опустился на стул, а старый траппер хлопотал около Кассиди. Он услышал, что девушка называет старика дедушкой. Ее страх прошел, и она сновала по хижине, готова воду, повязки и подушки, а когда ее взгляд падал на белое лицо Кассиди, в нем появлялась нежность. Мак-Кей продолжал сидеть неподвижно, видя, что его помощь пока не нужна. Но когда раненый тихо застонал, Роджер встал и подошел к койке.

— Пуля прошла навывлет, — сказал старик. — Хорошо, что ты не пользуешься разрывными пулями, приятель! Кассиди глубоко вздохнул. Его веки задергались и медленно поднялись. Девушка как раз наклонялась над ним, и Кассиди увидел только ее лицо и каштановые кудри.

— Он не умрет? — робко спросил Веселый Роджер.

Старик молчал. Но Кассиди, чуть-чуть повернув голову, ответил слабым голосом:

— Не беспокойся, Мак-Кей! Не умру...

Веселый Роджер наклонился к Кассиди, заслонив от него девушку. Он осторожно взял раненого за руку.

— Мне жаль, что так вышло, старина, — прошептал он. — Ты победил — по-честному победил. И я не уйду далеко. Я буду тут, когда ты встанешь на ноги. Даю тебе слово.

Кассиди слабо улыбнулся, но тут же застонал и закрыл глаза. Девушка оттолкнула Роджера от койки.

— Да уж не уходите далеко! И подождите, чтобы он выздоровел, — сказала она, и ее горящие мрачным огнем глаза вызвали в его памяти глаза Нейды, когда она в хижине индейца Тома призналась ему, что Дждед Хокинс ее ударил.

В этот вечер Веселый Роджер устроился на ночлег возле устья ручья. И в течение трех дней он почти все время проводил в хижине старого Робера Барона и его внучки Жизели. Кассиди бредил. Он постоянно упоминал Веселого Роджера. И Жизель, которая не отходила от него ни днем, ни ночью и почти совсем не спала, в конце концов решила, что Мак-Кей и Кассиди — старые неразлучные друзья. Тем не менее она не соглашалась, чтобы Веселый Роджер сменил ее у постели больного. На третий день она отправила его за бинтами и лекарствами в факторию, до которой было шестьдесят миль.

Веселый Роджер и Питер вернулись через трое суток к вечеру. Окна хижины ярко светились, и Мак-Кей заглянул в одно из них. Кассиди сидел на постели, прислонясь к подушкам. Он совсем не был похож на умирающего, а рядом с ним на ковре из медвежьей шкуры сидела девушка. Что-то сжало горло Веселого Роджера. Он тихонько положил свои покупки на крыльцо и постучал. Когда Жизель открыла дверь, Роджер с Питером уже скрылись в темноте.

На следующее утро Мак-Кей подстерег старого Робера и сказал ему:

— Мне что-то не сидится на одном месте. Я вернусь через две недели. Передайте это Кассиди, ладно?

Десять минут спустя он уже плыл вдоль берега Уолластона и потом семь дней переезжал от устья одного ручья к другому, нигде подолгу не оставаясь. Питер замечал, что с каждым днем он все больше худеет. Голос хозяина совсем утратил былую веселость, он редко улыбался и никогда не смеялся. Питер старался понять, что произошло, и Мак-Кей разговаривал с ним, но не так, как прежде.

— Мы могли бы прикончить его и навсегда от него избавиться, — сказал он однажды, когда они с Питером грелись у костра, потому что вечер был холодный. — Могли-то могли, а не сделали этого, как не взяли с собой Нейду. И мы вернемся к нему. Я сдержу свое слово. Мы вернемся, Питер, и пусть нас потом повесят!

Веселый Роджер мрачно умолк, прикидывая, сколько еще у него осталось времени.

На десятый день он отправился в обратный путь и к вечеру двенадцатого дня вытащил лодку на песок в устье ручья Хромого Лося. Сам не зная почему, он, прежде чем пойти к хижине старика Барона, взглянул на свои часы. Было четыре часа. Он вернулся на два дня раньше, чем обещал, и это было ему приятно. Его сердце странно сжималось. Он верил в Кассиди — конечно, ирландец объявит, что они сыграли вничью, и отпустит его еще раз попытать счастья в пустынных просторах. Такой человек, если он честно бьется об заклад, не отступает от условий. Ну, а если нет...

Веселый Роджер остановился и разрядил свой пистолет. Он, во всяком случае, больше стрелять не будет.

Неяркие лучи осеннего солнца лились в открытую дверь хижины. Мак-Кей, подходя, услышал смех Жизели. Она что-то говорила. Затем раздался мужской голос, а издали донесся стук топора. Старый Робер занимался обычным делом. Жизель и Кассиди были дома.

Мак-Кей поднялся на крыльцо и кашлянул, чтобы оповестить о своем приходе. Но, заглянув в комнату, он остановился на пороге как вкопанный.

Теренс Кассиди сидел в большом кресле. Жизель стояла позади, обнимая его за шею, и нежно его целовала.

Тут Кассиди увидел их с Питером.

— Входи-ка! — крикнул он так громко, что Жизель вздрогнула. — Да входи же, Мак-Кей.

Веселый Роджер вошел, и Жизель выпрямилась; ее щеки пылали, в глазах отражался закат. Теренс Кассиди, опираясь на ручки кресла, наклонился вперед и широко ухмыльнулся.

— А ты проиграл, Мак-Кей! — воскликнул он. — Выиграл-то я!

С этими словами он взял девушку за руку и вытащил ее из-за кресла.

— Ну-ка, Жизель, сдержи свое обещание; докажи ему, что выиграл я.

Жизель медленно подошла к Веселому Роджеру, ее щеки были алее вечернего неба, глаза смущенно улыбались.

Веселый Роджер ждал, ничего не понимая. Внезапно руки Жизели обвили его шею, она чмокнула его в щеку, кинулась к креслу, упала на колени и спрятала лицо на груди Кассиди, который со смехом протянул Роджеру обе руки.

— Роджер Мак-Кей, знакомься: моя супруга, миссис Кассиди, — сказал он, и Жизель подняла на Роджера сияющие глаза.

Он по-прежнему растерянно молчал.

— Здесь вчера побывал миссионер из Броше и обвенчал нас, — услышал он голос Кассиди. — И помог мне написать прошение об отставке. Мы оба выиграли, старина. Я тебе очень благодарен за эту пулю: она принесла мне счастье. И вот тебе на этом моя рука, Мак-Кей.

Полчаса спустя Веселый Роджер возвращался по тропке к лодке; в его глазах стояли слезы, а сердце преисполнилось радостных надежд. Желтая Птица оказалась права. Разве не это пророчила она ему в ту ночь? А если так, то, наверное, сбудется и все остальное.

Он вновь поверил в возможность счастья, вновь почувствовал любовь к жизни, и пока он шел по тропинке в сопровождении Питера, его губы шептали имя Нейды, а мысли обращались к предсказанию Желтой Птицы, что когда-нибудь, где-то в неизвестном месте они найдут то же счастье, которое уже нашли Жизель и Кассиди.

До ушей Питера доносился отдаленный стук топора, щебет птиц и цоканье белок, но слышал он только голос хозяина, прежний голос, веселый голос — голос, который он научился любить у Гребня Крэгга в дни фиалок и земляники, когда Нейда составляла весь его мир.

13

Целью странствий Мак-Кея по-прежнему был лес, вдавшийся на сотню миль в Голые Земли. Три года назад он построил себе там хижину и в течение долгой зимы добывал лисьи шкурки. И теперь его манила не только хижина, но и охота на лисиц. Нужда гналась за ним по пятам. Деньги, которые он захватил с собой, покидая Гребень Крэгга, кончились, припасы тоже, а сапоги и одежда были все в заплатах из оленьей кожи.

У озера Сноуберд, куда он добрался через неделю после того, как расстался со счастливым Кассиди, ему улыбнулась удача. Два траппера как раз вернулись сюда на свой охотничий участок из Форт-Черчилля. Один из них заболел, и его товарищу нужен был помощник, чтобы построить хижину для зимовки. Мак-Кей пробыл с ними десять дней, и когда он пошел дальше на север, его заплечный мешок раздулся от припасов, на ногах у него были новые сапоги, а одежда стала более теплой.

Когда он добрался до своей укромной хижины в тысяче миль от Гребня Крэгга, была уже середина октября. В хижине все оставалось таким же, как три года назад. За это время в нее никто не входил. Чугунная печурка только и ждала, чтобы ее затопили. Позади нее лежали сухие дрова. На столе стояли жестяные тарелки, а к потолку, подальше от мышей и горностаев, были подвешены на сыромятных ремнях свертки с запасными одеялами и одеждой, с той далекой весны, когда он их тут оставил, казалось, прошли века. Он приподнял половицу — капканы, тщательно смазанные жиром карибу, лежали на своем месте. Полчаса Веселый Роджер сновал по хижине, доставая другие спрятанные вещи. Из разных тайников он извлек жестяную лампу, бидон с керосином и свечи, и к тому времени, когда спустилась ночь, в печурке уже весело ревел огонь, посылая в трубу снопы искр, единственное окошко хижины уютно светилось, а старый кофейник булькал и шипел, точно радуясь возвращению хозяина.

На рассвете Роджер начал готовиться к охотничьему сезону. В течение двух дней он убил трех карибу и запасся мясом на всю зиму. Затем он нарубил дров, приготовил отравленную приманку и наметил места для капканов. Первого ноября по северной стране пронеслось леденящее дыхание зимы. И дальше к югу осень уже умирала. Последние ягоды рябины висели на оголившихся ветках, сморщенные и подмороженные, по ночам мороз сковывал землю, голос леса изменился, и ветры несли грозное предупреждение всем людям и зверям между Гудзоновым заливом и Большим Невольничьим озером, между Водоразделом и Ледовитым океаном. Семь лет назад, как помнил весь этот край, зима наступила со смертоносной внезапностью, сразу начались лютые холода, а с ними такой голод, какого Север не видел уже несколько десятков лет.

Но в этом году зима предупредила о своем приходе. Первую весть о ней сообщили ночные ветры, которые разносили над черными лесами ледяной запах айсбергов. Луна вставала красной и заходила тоже красной, и красным бывало восходящее солнце. Крик гагар смолк на месяц раньше срока. Диким гусям еще полагалось кормиться на Когалукке и по берегам Баффинова залива, а они уже летели на юг; бобры укрепляли стены своих хаток и укладывали молодые осинки и ольху поглубже на дне, чтобы не умереть с голоду, если ледяной покров будет толще обычного. На востоке, на западе, на севере и на юге, в охотничьих хижинах и в волчьих логовах знали, что идет зима, и зима тяжелая. Кролики сменили серые шубки на белые. Лоси и карибу начали сбиваться в стада. По ночам залиристо лаяли лисицы, надвигающийся голод побуждал волков собираться в стаи, а в небе, озаренном красной луной, летели и летели на юг косяки гусей.

Весь ноябрь и весь декабрь Веселый Роджер и Питер вставали за два часа до рассвета и трудились, не зная отдыха, целый день напролет. Лисиц было так много, что Мак-Кею не хватало ни капканов, ни приманки. Десятого декабря он отправился в факторию, расположенную на девяносто миль южнее — он вез с собой двести сорок лисьих шкур. Веселый Роджер изготовил сани и упряжь для Питера. Сани они тащили вместе и через три дня уже добрались до фактории. А на четвертый день пустились в обратный путь с новыми припасами и тысячью долларов наличными.

Ударили морозы, завывали метели, но Мак-Кей продолжал ставить капканы и в начале февраля снова отправился в факторию.

На обратном пути их застиг Черный буран. Север не скоро его забудет! Это тогда замерзло все племя сарки у озера Дубонт — в живых не осталось никого. Деревья промерзли насквозь и лопались с треском, похожим на пушечный выстрел. Буран уничтожил всех зверей и птиц на границе Голых Земель от озера Абердин до Коппермайна. Реки промерзли до дна, а мужчина, выходя из хижины за дровами и водой, обвязывался веревкой, чтобы не заблудиться в слепящей лавине ветра и снега. И когда он уже не мог противостоять ее ледяной ярости, жена, оставшаяся в хижине, изо всех сил тянула веревку, стараясь помочь ему.

Черный буран застиг Мак-Кея и Питера к западу от озера Артиллери и к югу от реки Телон и вынудил их закопаться. Они находились в области, где самая толстая ветка, торчавшая над снегом, была не толще большого пальца Мак-Кея. Весной на здешних равнинах, заросших сочной травой, паслись карибу, но зимой, когда тут завывала арктическая буря, эти места превращались в сущий ад.

Веселый Роджер увидел большой сугроб, наметенный у огромного валуна. Сугроб этот не уступал по ширине сельской церкви и был почти так же высок, а его поверхность под постоянным воздействием ветра и ледяной крупы стала твердой, как камень. Веселый Роджер с помощью ножа прорезал в корке узкую дверь и принялся выгребать через нее более мягкий снег, пока не выкопал пещеру величиной в половину своей хижины. Вскоре его собственное тепло и тепло Питера так нагрело эту уютную комнатку, что он мог сбросить доху.

В эту первую ночь бурана Питеру казалось, что все люди мира вопят и рыдают в черном мраке снаружи. Веселый Роджер время от времени закуривал трубку, хотя курение в темноте не доставляло ему особого удовольствия. Вьюга не внушала ему страха — наоборот, он, как ни странно, чувствовал себя спокойно и уверенно. Ветер завывал и бился об сугроб, но внутрь проникнуть не мог. Он лишь наметал больше снега, который делал убежище еще более теплым и безопасным. Эта дикая ярость была не только устрашающей, в ней чудилось что-то нелепое, и Питер слышал, как его хозяин тихонько посмеивается в темноте. С тех пор как в теплые дни осени они в последний раз повстречали рыжего Кассиди и хозяин застрелил его на белом берегу Уолластона, Питер все чаще слышал этот смех.

— Видишь ли, — начал Мак-Кей, на ощупь отыскивая курчавую шею Питера, — дела у нас идут все лучше и лучше. Я даже начинаю верить, что слова Желтой Птицы сбудутся и мы еще будем счастливы с Нейдой. Что скажешь, Хромуля? Не отправиться ли нам весной к Гребню Крэгга?

Вместо ответа Питер заерзал под ласковой рукой, а на сугроб с визгом обрушился новый порыв ветра.

Пальцы Веселого Роджера стиснули загривок Питера.

— Значит, мы пойдем туда, — объявил он, словно сообщая Питеру неожиданную новость. — Я теперь поверил Желтой Птице. Поверил — и все. Это ведь не было просто гаданье. И она не колдовала, как колдуют индейские шаманы. Ради тебя и меня она закрылась у себя в типи и три дня ничего не ела — это же должно было помочь, верно? Как, по-твоему?

Питер фыркнул и лязгнул зубами, показывая, что он все понял.

— Ведь многое из того, что она нам говорила, уже сбылось, — убеждал себя Веселый Роджер. — Против этого не поспоришь, Хромуля. Она предупредила, что за нами гонится Кассиди — так оно и вышло. Она сказала, что духи обещали ей уберечь нас от тюрьмы. Мы уже думали, что все пропало, когда он держал нас под прицелом

на берегу, а мы спаслись и подстрелили его, и это была не просто удача. А потом мы отнесли его в хижину, и внучка траппера стала его выхаживать. Кассиди взял да и влюбился в нее... и женился на ней. Получается, что Желтая Птица и тут была права. Ну как ей не поверить? А она говорила, что все у нас кончится хорошо, мы вернемся к Нейде и будем счастливы.

Трубка Роджера светилась в темноте алым пятнышком.

— Вот что! — сказал Мак-Кей. — Зажгу-ка я спиртовую лампочку. Что-то нам не спится. И я хочу покурить в свое удовольствие. А что за радость курить, когда не видишь дыма? Жаль, что собаки не умеют курить, Питер. Ты, бедняга, даже не знаешь, что значит хорошая трубочка в такой вот час.

Порывшись в тюке, Мак-Кей достал спиртовую лампочку — ее резервуар был полон и надежно завинчен. Питер слушал, как хозяин возится в темноте. Затем чиркнула спичка, желтый огонек озарил лицо Веселого Роджера, и Питер радостно взвизгнул — было очень приятно вдруг увидеть хозяина. Через мгновение маленькая лампочка уже отбрасывала на белые стены их убежища голубоватый свет. Зрачки Веселого Роджера от долгого пребывания в темноте расширились, и глаза его казались черными. Колючая щетина покрывала щеки и подбородок. И все же он излучал бодрость, словно назло буре, бушевавшей снаружи. Воткнув лыжку в снежную стену, он, как на столик, поставил на нее лампочку и дружески подмигнул Питеру. А потом со вздохом удовлетворения задымил трубкой и, поднявшись на ноги, оглядел их приют.

— Неплохо, верно? — осведомился он. — Стоит нам захотеть, и мы нароем себе здесь сколько угодно комнат, а, Питер? Будут у нас и гостиные, и спальни, и библиотека — и ни единого полицейского на миллион миль вокруг. Вот что самое приятное во всем этом, Хромуля, — конной полиции мы тут можем не опасаться. Им и в голову не придет разыскивать нас под сугробом в этой богом забытой тундре. Ведь так?

Эта мысль доставила Роджеру большое удовольствие. Он расстелил одеяла на снежном полу, уселся на них лицом к Питеру и продолжал с гордым смешком:

— Мы оставили их в дураках, Хромуля. Мир не так уж велик, когда приходится прятаться, но тут нас никто не разыщет, ищи он хоть миллион лет. Вот если бы нам удалось отыскать такой же безопасный уголок, где могла бы жить и женщина... И если бы с нами была Нейда...

За последние недели Питер не раз видел тот огонь, который вспыхнул сейчас в глазах Веселого Роджера. Этот огонь и странная дрожь в голосе хозяина говорили ему больше, чем слова, которые он тщетно пытался понять.

— А она будет с нами! — яростно dokonчил Мак-Кей и, сжав кулаки, наклонился к Питеру. — Мы, Хромуля, сделали большую ошибку и не скоро догадались об этом. Нам нелегко будет расстаться с нашим Севером, да только придется. Может, добрые духи Желтой Птицы подразумевали как раз это, когда они говорили про Далекий Край, где мы с Нейдой найдем счастье. Далеких Краев на земле полным-полно, Питер, и весной, как только сойдет снег, чтобы можно было идти, не оставляя следов, мы вернемся к Гребню Крэгга, заберем с собой Нейду и отправимся туда, где закон нас никогда не разыщет. Например, в Китай. Там живут люди с желтой кожей... Ну, да нам-то что? Лишь бы она была с нами! И вот еще...

Внезапно он умолк. Насторожился и Питер. Оба они повернулись к узкой дыре, уже наполовину засыпанной снегом, которую Мак-Кей прорезал в ледяной корке сугроба вместо двери. Они привыкли к вою метели. Питер теперь не вздрагивал от ее пронзительного визга и почти человеческих стонаний. Но тут вдруг раздался звук, не похожий на все прежние. Это был голос. Не призрачный голос ветра, а настоящий человеческий голос, и прозвучал он так близко, что даже Веселый Роджер почувствовал что-то вроде страха. Ему показалось, что у самого их сугроба кто-то громко выкрикнул какое-то имя. Но второго зова не последовало. Ветер затих, и снаружи на мгновение воцарилось безмолвие.

Веселый Роджер засмеялся немного вымученно.

— А хорошо, что мы не верим в привидения, Питер, не то бы мы подумали, что там, за стеной, бродит волк-оборотень! — Он набил трубку и кивнул: — Имеется еще Южная Америка. У них там все есть: и самые большие в мире реки, и самые высокие горы, и такие просторы, что даже волк-оборотень нас там не разыщет. Ей там понравится, Хромуля! Ну, а если она предпочтет Африку или, скажем, Австралию, а может, острова Южных Морей... Это еще что такое?

Питер подпрыгнул словно ужаленный, а Веселый Роджер застыл, как индеец. Потом он вскочил на ноги и недоуменно посмотрел на Питера:

— Что это было, Хромуля? Ветер, каков бы он ни был, не может стрелять из ружья, верно?

Питер тыкался носом в рыхлый снег, засыпавший дверь их убежища. Он глухо ворчал. Глаза за жесткими кудряшками яростно засверкали, и он посмотрел на Роджера, прося разрешения разбросать этот снег и выбраться в воющую тьму. Мак-Кей медленно выбил пепел из трубки и сунул ее в карман.

— Мы пойдем посмотрим, — сказал он странным голосом. — Но это же неразумно, Питер. Ветер — и только. Людей там быть не может. И то, что мы слышали, не было выстрелом. Ветер...

Двумя-тремя движениями Мак-Кей разгреб снег — отверстие находилось с подветренной стороны, — и когда он наполовину высунулся из него, то почти не почувствовал ветра.

Но над сугробом по-прежнему мчалась лавина бури, и он не слышал ничего, кроме ее воя. И ничего не видел — даже собственную вытянутую руку.

— За нами столько гонялись, что мы стали какими-то сверхчувствительными, — заметил он, заползая обратно в голубоватый круг света и кивая Питеру. — Пора и на боковую, дружок. А для сна лучше места не найти: свежего воздуха хоть отбавляй, и ни тебе комаров, ни мух, а уж о полиции и говорить нечего — скоро мы вообще забудем, какой у них вид. Если ты согласен, выпьем холодного чайку, перекусим...

Он не закончил. На мгновение ветер чуть стих, словно собираясь с силами. И то, что Мак-Кей услышал теперь, заставило его вскрикнуть, а Питер залаял. Из черноты ночи до них донесся женский голос! Как ни был Роджер поражен и ошеломлен, он сразу понял, что это не ветер и не обман усталого слуха. Он прозвучал совершенно ясно, этот женский голос, который пронесся над тундрой, призывая на помощь, и тут же замер, слился с воем метели. И тем не менее Мак-Кей усомнился. Женщина — здесь? Он судорожно сглотнул и попробовал усмехнуться. Женщина... в буран, в тысяче миль от ближайшего селения! Нет, это невозможно.

Но смех у него не получился, а сердце сжалось от тревоги. В бледном свете спиртовки было видно, как широко раскрылись его глаза.

Он взглянул на Питера. Пес, весь вытянувшись, стоял у отверстия. Он дрожал.

— Питер!

Питер помахал хвостом и повернул щетинистую морду к хозяину. Веселый Роджер не раз видел этот предостерегающий взгляд своего четвероногого товарища. Снаружи кто-то был! Или Питера, как и его самого, буран свел с ума?

И вопреки доводам рассудка Веселый Роджер решил отправиться на поиски. Он надел лыжи и поставил лампочку так, чтобы ее свет был виден со стороны тундры. Потом он выполз через дыру. Питер последовал за ним.

Словно разъяренный их дерзостью, буран обрушился на них из-за сугроба. Они слышали пронзительный скрип ледяной крупы, пронесившейся над их головами мириадами дробинок. Ветер доставал до них даже в их убежище и бросал им в лицо колючую снежную пыль. Перед ними в стонущем мраке простиралась тундра. Питер посмотрел вверх, ничего не увидел, но все же понял, откуда брались жуткие стоны, которые он слышал весь вечер: это ветер хлестал по сугробу.

Веселый Роджер напрягал слух, но слышал только завывания бурана, разыгравшегося над тысячемильными просторами тундры. Потом пришло одно из тех кратких затиший, когда вьюга, казалось, собиралась с силами и вой ее постепенно замирал, точно скрип колес быстро удаляющейся гигантской колесницы. Затем на миг наступила полная тишина, а с севера уже снова послышался могучий рокот, возвещавший новый взрыв.

И в этом затишьи опять раздался крик — настолько ясный, что Мак-Кей уже не мог более сомневаться, — а вслед за ним выстрел. Голос действительно был женский. Насколько Веселый Роджер мог судить, крик доносился из крошечной тьмы прямо перед ним, и он закричал в ответ. А потом в сопровождении Питера бросился туда. Новая лавина ветра ударила им в спину и потащила вперед, точно пену на гребне волны. От неожиданности Веселый Роджер пошатнулся и упал на колени; в эту секунду он заметил еле видный огонек своей лампочки у входа в снежную пещеру и ясно осознал, что ему грозит смерть, если он не сумеет разглядеть в темноте это бледное пятнышко. Он опять закричал... второй раз... третий. И, втянув голову в плечи, пошел дальше в темноту.

Внезапно ему в голову пришла безумная мысль, и он забыл про лампочку, пещеру и грозившую ему гибель. В этой сумасшедшей сумятице ветра и снега он слышал человеческий голос. Больше он в этом не сомневался. И голос был женский! А вдруг кричала Нейда? Вдруг она отправилась следом за ним, решив во что бы то ни стало отыскать его и разделить с ним его судьбу? Его сердце мучительно забилося. Какая еще женщина могла идти по его следу через тысячемильную пустыню тундры? Он начал звать ее:

— Нейда! Нейда! Нейда!..

И рядом с ним залаял невидимый Питер.

Черный буран поглотил их. Свет лампочки растворился во мраке. Но Веселый Роджер не оглядывался. Он брел вперед вслепую, считал шаги и звал Нейду. Дважды ему чудился ответный крик — и каждый раз казалось, что этот призрачный голос совсем близко. Тут ветер ударил ему в спину с особенной силой, он обо что-то

споткнулся и растянулся на снегу. Его рука нащупала предмет, о который он споткнулся. Это был не снег. Его пальцы коснулись чего-то мягкого и пушистого. Мужская шуба! Вот пуговицы, пояс и... бородатое лицо. Мак-Кей встал и выпрямился во весь рост. Ветер опять унесся дальше в тундру, оставив позади себя мгновение тишины. И Роджер крикнул:

— Нейда! Нейда! Нейда!..

Ответ раздался так близко, что он даже вздрогнул, но кричал не один человек, а два... нет, три, и один голос был голосом испуганной, измученной женщины. Мак-Кей продолжал звать, а голоса отвечали все ближе, и, наконец, в нескольких шагах перед ним возникло смутное движущееся пятно. Он пошел к этому пятну, пошатываясь под тяжестью человека, которого подобрал в снегу. Теперь он разглядел двух человек, волочивших сани, за которыми, всхлипывая и задыхаясь, брела третья фигура.

— Я нашел кого-то! — крикнул Веселый Роджер. — Вот он...

Мак-Кей уронил свою ношу, и конец его фразы заглушили вопли метели. Но женщина позади саней услышала его, и он вдруг смутно увидел ее возле себя — она склонялась над человеком у его ног, всем телом заслоняя лежащего от ветра, и называла имя, которое он не мог разобрать в завывании бурана. Но на его сердце легла свинцовая тяжесть: он понял, что это не Нейда. Он положил бесчувственное тело на сани, не сомневаясь, что человек уже мертв. Женщина что-то говорила ему, но ее слабый голос тонул в визге вьюги, и он не разобрал, что ему хрипло крикнул один из мужчин, который пошатывался при каждом шаге, с трудом отвоеванным у ветра, и Веселый Роджер понял, что этот человек совсем обессилел и готов лечь в снег и умереть, лишь бы не идти дальше.

— Тут совсем рядом! — крикнул он. — Доберетесь?

Они расслышали его слова. Женщина уцепилась за его локоть. Мужчины потянули сани, а Веселый Роджер схватил свободную постромку между ними и повернулся навстречу бурану, недоумевая, почему они отправились в такой путь без собак. Казалось, прошла вечность, прежде чем впереди замаячило бледное пятнышко света. Последние пятьдесят шагов они брели как будто навстречу непрерывному пулеметному огню. Но наконец сугроб укрыв их от ветра.

Мак-Кей помог им по очереди пролезть в выкопанное им убежище. На несколько минут он полуослеп и различал землистые лица и закутанные фигуры тех, кого он спас, словно сквозь мутную пелену. Человека, которого он нашел в снегу, он положил на свою постель, и девушка (теперь он разглядел, что она была еще совсем молоденькая) с плачем бросилась к нему. Тут зрение вернулось к Веселому Роджеру, и в тот же миг он вздрогнул и еле устоял на ногах, словно рядом взорвался динамитный заряд.

Девушка откинула меховой капюшон и с рыданием прижалась к неподвижно лежащему человеку, зовя: «Отец, отец!» Она была совсем не похожа на Неиду. Ее темные волосы были закручены в тугой узел, и она была старше. Она казалась очень некрасивой — во всяком случае, в эту минуту. Ее щеки были обморожены, глаза опухли и заплыли. Но Веселый Роджер не смотрел на нее, он глядел только на ее отца и чувствовал, что вот-вот задохнется. Тот был уже немолод — лысый, с седой бородой и офицерскими усами. И он был жив — его глаза были открыты, а посиневшие губы пытались позвать девушку, которая, совсем ослепнув от снега, все еще думала, что он умер. Но он был одет в форменную меховую шинель королевской северо-западной конной полиции!

Мак-Кей медленно отвернулся, смахнул с глаз тающий снег и посмотрел на остальных двух. Один из них устало скорчился у снежной стены. Ему было на вид не больше тридцати лет, но и он выглядел совершенно измученным. Второй лежал у самой дыры, не в силах подняться. На обоих были шинели и на поясах висели кобуры.

Молодой человек у стены попробовал встать, но не смог и виновато улыбнулся Мак-Кею.

— Огромное спасибо, старина, — пробормотал он, с трудом шевеля растрескавшимися губами. — Я Портер... из отряда «Н»... сопровождал полковника Тэвиша в Форт-Черчилль... Тэвиша и его дочь. Плохим я оказался проводником, верно? — Он приподнялся. — У нас в багаже есть коньяк. Может, дать... им? — И он кивнул в сторону девушки и седобородого мужчины на одеялах.

14

Веселый Роджер ничего не ответил. Он молча выполз наружу и ощупью нашел сани. Он услышал, что Питер последовал за ним, и, оглянувшись, в голубоватом свете лампочки увидел бескровное лицо Портера, который ждал у входа, чтобы помочь ему втащить тюк. Мак-Кей попытался взять себя в руки. Всего четверть часа назад он усмеялся, думая о полиции. Ему казалось, что никогда еще у него не было более надежного убежища и никогда еще он не был так недосыгаем для слугителей закона. Он никак не мог прийти в себя. Полицейские не

гнались за ним. Они его не выследили, даже не наткнулись на него случайно. Нет, он сам бросился в темный хаос вьюги и притащил их к себе! Кто бы мог подумать, что судьба способна сыграть с ним такую скверную шутку!

Потом его смятение немного улеглось, и он принялся резать ремни, удерживавшие тюки на санях. Участок отряда «Н», говорил он себе, — это область, прилегающая к озеру Атабаска. Он никогда не слышал ни о Портере, ни о полковнике Тэвише, а так как Тэвиш просто ехал в Форт-Черчилль, то и он и его эскорт вряд ли намеревались ловить по пути преступников, и в частности Веселого Роджера Мак-Кея. Вот его шанс. Ведь попытка скрыться от них во время бурана была не просто отчаянным риском — это была верная гибель. На санях лежало только два тюка, и он передал их Портеру в отверстие. Несколько минут спустя он уже подносил фляжку с коньяком к губам седобородого полковника, а девушка внимательно рассматривала его — опухоль вокруг ее глаз постепенно спадала. Тэвиш сделал судорожный глоток, и его рукавица легла на локоть девушки.

— Я чувствую себя прекрасно, Джо, — пробормотал он. — Прекрасно...

Он посмотрел на Мак-Кея, а потом обвел взглядом снежные стены пещеры. Его глаза смотрели из-под кустистых бровей пронизательно и сурово. Они пристально следили за Мак-Кеем, который дал девушке глотнуть коньяку, а затем передал фляжку Портеру.

— Вы спасли нам жизнь, — сказал Тэвиш более твердым голосом. — Я не понимаю, что произошло. Помню только, что споткнулся и не мог встать. Я шел за санями, Портер и Брео тащили их, а Джозефина, моя дочь, лежала, укрытая одеялами. Что было потом...

Он умолк, и Веселый Роджер объяснил, как было дело. Он кивнул в сторону Питера — вот чья это заслуга. Пес всячески показывал, что снаружи кто-то есть. Ну, они и решили пойти посмотреть. Его зовут Джон Каммингс. Он ставит капканы на лисиц, и буран застиг его в пятидесяти милях от хижины. Он отправился в путь без собак, потому что у него только один тюк.

Брео, второй спутник Тэвиша, уже оправился и внимательно слушал его. Мак-Кею было достаточно одного взгляда на его смуглое худое лицо, чтобы понять, что в этой компании только Брео по-настоящему знает Север. Он глядел на Веселого Роджера как-то странно. А потом, словно спохватившись, мотнул головой и начал растирать снегом обмороженные щеки. Портер сбросил меховую шинель и теперь распаковывал один из тюков. Он и девушка, казалось, были измучены меньше своих спутников. Джозефина смотрела на Портера. Потом она перевела взгляд на Роджера. Опухоль совсем исчезла, и оказалось, что глаза у нее большие и очень красивые. Она улыбнулась Мак-Кею дружеской, открытой улыбкой. Он подумал, что характер у нее, по-видимому, сильный и трусливой плаксой ее никак не назовешь. Это было сразу видно.

— Нам всем было бы полезно съесть горячего супу, — сказала она. — Как вы думаете?

В ее глазах была благодарность, которую она не пыталась облечь в слова. Роджеру она очень понравилась. А Питер тихонько подошел к ней сзади и смотрел, как она по примеру Брео оттирает щеки бородатого человека снегом.

— В другом вьюке есть спиртовая плитка, — сказал Брео, не сводя жесткого, прищуренного взгляда с лица Мак-Кея. — Да, простите, как вас зовут?

— Каммингс... Джон Каммингс.

Брео ничего не ответил. Веселый Роджер почувствовал смутную тревогу, которая продолжала расти. Они выпили бульону и съели по лепешке. В маленькой каморке стало жарко, и девушка сняла меховую шубу. Ее лицо уже не было бледным, глаза блестели, а голос стал счастливым, потому что они нашли жизнь и тепло там, где ждали смерти. Портер держался с Роджером дружески, словно разговаривал со старым товарищем. Он объяснил, что произошло. Негодяи-проводники бросили их — сбежали в начале бурана, забрав обе упряжки и одни сани. А они брели вперед, надеясь найти сугроб, чтобы укрыться от вьюги. Но тундра здесь ровна, как стол. Они стреляли, а мисс Тэвиш кричала не потому, что они рассчитывали найти здесь помощь, а потому, что хватились оставшего Тэвиша. Просто смешно, заключил Портер, что подобное могло случиться с полковником Тэвишем, который слывет в конной полиции железным человеком.

Тэвиш сдержанно усмехнулся. Все они были в хорошем настроении, за исключением, пожалуй, Брео. Он ни разу не засмеялся и даже не улыбнулся. Однако Веселый Роджер заметил, что остальные слушают его с особым вниманием. Однако в нем было что-то непонятное и неприятное — во всяком случае, девушка сразу перестала смеяться, услышав его голос, и ее губы сурово сжимались. Мак-Кей скоро понял, почему она и Портер улыбались так счастливо, — дважды он замечал, как они украдкой брались за руки. А когда они смотрели друг на друга, их глаза ясно говорили о том, какое чувство ими владеет. Но Брео был непонятен Мак-Кею. Он не

знал, что Брео считался лучшей ищейкой отряда «Н» между берегами Атабаски и Ледовитым океаном и что в области Трех Рек, раскинувшейся на две тысячи миль, его называли «Шингус»— «Хорек»...

Первой уснула девушка, прижавшись щекой к плечу отца. Брео-Хорек завернулся в одеяло и задышал глубоко и размеренно. Портер еще курил трубку, нежно поглядывая на спящую Джозефину Тэвиш. Он с гордостью улыбнулся и шепнул Мак-Кею:

— Она моя невеста. Скоро свадьба.

Веселому Роджеру захотелось крепко пожать ему руку.

Он кивнул, и что-то сдавило ему сердце.

— Я вас понимаю, — сказал он. — Когда я услышал в темноте ее голос... я вспомнил про одну девушку... там, на юге.

— На юге? — переспросил Портер. — Но почему? Если вы ее любите, то почему она там, а вы здесь?

Мак-Кей пожал плечами. Он и так уже сказал лишнее. Но они с Портером не знали, что Брео лежит приоткрыв глаза и внимательно слушает.

Веселый Роджер поднял руку, словно в вое бури ему почудился какой-то новый звук.

— Буран кончится не раньше чем через два-три дня. Ложитесь-ка спать, Портер. А я пока выкопаю комнату для мисс Тэвиш. Боюсь, она ей понадобится, — мы вряд ли скоро уйдем отсюда. Работа это нетрудная, а время проходит незаметнее.

— Я вам помогу, — предложил Портер.

Они работали около часа, орудуя вместо лопат лыжами Мак-Кея. И весь этот час Брео не смыкал глаз. Когда он смотрел на Роджера Мак-Кея, его губы кривила странная улыбка. Наконец Портер улегся спать. Тогда Хорек встал и потянулся. Мак-Кей уже закончил вторую комнату и принялся копать тоннель, который должен был служить другим выходом. Брео подошел к нему и взял лыжу, брошенную Портером.

— Я, пожалуй, тоже поработаю, — сказал он. — Что-то мне не спится, Каммингс.

Он принялся отгрести снег.

— И давно вы живете в этих краях? — спросил он.

— Третью зиму. Тут много рыжих лисиц, а иногда попадают даже серебристые и черно-бурые.

Брео неопределенно хмыкнул.

— Так, наверно, вы знакомы с Кассиди, — небрежно произнес он, не глядя на Мак-Кея. — С капралом Теренсом Кассиди. Это ведь его округ.

Веселый Роджер продолжал копать.

— Да, я его знаю. Мы встречались прошлой зимой. Такой рыжий. Хороший человек. Мне он нравится. А вы с ним знакомы?

— Мы вместе начинали службу, — ответил Брео. — Но ему не везет. Он три года гоняется за неким Мак-Кеем. Его прозвали Веселым Роджером. Веселый Роджер Мак-Кей... Слышали о нем?

Веселый Роджер кивнул.

— Кассиди рассказывал мне про негя, когда ночевал в моей хижине. Он, по-моему, ничего человек.

— Кто? Кассиди или Веселый Роджер?

— Оба.

Впервые Хорек посмотрел прямо на своего собеседника. У него были странные глаза: непроницаемые, вечно прищуренные, словно он тщательно прятал свои мысли. Мак-Кею показалось, что они видят его насквозь. Его пронизала холодная дрожь — предчувствие опасности, более губительной, чем буран.

— А вы не знаете, где его можно найти, этого Веселого Роджера?

— Нет.

— Дело в том, что он думает, будто убил на юге одного человека. Ну, так он ошибся. Тот выжил. Если вдруг встретитесь с ним, расскажите ему об этом. Ладно?

Веселый Роджер сунул голову и плечи в удлиняющийся тоннель.

— Расскажу.

Он знал, что Брео лжет. И знал, что за узенькими щелочками этих глаз прячется лисья хитрость.

— Скажите ему также, что власти думают простить ему ограбление торговца — ведь с тех пор прошло уже больше пяти лет.

Веселый Роджер выбрался из тоннеля с кучей снега на лыже.

— Ладно, передам ему и это, — сказал он, улыбаясь такой неуклюжей ловушке. — Вы, Брео, никак думаете, что я держу гостиницу для бездомных разбойников?

Брео улыбнулся. Это была неприятная улыбка, и Веселый Роджер успел заметить ее, оглянувшись. Когда он вернулся, выбросив снег, Брео сказал:

— Видите ли, нам известно, что этот Веселый Роджер зимует где-то в здешних местах. А Кассиди говорит, что на юге есть девушка...

Голова Веселого Роджера исчезла в тоннеле.

— ...которая очень хотела бы повидать его, — закончил Брео.

Когда Мак-Кей вылез из тоннеля. Хорек спокойно закурил трубку.

— Да, помню... Кассиди рассказывал мне и про девушку, — сказал Веселый Роджер. — Он сказал, что когда-нибудь... поймают этого... человека, потому что он захочет увидеться со своей девушкой. Значит, если я встречу Веселого Роджера Мак-Кея и пошлю его на юг, я помогу полиции. Верно, Брео? А награда за его поимку назначена? Будет мне от этого какая-нибудь выгода?

Брео глядел на него в тусклом свете спиртовой лампочки, выпускал клубы табачного дыма, и загадочная улыбка кривила его тонкие губы.

— Как воеет вьюга! — сказал он. — Мне кажется... Каммингс, что буран усиливается.

Внезапно Брео протянул руку к Питеру, который сидел возле лампочки, не спуская настороженных глаз с незнакомца.

— Хорошая у вас собака, Каммингс. Сюда, Питер! Сюда! Питер! Питер!

У Роджера перехватило дыхание. Он ведь ни разу не произносил вслух кличку Питера с той минуты, как в его убежище появились спасенные им люди.

— Питер... Питер...

Хорек ласково улыбался. Но Питер даже ухом не повел. Он словно не видел протянутой к нему руки. Его взгляд оставался недоверчивым и вызывающим. Роджер еле удержался, чтобы не обнять его. Хорек засмеялся.

— Прекрасная собака, Каммингс, прекрасная! Мне нравятся собаки, которые хранят верность одному человеку, и нравятся люди, которые хранят верность одной собаке. А Веселый Роджер именно таков, как вы сами убедитесь, если когда-нибудь его повстречаете. Странствует с одной собакой. С эрделем по кличке Питер.

Странная кличка, верно?

Он повернулся ко входу в соседнюю комнату и потянулся, высоко подняв длинные руки.

— Попробую-ка я опять прилечь, Каммингс. Спокойной ночи. Царица небесная, как воеет ветер!

— Да, ночь бурная, — согласился Мак-Кей.

Когда Брео ушел, Веселый Роджер поглядел на Питера, а сердце его бешено стучало в груди. Он прислушивался к вою ветра. Буран несся над тундрой с еще большей яростью, и глаза Мак-Кея блеснули холодно и зло. На этот раз ему не вырваться из хватки закона. Бегство означало верную смерть. И Брео это знал. Да, он оказался в ловушке, которую сам же соорудил. Конечно, если Брео догадался, кто он такой... А Брео несомненно догадался. Оставалось только одно — драться.

Мак-Кей сходил в первую комнату за своим тюком и одеялами. Он не смотрел на Брео, но знал, что прищуренные глаза полицейского следят за каждым его движением. Лампа в первой комнате продолжала гореть, но когда Роджер расстелил одеяла в новой спальне, он задул свою лампочку. Потом бесшумно проковырял дырку в снежной перегородке. Прежде чем проткнуть указательным пальцем оставшуюся ледяную корочку, он выждал десять минут. Прильнув глазом к отверстию, он увидел Брео. Хорек, сидя на своей постели, наклонился к Портеру, который спал возле него. Он потрогал Портера за плечо.

Веселый Роджер расширил дырочку еще на дюйм и напряг слух. Тэвиш и его дочь продолжали спокойно спать. Портер приподнялся, но Брео предостерегающе сжал его руку и кивнул в сторону второй комнаты. Портер понял и промолчал. Брео наклонился к самому его уху и что-то тихо зашептал. До Мак-Кея доносилось только невнятное бормотание. Однако он ясно разглядел, как Портер переменялся в лице. Глаза молодого человека расширились, он взглянул в сторону внутренней комнаты и протянул руку, намереваясь разбудить Тэвиша и девушку.

Однако Хорек остановил его:

— Не торопитесь. Пусть себе спят.

Только эти слова и расслышал Мак-Кей. Портер и Брео продолжали шептаться. На красивом лице Портера было то же радостное возбуждение, что и на смуглой физиономии Брео. Веселый Роджер продолжал наблюдать за ними, пока Брео не погасил лампу. Тогда он бесшумно залепил дырку снегом и ошупью нашел в темноте голову Питера.

— Они думают, что мы у них в руках, дружок, — прошептал он. — Вот что они думают.

Около часа Веселый Роджер и Питер пролежали не шевелясь. Но они не спали. Когда миновал этот час. Веселый Роджер подполз на четвереньках к дверному отверстию и прислушался. В соседней комнате все четверо дышали спокойно и ровно. Тогда он принялся ощупывать внешние стены, пока не обнаружил сыпучего снега.

— Это-то нам и нужно, — шепнул он не отходившему от него Питеру. — Мы проведем их, дружок. А придется — будем драться.

Он принялся ввинчиваться головой, плечами, торсом в мягкий снег. Постепенно он буравил себе выход, раскачиваясь, чтобы утрамбовать снег по бокам нового отверстия; он уходил в сугроб все глубже, проделывая круглый тоннель фута в два в поперечнике. Через час он добрался до внешней корки с наветренной стороны сугроба. Корку эту, толстую, как зеркальное стекло, он ломать не стал, а несколько минут пролежал, отдыхая и прислушиваясь к свисту ветра снаружи. В узкой норе было тепло и уютно, и Веселый Роджер начал задремывать. С усилием открыв глаза, он выбрался назад в свою комнату. Замаскировав вход в тоннель снежными комьями, он завернулся в одеяло и спокойно уснул.

Теперь в тихой глубине сугроба бодрствовал только Питер. И Питер разбудил Веселого Роджера в чае, когда за низкими тучами начинала заниматься заря. Мак-Кей почувствовал, как Питер завозился, и открыл глаза. В его комнатке брезжил какой-то свет, и он привстал. За снежной стенкой снова горела лампа. Оттуда доносились шорохи и тихий неясный шепот. Мак-Кей выковырял затычку из дырочки и, расширив ее, опять приник к ней. Брео и Тэвиш спали, но Портер сидел на своем одеяле, а рядом с ним примостилась девушка. Волосы ее теперь не были уложены в узел и рассыпались по плечам. Широко открытые глаза были устремлены на отверстие, соединявшее комнаты. Мак-Кею было видно, что ее рука лежит на локте Портера. Тот что-то шептал ей, наклонившись к ней так близко, что его губы касались ее волос, и хотя Веселый Роджер не мог расслышать ни слова, он знал, почему глаза Портера блестят так возбужденно: молодой полицейский рассказывал Джозефине Тэвиш, кем оказался их спаситель. Он увидел, как она вдруг нахмурилась, услышал ее возмущенный шепот, но Портер прижал палец к губам девушки и кивнул в сторону ее спящего отца. Потом его рука легла на ее плечи, и Мак-Кей увидел, как их губы слились в долгом поцелуе. Затем девушка быстро отодвинулась и вновь легла рядом с отцом. Портер закутал ее в одеяло и улегся на своей постели возле Брео.

Веселый Роджер догадывался, что произошло. Девушка проснулась и, испугавшись темноты, разбудила Портера, чтобы он зажег лампу. Портер воспользовался этим случаем, чтобы сообщить ей об интересном открытии Брео и чтобы поцеловать ее. Мак-Кей поглаживал жесткую шерсть на загривке Питера и прислушивался. Воя метели не было слышно, и он подумал, что буран, вероятно, стихает.

То и дело он заглядывал в дырочку. Примерно через полчаса после того, как Портер вновь уснул, он увидел, что Джозефина Тэвиш не спит. Она сидела на своей постели. Потом тихонько встала на колени и наконец поднялась на ноги. Наклонившись над Портером и Брео, девушка убедилась, что не разбудила их, и прокралась к отверстию, ведущему в его комнату.

Роджер быстро растянулся на своем одеяле, прижав к себе Питера.

— Тихо, дружок, тихо! — шепнул он.

Светлое пятно отверстия исчезло — девушка стояла там, прислушиваясь, спит ли он. Роджер принялся похрапывать, но, закрывая глаза, успел заметить, что Джозефина Тэвиш идет прямо к нему. Вот она нагнулась над ним. По его лицу и рукам скользнули мягкие пряди волос. Девушка тихо опустилась на колени, поглаживая Питера, и осторожно дернула Роджера за плечо.

— Веселый Роджер! — позвала она шепотом. — Веселый Роджер Мак-Кей.

Он открыл глаза и увидел прямо над собой ее лицо.

— А? — спросил он еле слышно. — Что случилось, мисс Тэвиш?

Она прерывисто вздохнула и судорожно сжала его плечо. Наклонившись почти к самому его лицу, она прошептала чуть слышно:

— Вы... вы не спите?

— Нет.

— Ну, так слушайте: если вы Веселый Роджер Мак-Кей, то уходите, скорее уходите. Когда проснется Брео, вы должны быть уже далеко. По-моему, вьюга улеглась... ветра совсем не слышно... Ведь если утро застанет вас здесь...

Она отпустила его плечо. Веселый Роджер нащупал в полумраке ее руку, и она ответила ему крепким дружеским пожатием.

— Я бесконечно благодарна вам за то, что вы сделали, — прошептала она. — Но закон... и Брео... беспощадны.

Джозефина исчезла так же быстро и бесшумно, как сошла. Мак-Кей следил за ней в дырочку, пока девушка снова не улеглась рядом с отцом.

Он притянул Питера поближе.

— Опять нам придется бежать, Хромуля! — шепнул он. — Попробуем рискнуть.

Мак-Кей быстро и бесшумно взялся за дело. Через четверть часа его вещи были упакованы, а вход в тоннель открыт. Тогда он прошел в соседнюю комнату, где Джозефина Тэвиш лежала, широко открыв глаза. Она приподнялась, и Веселый Роджер знаками показал ей, о чем он хотел бы ее попросить. Можно ему взять кое-что из их багажа? Она кивнула. Он порывлся в тюке, а когда выпрямился, девушка с изумлением уставилась на пачку старых газет в его руке — ее отец вез их торговцу в Форт-Черчилль. Но его жадный и виноватый взгляд объяснил ей все, и она улыбнулась ему, беззвучно шепча слова благодарности. Возле двери Веселый Роджер оглянулся. И тут Джозефина показала ему настоящей красавицей — такой свет был в ее глазах, когда она вся потянулась к нему, словно желая ободрить его перед трудной дорогой. Внезапно она прижала ладонь к губам и послала Веселому Роджеру прощальный благодарный поцелуй.

Когда мгновение спустя Мак-Кей полз по тоннелю, слыша позади дыхание Питера, его сердце радостно пело. Ему опять пришлось бежать от представителей власти, но ему помогла, ему желала счастья благородная девушка.

Веселый Роджер проломил ледяную корку в конце тоннеля и выбрался в тундру, над которой занимался хмурый зимний день. Небо было затянуто тяжелыми тучами, но ветер стих. На несколько часов наступило затишье, ознаменовавшее начало второго дня Черного бурана.

Взвесив все их шансы на спасение, Мак-Кей негромко засмеялся.

— Вьюга скоро опять заплещет, Хромуля, — сказал он. — Лучше всего нам будет свернуть на юг, к лесу, благо до него здесь миль двенадцать.

Он обогнул сугроб и зашагал вперед по прямой линии от первого отверстия, которое он выкопал в сугробе. А из комнаты, выкопанной разбойником, который спас им жизнь, Джозефина Тэвиш смотрела вслед серым силуэтам человека и собаки, пока они не слились с серо-белой землей и серо-белым небом зимней тундры.

15

Пробиваясь на юг сквозь метель, Мак-Кей прошел миль двадцать на юг от большого сугроба в сердце тундры. Сутки он переждал буран в низкорослом ельнике, который окаймляет безлесные равнины, простирающиеся до Ледовитого океана. Он был уверен, что тут ему ничто не грозит: ветер и снег сразу же заметали его следы. На второй день он отправился к своей хижине, выбирая кратчайшее направление. Буран по-прежнему свирепствовал над тундрой, но среди деревьев его сила уменьшалась. Мак-Кей не сомневался, что стоит метели утихнуть, и полицейский патруль легко разыщет его хижину. Портер и Тэвиш его не беспокоили. Но он знал, что от Брео ему не уйти. Уж Брео учует его хижину! А поэтому он хотел побывать в ней раньше, опередив полицейских.

На вторую ночь он никак не мог уснуть. Его рассудком овладело какое-то лихорадочное безумие: мысли беспорядочно метались, словно сказочный волк-оборотень, рыщущий в поисках добычи. Они не слушались его и не давали ему спать, хотя он изнемогал от усталости. Он вспоминал последние годы своей жизни, вспоминал, сколько раз ему удавалось спастись от полиции и как теперь он едва не попал к ней в руки. Воображение, точно безжалостный следователь, показывало ему, что сеть стягивается все туже и что в следующий раз ему уже не спастись. А потом, точно смягчившись, оно вдруг перенесло его на зеленый луг под синим небом у Гребня Крэгга — к Нейде.

Теперь это казалось сном. Неужели все это действительно было? Спокойные месяцы на границе населенных мест, где он встретил Нейду и она полюбила его, а когда он признался ей, что он разбойник и скрывается от полиции, захотела разделить с ним его жизнь. Он закрыл глаза и перенесся в последний грозовой вечер, который провел у Гребня Крэгга. Он вновь был в хижине старичка миссионера, за окном сверкали молнии, грохотал гром, а он обнимал Нейду, чувствовал прикосновение ее губ, смотрел в глаза, полные отчаяния и мольбы. Потом он увидел, что она, скорчившись, лежит возле стула и спутанные волосы скрывают от него ее побелевшее лицо — такой он увидел ее в ту последнюю минуту, когда в нерешительности оглянулся, перед тем как распахнуть дверь и скрыться в бурном мраке ночи.

Мак-Кей со стоном вскочил на ноги, отгоняя видения, и подбросил хвороста в костер. Он крикнул Питеру то, что уже столько раз говорил и ему и себе:

— Если бы мы взяли ее с собой, Хромуля, это было бы убийство! Хуже убийства!

Он оглянулся на вихри снега, крутящиеся в свете его костра, и прислушался к плачу ветра среди деревьев. За

кругом света во все стороны уходила пелена снега. Мороз достигал сорока градусов. И Мак-Кей тоскливо обрадовался, что сейчас с ним нет Нейды.

Он плотнее закутался в одеяло, устался на огонь и начал мечтать о несбыточном. Среди языков пламени возникало лицо Нейды — призрачное, очень юное, почти детское лицо, но в ее глазах светилась вся сила ее любви. Веселый Роджер заворуженно смотрел на огонь, и ему уже чудилось, что его мечты претворяются в действительность: Нейда была рядом с ним, ее глаза говорили о любви, мужестве и верности. Он обнимал ее, чувствовал ласковое прикосновение ее волос и губ, тепло ее рук, обвивающих его шею. Он даже слышал, как бьется ее сердце, но тут посреди костра вдруг возникло лицо Желтой Птицы. Он увидел большие глаза индианки, она что-то говорила ему. Пламя вилось у ее кос, ее губы двигались, а потом она исчезла, но медленно, словно вознеслась вместе с дымом костра к черному небу.

Питер услышал крик своего хозяина. Веселый Роджер вскочил, сбросил одеяла и принялся расхаживать взад и вперед, пока не протоптал в снегу глубокую тропинку. Он понимал, что это сонный бред, что было бы безумием в него поверить — и все-таки верил, потому что хотел верить. Потому что неизбывное отчаяние вновь сменилось исчезнувшей было надеждой. Черный хаос в его душе рассеялся. В конце концов он присел на корточки и зажал в ладонях колючую морду Питера.

— Хромуля, ведь она говорила, что все кончится хорошо! — воскликнул он совсем другим голосом. — Желтая Птица это говорила, верно? В старые времена ее сожгли бы, как колдунью, потому что она говорит, будто может послать свой дух куда захочет и видеть то, чего другие люди не видят. Пусть это не так, а мы с тобой все равно будем в это верить. — Он рассмеялся. — Будем верить, что они обе побывали здесь сегодня, — продолжал он. — И Нейда, и Желтая Птица. Я верю, потому что во всем этом есть свой смысл!

Веселый Роджер выпрямился, и Питер увидел на губах хозяина знакомую улыбку, когда тот, запрокинув голову, стал смотреть на снежные вихри, пронсящие над темным пологом еловых ветвей. Завывание бури уже не казалось Мак-Кею зловещим и насмешливым — теперь ему чудились в нем ободряющие голоса, которые требовали, чтобы он не отступал от принятого решения.

И он сказал, широко раскинув руки:

— Питер, мы пойдем назад, к Нейде!

Наступил рассвет, но вокруг ничего не переменялось. Только темнота стала не такой густой. Глаз теперь различал закутанные в иней стволы, а в смутной сумятице в вышине вырисовывались острые верхушки елей. Когда Веселый Роджер отправился дальше к своей хижине, в нем кипело волнение, согревавшее его и разгонявшее усталость после бессонной ночи. Ему казалось, что вьюга начинает стихать и в воздухе потеплело, однако над безжизненной равниной ветер по-прежнему с ревом гнал снежные смерчи, а термометр показывал сорок один градус ниже нуля. Но Веселому Роджеру чудилось, что полный колючей ледяной пыли воздух уже не обжигает так, как прежде, и там, где вчера он видел только кривые приземистые елки, засыпанные снегом, теперь в белесом свете дня вновь возникал пейзаж, исполненный дикой сумрачной красоты, и не хватало только солнца, чтобы все вокруг оделось невообразимым великолепием. Однако солнце так и не показалось. Впрочем, Мак-Кей этого не заметил: его мысли были заняты Нейдой и планами возвращения к ней, домой.

— Вот именно домой! — сказал он Питеру, который трусил за ним по лыжне. — Отсюда до Гребня Крэгга тысяча миль — тысяча миль снега, льда и бог знает чего еще. Но мы доберемся туда.

Теперь Веселый Роджер твердо знал, что он будет делать. Ему казалось, что он выздоровел от тяжелой болезни. Он натворил глупостей. Ему давно следовало спокойно обдумать свое положение. Да, конечно, у Гребня Крэгга, на границе цивилизованных мест, его может ждать петля, но ведь мрачная тень виселицы всюду следует за ним по пятам. Он всегда убегает от кого-то, будь то Кассиди, Брео, Тэвиш или еще кто-нибудь, облаченный в красный мундир королевской северо-западной конной полиции. И так будет до самого конца. А когда этот конец настанет, когда они все-таки схватят его, то будет лучше, если это случится у Гребня Крэгга, а не здесь, у края Голых Земель.

А кроме того, оставалась безотчетная, нелепая надежда, что вместе с Нейдой он все-таки сумеет отыскать тот таинственный, безопасный и счастливый приют, тот Далекый Край, о котором говорила Желтая Птица, обещая, что там «все кончится хорошо». Мак-Кей не был по-настоящему суеверен и в глубине души относился к колдовству Желтой Птицы весьма скептически, но сейчас он цеплялся за ее слова, как утопающий цепляется за соломинку. Он черпал энергию в этой надежде и наперекор рассудку верил Желтой Птице. Он убеждал себя, что многие ее предсказания уже сбылись. Разве не Желтая Птица предупредила его в ту душную ночь о приближении Кассиди? И, наверное, ее добрым духам он обязан тем чудом, которое произошло у ручья Хромого Лося! И они же предсказали то, что случилось в тундре. Ну, а в таком случае почему бы не

предположить, что и все остальное тоже сбудется?

Впрочем, Мак-Кей предпочитал меньше думать на эти темы. Его гнало вперед одно желание, заслоняющее все остальное, — он хотел вновь увидеть Нейду наяву, а не во сне, вновь обнять ее, поцеловать, как в былые дни, почувствовать легкое прикосновение ее волос к лицу и вновь услышать от нее клятву в вечной любви, которую она дала ему в тот далекий вечер в хижине миссионера. Ну, а потом... его не очень тревожило, что будет потом. Пусть приходит Хорек-Брео, или Портер, или кто-нибудь еще в красном мундире конной полиции, которая неумолимо преследует его. Если игра кончится так, он будет доволен.

Когда Веселый Роджер сделал привал, чтобы вскипятить чаю и съесть чего-нибудь горячего, он попытался растолковать Питеру эту новую цель своей жизни.

— Самое главное — благополучно добраться туда... — начал он, а в голове у него роились планы.

И Мак-Кей, завтракая разогретой лепешкой с куском жирной грудинки, продолжал объяснять Питеру, на что он теперь надеется. Веселый и уверенный тон хозяина пробуждал в Питере радостное волнение. Этот тон сулил всякие приключения, и баки Питера грозно топорщились, глаза блестели, а хвост бодро стучал по снегу.

Веселый Роджер даже тихонько засмеялся.

— Сейчас февраль, — сказал он. — К концу марта мы будем там. У Гребня Крэгга, Хромуля!

И они пошли дальше, торопясь добраться до хижины прежде, чем в четыре часа дня ночной мрак окутает их толстым одеялом. Веселым Роджером вдруг овладело странное ощущение: он по-новому осознал, как бесконечно пустынен окружающий мир. Слово повязка спала с его глаз, и он постиг истину: все утратило для него значение, кроме Нейды. Только для нее он жил. Ведь там, далеко-далеко, она простирала к нему руки и умоляла его беречь себя. Единственный человек в мире, которому он нужен! Ему вспомнилась одна из потрепанных книжечек, лежавших в его заплечном мешке, — в ней рассказывалось о Жанне д'Арк. И он подумал, что в синеглазой девушке, которую он оставил у Гребня Крэгга, живет тот же великий дух и несокрушимая верность, которые вели французскую героиню.

— И я иду к ней. Иду!

Это последнее слово он произнес вслух, почти прокричал в знак того, что их ничто не остановит. И Питер залаял в ответ.

Но как они ни торопились, темнота застигла их еще в пути. Когда начало смеркаться, метель заметно утихла — по-видимому, буран истощил свои силы. Веселый Роджер понимал, что это означает. Утром небо прояснится, и Хорек-Брео вместе с Портером и Тэвишем покинет гостеприимный сугроб.

Весь его опыт и знание лесной жизни Севера подгоняли его. Как ни странно, он всем сердцем желал, чтобы вьюга продолжала бушевать. Ему надо было успеть кое-что сделать, пока она еще длится. И каждый раз, когда затишье кончалось и над тундрой снова принимался свистеть и завывать ветер, а вершины елок — скрипеть и гнуться, его это радовало. В сгущающемся мраке они вышли к невысокому длинному холму, который тянулся наискось через открытую тундру к лесу, где стояла их хижина. Они добрались до нее через час. Веселый Роджер открыл дверь и, пошатываясь, перешагнул порог. На мгновение он прислонился к стене, вдыхая чуть более теплый воздух. Дышал он с присвистом и вдруг с удивлением заметил, что совсем измучен. Он услышал, как Питер тяжело упал на пол.

— Устал, Хромуля?

Он с трудом заставил разомкнуться свои потрескавшиеся губы.

Питер в ответ постучал хвостом по половицам. Этот стук совпал с одним из тех затиший, которые внушали Веселому Роджеру такую тревогу.

— Еще бы два часа метели, — пробормотал он, облизывая губы. — А не то...

Он стянул рукавицы и нащупал спички, думая о Брео. Он боялся только его. Если буран уже кончился, Хорек конечно, отыщет хижину и его след.

Мак-Кей зажег жестяную лампу на столе и, вспомнив, что экономия ему больше ни к чему, поставил в дальних углах хижины по свече из медвежьего сала. Небольшая комнатка была теперь ярко освещена. Но свет не озарил ничего особенно интересного — стол, сколоченный им самим, стул, старую железную печурку да одеяло на нарах, которым он накрыл остальное свое имущество. За печкой лежали сухие дрова, и через пять минут рев пламени в жестяной трубе присоединился к вою ветра, опять поднявшегося снаружи.

Не обращая внимания на усталость, Веселый Роджер хлопотал у стола и печки. Едва в комнате потеплело, он сбросил верхнюю одежду и начал готовить настоящий пир.

— Будем считать, что сейчас рождество, Хромуля, и поставим на стол все, что у нас есть. И съедим всю банку маринованных слив, вместо того чтобы взять всего шесть штук. Сегодня мы можем ни в чем себе не

отказывать!

Даже Питер был поражен бездумной расточительностью хозяина. Через час они пообедали, и Мак-Кей завершил трапезу двумя кружками горячего кофе. Он почувствовал себя отдохнувшим и откинулся на стуле, позволяя себе еще несколько минут покурить трубку. Питер, объевшийся мяса карибу, растянулся на полу, думая вздремнуть. Но ему не спалось. Он никак не мог понять, что происходит с его хозяином. Тот вдруг встал, надел тяжелую доху и шапку, а трубку сунул в карман. Потом всунул руки в ремни заплечного мешка, вскинул его на спину и, к вящему недоумению Питера, вылил полбутыли керосина на сухие дрова позади раскаленной печки и поднес к ним зажженную спичку. Питер растерянно тьякнул: одним пинком хозяин опрокинул печурку на пол!

Полчаса спустя, когда Питер и Веселый Роджер у вершины холма оглянулись назад, над угрюмым хаосом северной пустыни, которую они покидали, поднимался огненный столб. Со стороны тундры налетал бешеный ветер, бросая им в глаза колючую снежную пыль. И все-таки Веселый Роджер продолжал смотреть.

— Хорошо горит! — пробормотал он в меховой воротник. — Через полчаса все выгорит дотла. И если ветер продержится еще два часа, Брео тут ничего не найдет — ни хижины, ни следов, одни сугробы.

Мак-Кей зашагал вниз по склону холма. Он шел прямо на юг, придерживаясь открытой тундры, где снежные вихри сразу же заносили след его лыж. Теперь темнота его не тревожила. Перед ним простирались просторы тундры, но чуть западнее начинался лес. Два раза Мак-Кей сбивался с пути и выходил к опушке ельника, но тут же возвращался в тундру, следя за тем, чтобы ветер дул ему точно в спину. Он не знал, сколько времени шел так. Потом принялся отсчитывать шаги, отмеряя полмили, милю... И опять начинал считать, пока наконец ему не стало казаться, что на какие-нибудь пятьсот шагов он тратит невероятно много времени и усилий. В ноге словно заныл зуб: это было предвестие лыжной судороги. Мак-Кей ухмыльнулся окружающему мраку. Он знал, что это означает — предупреждение такое же грозное, как первая судорога, сводящая ногу пловца. Если он попробует идти дальше, то скоро ему придется ползти на четвереньках.

Он быстро повернул к лесу. По его расчетам, с той минуты, когда он поджег хижину, прошло около трех часов. Через полчаса (теперь он продвигался медленнее, стараясь шагать не столь размашисто) он добрался до опушки. Удача и здесь его не покинула, о чем он немедленно сообщил Питеру: они оказались в густом ельнике. Мак-Кей снял лыжи, которые здесь только мешали, и углубился в чащу. Там было гораздо теплее, а ветер не проникал туда вовсе.

Веселый Роджер развязал заплечный мешок и вытащил из него сухой смолистый сук, который захватил из хижины. От первой же спички сук запылал, как факел, и осветил их убежище на десяток шагов. Мак-Кей набрал валежника и срубил елку — брошенная в костер, она будет тлеть до утра. Когда факел догорел, костер уже был разведен. Веселый Роджер разгреб снег и, завернувшись в одеяло, залез вместе с Питером в глубину большой кучи лапника, которую он навалил на толстый ковер опавшей хвои.

Елка всю ночь потихоньку горела. В тундре еще долго завывал ветер. Но потом он утих, и мир охватило великое безмолвие. Ни одно живое существо не осмелилось выбраться из своего убежища в первые часы после прекращения бурана. Небо постепенно прояснялось. Между тучами кое-где замелькали звезды. Но Веселый Роджер и Питер, спавшие мертвым сном, ничего не знали об этих переменах.

16

Прошло много часов, и наконец Питер разбудил Роджера — сначала он обнюхал еще тлеющие угли костра, а потом встревожился и потыкался носом в лицо хозяина. Мак-Кей сел, сбросив с себя лапник, и увидел, что верхушки елей освещены солнцем. Он протер глаза и посмотрел еще раз. Потом достал часы — было десять часов утра. Он взглянул в сторону тундры и увидел, что она ослепительно сверкает в солнечных лучах. Веселый Роджер уже давно не видел настоящего солнца, и они с Питером побежали к краю тундры, до которого было шагов сто. Веселому Роджеру захотелось кричать во весь голос. Белая равнина перед ним до самого горизонта сияла нестерпимым блеском, а небо над ней было таким же чистым и синим, как над Гребнем Крэга.

Мак-Кей вернулся к костру, распевая. И Питер вдруг вспомнил то далекое время, когда его хозяин часто так распевал. Это было в хижине индейца Тома, где за ручьем виднелся Гребень Крэга, — до того, как Теренс Кассиди вынудил их искать другое убежище, в те счастливые дни, когда к ним приходила Нейда и они отправлялись на свидания с ней у Гребня, когда серая мышка-мать счастливо жила со своими мышатами в коробке на их полке. Питер совсем забыл то время, но теперь вдруг все вспомнил. Его хозяин опять стал прежним Веселым Роджером.

В это тихое ясное утро песня Мак-Кея разносилась на милю вокруг. Но он больше ничего не боялся. Как вьюга словно обновила мир, так солнце рассеяло уныние в его душе. Оно обещало счастье. Удача была на его стороне.

Жизнь была на его стороне. Природа, которую он так любил, снова раскрывала ему свои объятия, и он пел, словно от Нейды его отделяла всего лишь миля, а не тысяча миль.

Когда после завтрака они снова тронулись в путь, Веселый Роджер расхохотался при мысли о том, как Брео ищет его след, уничтоженный ветром, снегом и огнем. Это было не по силам никакому человеку, даже Хорьку. Весь первый день их пути на юг солнце сияло в небе с восхода до заката. Ни единое облачко ни разу не омрачило его блеска. И настолько потеплело, что Веселый Роджер отбросил меховой капюшон и поднял уши своей шапки. А ночью в небе загорелись мириады звезд.

После этих первых суток надежды Веселого Роджера и его собаки переросли в неколебимую уверенность. Питер знал, что они идут на юг, куда ему всегда хотелось вернуться, и каждый вечер у костра Мак-Кей отмечал карандашом на листке бумаги, сколько они прошли за день и сколько еще им остается пройти. Он уже ни в чем не сомневался. Он и не думал о том, что у Гребня Крэга что-нибудь могло перемениться: Джек Хокинс был убит, а Нейда осталась у старичка миссионера, которому он ее поручил. И он беззаботно предвкушал радость их встречи. Единственной угрозой был Брео и другие ищейки закона. Но если он их перехитрит, то увидится с Нейдой.

Они неуклонно шли на юго-запад, пока не добрались до Телона, а оттуда в метель и лютые морозы направились через дикие леса, не нанесенные ни на одну карту, к замерзшим речкам озера Дубонт. За первые три недели они только один раз приблизились к человеческому жилью — Веселый Роджер свернул к небольшому индейскому стойбищу купить мяса карибу и мокасины для Питера. Потом на пути к озеру Годе они дважды останавливались в хижинах трапперов.

В начале марта они добрались до бассейна Потерянного озера; теперь до Гребня Крэга оставалось триста миль. И вот там Питер учуял под мягким снежком мерзлые куски оленьего мяса — отравленную приманку для волков, которую разбросал Буало, траппер-француз. Веселый Роджер уже разложил костер и начал разогревать олений жир, собираясь испечь лепешку, когда к нему подполз Питер, волоча задние ноги, уже парализованные действием стрихнина. В одно мгновение Мак-Кей влил весь теплый растопленный жир в горло Питеру и, поспешно разогрев новую порцию, закатил ему и вторую дозу, так что в конце концов Питер срыгнул отравленное мясо.

Полчаса спустя Буало, который мирно обедал у себя в хижине, удивленно вскочил на ноги: дверь без стука распахнулась, и порог перешагнул незнакомец с бледным, перекошенным лицом, держа на руках безжизненное тело собаки.

И долго после этого тень смерти витала над охотничьей хижинкой француза. Для Буало, хотя он горячо сочувствовал собрату-трапперу и жалел, что из-за его приманки случилась такая беда, Питер тем не менее был «всего-навсего собакой». Но когда он увидел, как дрожат широкие плечи незнакомца, склонившегося над парализованным псом, и услышал, какого горя исполнены бессвязные слова, срывающиеся с побелевших губ, он почувствовал даже некоторый страх. Питер лежал как мертвый, и Веселый Роджер вдруг обхватил руками его неподвижное тело и, прижав лицо к жестким кудряшкам на шее, начал просить его открыть глаза, не умирать. Буало перекрестился, ощупал Питера и принялся растолковывать Мак-Кею, что собака жива, что ее сердце бьется ровно и сильно, а паралич, вызванный ядом, как будто начинает проходить. Мак-Кей посмотрел на француза, как на чудотворца. Он выпустил Питера из объятий, отодвинулся и, стоя на коленях возле нар, молча наблюдал, как Буало, заняв его место, вливает Питеру в горло теплое консервированное молоко. Вскоре глаза Питера открылись, и он глубоко вздохнул.

Буало оглянулся и пожал плечами.

— Он хорошо дышит, мосье... Яд уже перестал действовать. Ваша собака не умрет.

Мак-Кей ошеломленно поднялся на ноги. Он пошатнулся и тут только почувствовал, что лицо у него мокро от слез. Из его груди вырвался смех, похожий на рыдание, он отошел к окну и уставился, ничего не видя, на белый лес за окном. Он не раз встречался со смертью лицом к лицу, но никогда еще ее присутствие не наводило на него такого ужаса, как в этот час, когда она совсем близко подступила к Питеру, верному товарищу его скитаний.

Когда он отвернулся от окна, Буало уже укутал Питера в одеяло и укрыл его медвежьей шкурой. Но прошло много дней, прежде чем Питер совсем оправился от изнурительной болезни, которую вызвало у него отравление.

Весна рано пришла на Север в этом году. К югу от Оленьего озера снег начал сходить во второй половине марта, а в первую неделю апреля на реках уже таял лед. Дули юго-западные ветры, и Буало повторял, что такой теплоты в это время года тут еще никогда не бывало. К концу первой недели апреля Питер совсем окреп, и

Мак-Кей снова отправился в путь.

Часть зимнего снаряжения он оставил в хижине Буало и теперь путешествовал налегке, рассчитывая добраться до Гребня Крэгга прежде, чем новорожденная «луна гусяного перелета» пойдет на ущерб. Однако Питер в первые дни быстро уставал, и пока краснота по ободку его глаз не исчезла совсем. Веселый Роджер вынужден был умерять свое нетерпение, так что «луна гусяных перелетов» уже сменилась майской «лягушачьей луной», когда они наконец спустились по последнему склону Водораздела и оказались среди лесов и озер Южной Канады.

Роджер был так рад, что ему уже казалось, будто не беда, а милость судьбы задержала его в пути для того, чтобы он вернулся «домой» в самый разгар весны. Всюду вокруг слышалась таинственная музыка обновления и пробуждения жизни. Ею дышали и небо, и солнце, и благоуханная земля, по которой ступали его ноги, и одетые первой зеленой, дымкой деревья, и щебет птиц, вернувшихся с юга. Его приятельницы сойки снова кричали хрипло и весело, ссорясь и хвастая в теплых солнечных лучах; над полянами мелькал черный атлас вороньих крыльев; дятлы, сорокопуты и ореховки летали взад и вперед, хлопотливо занимаясь устройством гнезд; куропатки пировали, склевывая набухшие тополиные почки, а в золотой час заката он услышал песню первой малиновки.

И до Гребня Крэгга оставался один день пути!

Эту последнюю ночь Веселый Роджер просидел у костра, куря трубку и лишь изредка задремывая. Чуть только небо начало сереть, он уже отправился в путь, шагая так быстро, что Питер, против обыкновения, бежал не впереди него, а сбоку, и еще задолго до полудня они увидели впереди горную грядку, за которой лежало болото индейца Тома, луга Нейды и Гребень Крэгга.

В полдень Веселый Роджер вышел к перевалу. Он тяжело дышал, потому что ему не терпелось поскорее увидеть знакомые места и он взбирался по обрывистому склону почти бегом. Но вот, еле переводя дух, он устремил жадный взгляд на знакомую долину и не сразу понял, что означает открывшийся перед ним вид. А в следующую минуту сердце оборвалось у него в груди.

У его ног всюду, насколько хватало глаз — на восток, на запад и на юг, — простиралась черная пустыня пожарища. Огонь добрался до подножия гряды, на гребне которой стоял Веселый Роджер, и там, где он бушевал, нельзя было заметить ни единого признака весны, развернувшей свое великолепие у него за спиной. Мак-Кей посмотрел туда, где стояла хижина индейца Тома. На месте лесного болота виднелись теперь только тысячи черных пней и обугленных стволов, оставшихся от дремучей чащи елей, кедров и сосен, где по ночам выли волки.

Он искал глазами лес ниже по течению Быстрого ручья, где прежде стояла хижина старичка миссионера и где в своих мечтах он встречал Нейду. Но вместо этого леса он увидел черный, унылый пустырь.

Тогда он перевел взгляд на Гребень Крэгга и увидел встающие из-за его лысой бесплодной вершины обугленные стволы — знаки гибели и опустошения, уродующие весеннюю синеву небес.

У него вырвался крик, полный отчаяния и ужаса, — сбылось пророчество Желтой Птицы! На этот раз он вспомнил, как она говорила, что у Гребня Крэгга его ждет только чернота и что там он не найдет Нейды. В его ушах словно звучал музыкальный голос индианки, вновь и вновь повторяющий эти слова.

Застонав, Мак-Кей как безумный сбежал в долину и, не выбирая пути, торопливо зашагал напрямик через завалы и груды золы. Питер с трудом поспевал за ним. Через полчаса они добрались до того места, где стояла хижина миссионера, и увидели пепелище, на котором валялись черные головни. От тропы не осталось и следа. Прежний райский уголок исчез, погубленный пожаром, мрачное клеймо которого неизгладимо легло на землю. Питер услышал всхлипывающие звуки в горле своего хозяина. Он и сам понимал, что случилась какая-то беда; он осторожно нюхал воздух, зная, что они вернулись домой, — и все-таки это был не дом! Он инстинктивно поглядел на Гребень Крэгга, и Веселый Роджер, заметив, что Питер пристально смотрит на расселину, за которой стояла хижина Джеда Хокинса, внезапно воспрянул духом. Возможно, пожар туда не добрался, и, значит, Нейда там, а может быть, и отец Джон...

Мак-Кей пошел к расселине. До нее было около мили, и с каждым шагом его надежда угасала, так как он видел вокруг все больше свидетельств того, какой огненный океан захлестывал склоны Гребня. Они пересекли луг, где когда-то в молодом ельнике цвели фиалки и алела земляника. Когда они спустились в неглубокую ложбину, Питер вновь услышал всхлипывающий звук и вдруг узнал это место: прежде здесь была полянка, где они с хозяином встречали Нейду. И тут Питер, забыв про хозяина и про осторожность, опрометью бросился к расселине, разделявшей Гребень Крэгга пополам.

Веселый Роджер тоже побежал, и когда расселина осталась позади, ноги у него подкашивались от

нечеловеческого напряжения и страха. Задохнувшись, он вскрикнул от радости и прислонился к скале. Впереди расстилалась та же черная пустыня, что и позади, но хижина Джеда Хокинса уцелела! Огонь подкрался к самому ее порогу и погас!

Мак-Кей пошел к прежнему жилищу Нейды и у закрытой двери увидел Питера: пес стоял неподвижно, словно чем-то встревоженный. Веселый Роджер толкнул дверь, и в лицо ему пахло сыростью. Хижина была пуста. Ее наполнял могильный сумрак.

Мак-Кей заставил себя переступить порог. Топоча лапками, кинулась в щель тощая лесная крыса, зашелестели обрывки бумаги, и все погрузилось в безмолвие смерти. Дверь комнатки, где спала Нейда, была открыта, и он прошел туда. Его взгляд упал на голые доски кровати — больше ничего в комнате не было.

Веселый Роджер бродил по хижине точно оглушенный, а Питер бесшумно следовал за своим хозяином. Они вышли наружу, и Веселый Роджер вдруг увидел, что в отдалении над пустыней пожарища что-то угрюмо торчит. Это был крест, наспех сколоченный из двух молодых деревьев, — пламя обуглило их, но крест остался стоять, черный и зловещий.

Он медленно сжал кулаки: под этим крестом покоились останки Джеда Хокинса, гнусного негодяя, погубившего его жизнь.

Мак-Кей вернулся в хижину и вошел в комнату Нейды, затворив за собой дверь. Питер остался снаружи сторожить и очень долго просидел на крыльце, не слыша в хижине ни единого звука.

Когда хозяин вышел к нему, его лицо было бледно и сурово. Веселый Роджер посмотрел в ту сторону, где прежде темнел лес, через который он бежал в грозовую ночь к хижине Муни. Теперь леса не было и в помине, но тропа сохранилась, и Мак-Кей узнал тот поворот, где лежал мертвый Джед Хокинс. Еще полмили — и они вышли к железной дороге. По-видимому, здесь пожар достигал наибольшей силы — в черных даях, освещенных заходящим солнцем, не было заметно не только признаков жизни, но и ни одного уцелевшего дерева.

И вдруг Веселого Роджера охватил страх, который был ужаснее отчаяния, терзавшего его до этой минуты. Вокруг него простиралось черное кладбище — пожар пожрал тут все. А что, если Нейде и миссионеру не удалось спастись? Этот страх стал еще сильнее, когда солнце зашло и на землю опустилась темнота, принося с собой сырой холод и тяжелый запах гари.

На обратном пути к хижине Мак-Кей не разговаривал с Питером. В первой комнате на подоконнике стояла лампа, а за плитой лежали дрова. Веселый Роджер молча затопил плиту, подрезал фитиль в лампе и зажег ее. А Питер, точно испугавшись призраков минувшего, забился в угол и лежал там без движения. Мак-Кей не стал ужинать и не закурил; он долго сидел не шевелясь, потом взял одеяла, прошел в комнатку Нейды и расстелил их на кровати. Он задул лампу и улегся, глядя в окно, через которое на Нейду столько ночей смотрела луна. Эта ночь тоже была лунной. Небо на востоке посветлело, а вскоре из-за зубчатого отрога выглянула луна, озарив унылое пожарище и залив комнату мягким сиянием. Небо было ясным, и ни единое облачко не заслоняло круглый диск полной луны, которая, казалось, улыбалась в окошко, не зная, что Нейды тут больше нет и она напрасно освещает голые стены. Веселый Роджер вдруг понял, почему Нейда любила луну больше солнца. Лунные лучи отгораживали ее от всего мира, и Роджеру почудилось, что он видит тоненькую фигурку сидящей на постели девушки, слышит стук ее сердца, различает ее лицо и тонкие руки, простертые к луне. Сколько раз Нейда рассказывала ему о том, как она здороваается с ночным светилом и ищет взглядом улыбающееся лицо Лунного Человека, ее небесного друга, товарища ее игр!

На мгновение Роджеру стало легче, но тут луна, словно заметив чужого в этой маленькой комнате, скрылась за облако, и все вокруг потемнело. Однако облако пронеслось, и вдруг Веселый Роджер увидел Лунного Человека. Никогда еще он не видел его так ясно, хотя Нейда не раз с очаровательной наивной верой рассказывала ему, как она дружит с Лунным Человеком, и объясняла, какие разные выражения бывают у его лица: иногда он выглядит больным, а иногда — здоровым; порой он счастливо улыбается, а порой смотрит грустно и сурово, мучимый каким-то таинственным горем, о котором она ничего не знает.

«Стоит мне посмотреть на Лунного Человека, и я всегда знаю, будет ли у меня легко на сердце или тяжело, — говорила она. — Он не забудет сказать мне об этом, даже если небо затянуто тучами и ему редко-редко удастся выглянуть в щелочку. И он очень много знает про вас, мистер Веселый Роджер, потому что я ведь ему обо всем рассказываю».

Мак-Кей осторожно встал с кровати и вышел в соседнюю комнату, а оттуда на крыльцо, и Питер с недоумением смотрел на фигуру своего хозяина, темную и неподвижную, как обгорелые стволы кругом, и даже взглянул на небо, стараясь понять, что увидел там Веселый Роджер. Но там не было ничего нового — все это он уже видел

сотни раз: бесчисленные звезды, плывущую между ними царицу-луну, прозрачные, похожие на паутину, облачка и безмолвие — великое тихое безмолвие, точно сладкий сон, когда морда лежит на коленях у хозяина. Потом Питер услышал, как Веселый Роджер негромко сказал:

— Вот видишь, Желтая Птица говорила правду. Она ведь предупреждала, что тут все будет черно. Так оно и есть. И значит, мы разыщем Нейду там, где она обещала, — в Далекое Краю, в стране, которая лежит за лесами и болотами, там, где мы никогда не бывали, хотя и прошли немало тысяч миль по диким просторам. Там люди по воскресеньям сидят в душных церквах, и они будут смеяться над нами, Хромуля, потому что мы на них не похожи. Там мы разыщем Нейду. Отсюда ее прогнал пожар, и она ждет нас теперь в каком-нибудь поселке. Он говорил твердо и убежденно, и тоскливое выражение исчезло с его лица, повернутого к светлому небу.

Потом он добавил:

— Сегодня мы не будем спать, Питер. Мы пойдем дальше вместе с луной.

Полчаса спустя две одинокие фигуры — человека и собаки — исчезли в направлении ближайшего поселка, до которого было миль пятнадцать. Луна смотрела им вслед и как будто одобрительно улыбалась.

17

Из хижины Мак-Кей сначала пошел к большому утесу неподалеку от расселины, и Питер услышал, как с губ его хозяина сорвался смех, который не был смехом. Но он не поднял курчавую морду, а только тихонько заскулил. Он никак не мог понять, что, собственно, произошло и почему прежний дом так неузнаваемо изменился. Весь день, весь вечер и с тех пор, как вошла луна, он пытался разобраться в этом. Он знал, что вернулся в родные места, но тут не было зеленой травы, а бесчисленные деревья превратились в обугленные пни. Вырубку уже не окружали дремучие леса. А там, где они с Нейдой бегали наперегонки среди цветов. Гребень Крэгга был теперь совсем голым, и от опаленной земли тянуло тяжелым мертвым запахом. Все это по-своему, по-собачьи он еще мог осмыслить, но одно оставалось совершенно непонятным: почему в хижине не было Нейды, почему она не ждала их здесь, хотя мир и переменялся.

Он сел, и Веселый Роджер снова услышал тоскливое поскуливание. В этом собачьем горе человек нашел некоторое утешение: было существо, которое разделяло с ним его отчаяние. И он ласково потрепал своего товарища рукой, почерневшей от сажи.

— Питер, вот с этого утеса, с этого самого места, на котором мы теперь стоим, я в первый раз увидел ее. Давно это было, — сказал он, стараясь придать бодрость охрипшему голосу. — А помнишь ельник вон там? Ты сидел у нее на коленях, маленький такой несмышлениш, запутался лапами в ее волосах и так сердито ворчал, что я тебя услышал еще издали. И тут я наступил на сучок, а она оглянулась, и я опять подумал, какая она красавица — совсем еще девочка, глаза как синие цветы, волосы блестят на солнце, а на щеках следы слез. Она плакала, Хромуля, из-за этого негодяя, который лежит вон там под крестом. Помнишь, как ты затыкал на меня, когда я подошел к вам, Питер?

Питер завилал хвостом.

— То было началом, — сказал Роджер. — А это, кажется, конец. Но... — Он сжал кулаки, и его тень на скале гневно метнулась. — Но мы найдем ее, прежде чем наступит конец, — продолжал он вызывающе. — Мы найдем ее, Хромуля, даже если нам придется искать по поселкам прямо на глазах у полиции.

Он зашагал по каменистому склону, и стук его сапог гулко отдавался в окружающей мертвенной тишине. Мак-Кей снова пошел по тропе, которая вела к хижине Муни за извилистой железнодорожной линией, уходившей от Форт-Уильяма на восемьдесят миль в леса. Эта железнодорожная линия называлась «П.Д.В.» — «Порт Артур — Дулут — Вестерн». Но путь так и не был доведен до Дулута, и некоторые остряки расшифровывали эти буквы так: «Путаница, Дикость, Воровство». Не раз Веселый Роджер смеялся над всякими нелепостями, о которых рассказывала ему Нейда. Например, с поездом, проходившим здесь лишь два раза в неделю, всегда ездил ремонтная бригада; летом и осенью машинист и кондукторы собирали ягоды по лесам и ставили капканы, а как-то даже затравили медведя и гнались за ним чуть ли не до самого озера Уайтфиш, а поезд тем временем стоял посреди чистого поля и ждал. Поезд она прозвала Пушечным ядром, потому что он однажды прошел за сутки шестьдесят девять миль. Но когда в эту ночь Веселый Роджер в сопровождении Питера выбрался на железнодорожное полотно, ему не хотелось смеяться. Узкая темная насыпь, словно горестная строка из трагедии, уходила во мрак, теряясь в жутком море черноты.

Снова человек и собака остановились, вспоминая о том, что здесь было прежде. Питер опять заскулил, и что-то толкало его залаять на луну, как он часто лаял на нее, смеша Нейду, в дни, когда был еще беззаботным щенком. Но хозяин пошел дальше, и Питер покорно поплелся сзади, ступая по неровным шпалам. Кругом тянулся черный хаос, а над головой простиралось озаренное луной небо, и во всем был оттенок какой-то жуткой

нереальности. Серебро и золото лунных лучей не могло осветить черного пепелища, и хотя в вышине путники ясно видели даже самые легкие облачка и самые далекие звезды, вокруг них там, где прежде шумели полные жизни леса, была мрачная пустота. Только две стальные полосы поблескивали в лунном сиянии да обугленные стволы угрюмо рисовались на фоне звездного неба.

Питер страдал не из-за того, что ничего не видел вокруг — его угнетало и мучило отсутствие знакомых звуков и запахов. И, весь насторожившись, он ждал, что вот-вот случится какая-то беда. Много ночей он бежал вот так рядом с хозяином во время их бесконечных скитаний, и бывало, что луна и звезды не светили совсем, так что они находили дорогу ощупью. Но всегда внизу, вокруг и наверху он чувствовал присутствие жизни. А вот в эту ночь жизни не было нигде — он не ощущал ее запаха, не слышал зова ночных птиц, шелеста совиных крыльев, плеска уток, крика гагар. Он напрасно напрягал слух, надеясь услышать хруст валежника и шепот ветра в ветвях. Его чуткий нос не улавливал ни мускусного запаха норки, ни резкой вони лисицы, ни чуть заметного запаха куропатки, кролика или толстого дикобраза. И ниоткуда не доносилось никаких звуков — ни волчьего воя, ни дробного постукивания тяжелых рогов лося о молодые деревья, ни даже лая собаки какого-нибудь траппера.

Земля молчала, и в ее молчании было что-то жуткое. Питеру даже казалось, что страшное и невидимое существо старается приглушить шаги его хозяина. Мак-Кей, который тоже замечал все, что так смущало Питера, в отличие от него, понимал причину гнетущей тишины, и его постепенно охватывал страх. Полное отсутствие какой-либо жизни вокруг показывало, насколько опустошителен был пожар. Ведь ни люди, ни животные не вернулись сюда, хотя пожар, судя по всему, случился еще прошлой осенью, около полугода назад. Сожженный край превратился в могилу, и глубокая кладбищенская тишина показывала, что пепелище простирается на многие мили.

И с этой мыслью пришла ужасная догадка, что в подобном огненном море неминуемо должно было погибнуть много людей. Ведь огонь обрушивался на них с внезапностью приливной волны, пронесся по лесам с быстротой призового скакуна, и только это узенькое железнодорожное полотно было ненадежной спасительной нитью. Во многих местах люди могли избежать гибели только чудом. А в смолистых хвойных лесах, среди которых жила Нейда, пожар, конечно, бушевал с наибольшей силой. И, борясь с ледяным ужасом, сковывавшим его сердце, Мак-Кей вспомнил про седого старичка миссионера, отца Джона, в хижине которого укрылась Нейда в ту далекую грозовую ночь, когда Дждед Хокинс лежал мертвый на тропе, устыв единственный невидящий глаз в темное небо, раздираемое вспышками молний. Отец Джон тогда обещал ему позаботиться о Нейде, и теперь Мак-Кей твердил себе, что миссионер, конечно, сумел спасти ее от огненной смерти, которая накатывалась на них, как лавина. Он говорил себе, что иначе быть не может. Он даже выкрикнул эти слова, и Питер, услышав его голос, подбежал и ткнул мордой в ногу хозяина.

Но страх не исчез. Наоборот, он все больше терзал Веселого Роджера. Мак-Кею дважды в его жизни довелось бежать наперегонки со смертью во время лесного пожара. Но те пожары не шли ни в какое сравнение с этим. Веселому Роджеру вдруг показалось, что он слышит рев огня, что корчащаяся в пламени земля содрогается у него под ногами, что над головой у него, рассыпая искры, проносятся горящие головни, а все вокруг затянуто смрадным дымом. Всего несколько часов назад он видел место, где прежде стояла хижина отца Джона — и там и вокруг были только уголь и зола. Что, если огонь застал их врасплох и им некуда было бежать?..

Он крикнул, не находя сил смириться с неизбежным:

— Этого не может быть, Питер! Не может! Они добрались до железной дороги... или до озера... и мы найдем их в каком-нибудь поселке.

Он остановился и взгляделся в лунный сумрак слева. То, что он там увидел, заставило его спуститься с насыпи, под которой тянулась канава, наполовину заполненная жидкой черной грязью. Это были остатки хижины заготовщика шпал — куча обгоревших бревен, разметенная ветром зола. Даже здесь, у самой железнодорожной насыпи, огонь пожрал все.

Мак-Кей опять перебрался через канаву, утонув по колено в грязи, и пошел дальше. Он напрягал все душевные и физические силы, чтобы отогнать от себя безумие. Вновь и вновь он повторял вслух, что Нейда и миссионер спаслись, что он отыщет их в одном из поселков. Про полицию он и не вспоминал. Какая разница, что случится с ним? Лишь бы ему удалось найти Нейду, убедиться, что она жива, прежде чем его настигнет погоня или он попадет в засаду. Тем не менее он сознавал, что ему следует соблюдать осторожность, хотя он и готов был рисковать чем угодно, только бы увидеть Нейду.

Они шли по путям около часа, а луна, заходящая на западе, словно обернулась, чтобы еще раз посмотреть на них. Позади них, когда они оглядывались, зияла черная бездна, а впереди, там, куда падали лунные лучи,

маячили смутные тени и даже можно было что-то рассмотреть. Дважды они замечали за мертвыми стволами серебряный блеск озер и около мили шли вдоль речки, слушая ее дружелюбное журчание. Но даже и здесь, где вода готовилась приветствовать жизнь, жизни не было и следа.

Прошел еще час, и Веселый Роджер с бьющимся сердцем все упорнее напрягал зрение, стараясь рассмотреть, что кроется в сумраке перед ним. До ближайшего поселка оставалось около мили — до поселка с лесопильней, деревянными плоскими горами опилок, с аккуратными деревянными домиками и лавкой, где лес подступал к самым дверям. Конечно же, обитатели поселка отстояли его от огня, и там он найдет Нейду с миссионером. Ведь отец Джон часто посещал этот поселок румяных голубоглазых финнов-переселенцев.

Но они шли и шли, а лая собак по-прежнему не было слышно, и ни один огонек не разрывал непроницаемую стену мрака. Вот наконец они миновали поворот и мост над узенькой речкой. Мак-Кей знал, что отсюда он мог бы добросить камень до первого дома поселка. Минуту спустя он окаменел на месте, ахнув от ужаса: поселка не было. На фоне лунного неба не вырисовывалось ни единого дома, ни единого живого дерева. Там, где стояла лавка и маленькая церковь, выкрашенная белой краской, глаз не различал ничего, кроме все той же смутной тьмы.

Веселый Роджер опять спустился с насыпи и долго стоял прислушиваясь, так что Питер боялся пошевелиться. Затем, приставив руки рупором ко рту, Веселый Роджер громко закричал, и Питер испуганно вздрогнул. Но на крик не отозвался никто — только глухое эхо прокатилось во мраке. От поселка не осталось и следа. Даже горы опилок огонь сровнял с землей.

Веселый Роджер вновь поднялся на насыпь и зашагал дальше, хрипло и тяжело дыша. Здесь побывала смерть — смерть внезапная и беспощадная. И если такая судьба постигла финский поселок, если эти сильные женщины и еще более сильные мужчины не смогли отстоять от огня свои дома, то что же могло произойти в хижине, где жили старичок миссионер и Нейда?

Мак-Кей забыл, что рядом бежит Питер. Он думал только об одном: найти хоть одного живого человека. То и дело он пускался бегом и замедлял шаг лишь для того, чтобы немного отдышаться и прислушаться. И вот во время одной из таких передышек Питер первым расслышал живой звук: откуда-то издали доносился собачий лай.

Через полмили они увидели темный силуэт хижины, вокруг которой не вставали вопросительные знаки обгорелых стволов. В окнах не светилось ни единого огонька, но из-за хижины снова донесся собачий лай, и Веселый Роджер бросился туда. Под его подошвами теперь не шуршала зола, и он понял, что наткнулся на первый оазис жизни в этой спаленной пустыне. Он забарабанил кулаками по двери и вскоре услышал, как заскрипела кровать под тяжелым мужским телом, а потом раздался женский голос... Мак-Кей постучал еще раз, и в окне мелькнул огонек зажженной спички. Заскрипел засов, дверь открылась, и Веселый Роджер увидел перед собой мужчину в ночной рубашке, с грубым насупленным лицом и жесткой бородой. В руке он держал лампу.

— Прошу прощения, что разбудил вас, — сказал Веселый Роджер, — но я всю зиму провел на севере и вот вернулся к друзьям, а тут, кроме гари, ничего нет. Вы первый, кого я могу о них спросить.

— А где они жили-то? — пробурчал бородач.

— У Гребня Крэгга.

— Господи боже ты мой! — донесся из глубины комнаты голос женщины.

— У Гребня Крэгга было самое пекло, да еще поздней ночью, — объяснил мужчина.

Веселый Роджер уцепился за косяк, чтобы устоять на ногах.

— Так, значит...

— Там мало кто спасся, — пробурчал бородач, словно желая поскорее избавиться от непрошеного гостя и снова лечь спать. — Если это вы про Муни, так он сгорел. И Робсон, и швед Джейк, и вся семья Адамсов — никто живым оттуда не выбрался...

— Нет-нет, — перебил Веселый Роджер, в чьем сердце надежда боролась с отчаянием, — я хотел узнать у вас про отца Джона, миссионера, и про Нейду Хокинса... которая жила у него... а может быть, у своей приемной матери в хижине Хокинса.

Мужчина покачал головой и привернул фитиль лампы.

— Ни про девушку, ни про старую ведьму, ее мамашу, я ничего не знаю, — ответил он. — А вот миссионер — так он спасся и ушел куда-то в поселки.

— Один или с девушкой?

— Никакой девушки с ним не было, — опять донесся женский голос, и кровать заскрипела так, что Питер

насторожил уши. — Отец Джон побывал у нас на второй день, как пожар кончился, и сказал, что хоронит мертвых. Нейды Хокинс с ним не было. И он не говорил, кто погиб, а кто спасся, да только...

Муж повернулся к ней, и она умолкла.

— Что вы знаете? — спросил Веселый Роджер, переступая порог.

— Знать-то я не знаю, — ответила женщина, — а только думаю, что она не спаслась. Ведь старуха, жена Хокинса, попала в огонь, когда бежала к озеру.

Бородач взялся за дверь, явно собираясь ее захлопнуть.

— Ради бога, погодите, — умоляюще сказал Веселый Роджер, упираясь в дверь плечом. — Ведь кто-то же спасся с Гребня Крэгга и из окрестностей?

— Половина, а то и меньше, — ответил бородач. — Я же вам говорю, что там было настоящее пекло. И хуже всего то, что огонь добрался туда в глухую ночь. А двигался он побыстрее курьерского поезда. У нас здесь расчищено двадцать акров и хижина стоит в самой середке, а все-таки мне бороду опалило, а ей волосы. И руки мы себе пообожгли. А свиньи все от жара передохли. Может, хотите заночевать здесь, приятель?

— Нет, я пойду дальше, — сказал Роджер, леденея от ужаса. — А далеко еще до конца гари?

— Миль с десять будет. Пожар там и начался, ветер дул со стороны следующего поселка.

Роджер попятился, дверь затворилась. Когда они поднялись на насыпь, он увидел, что свет уже погас, а вскоре и лай собаки замер далеко позади. Теперь Мак-Кей ощущал невероятную усталость. Надежда больше не поддерживала его, и начинало сказываться утомление двух бессонных ночей: он шел медленно, все чаще спотыкаясь о неровные шпалы. Однако он упорно гнал от себя мысль, что Нейда умерла; он так часто повторял: «Не может быть, не может быть», что эти слова звучали в его ушах, словно припев какой-то песни. А перед его глазами маячило бледное, худое лицо миссионера, который поклялся заботиться о Нейде и заходил в хижину бородачато поселенца один!

Они шли еще два часа и наконец добрались до леса, не пострадавшего от огня. Веселый Роджер расстелил одеяло под густой елью, и там они дождались рассвета. Питер растянулся на земле во всю длину и уснул, но Веселый Роджер долго сидел, прислонясь к стволу, и только когда небо начало бледнеть, ненадолго забылся в беспокойной дремоте. Его разбудило щебетание проснувшихся птиц, и он умылся в холодной воде ручья поблизости. Питер недоумевал: хозяин не развел костра, не покормил его!

Они ночевали неподалеку от поселка и пришли туда на заре. Во всех домах еще спали, и только из одной трубы в ясное утреннее небо подымался дымок. Дверь этой хижины распахнулась, на крыльцо вышел молодой человек, зевнул, потянулся и посмотрел вверх, прикидывая, какой обещает быть погода. Затем он направился в бревенчатую конюшню, и Веселый Роджер пошел за ним туда. В отличие от бородача молодой человек приветствовал его дружеской улыбкой.

— Доброе утро! — сказал он. — Раненько же вы поднялись...

Тут он заметил сажу на одежде и сапогах Веселого Роджера и землистую бледность его лица.

— Вы только что пришли сюда? — спросил он сочувственно. — Оттуда?

— Да, оттуда. Я давно не был в этих местах и пытаюсь узнать, удалось ли спастись моим друзьям. Вы знаете отца Джона, миссионера, который жил у Гребня Крэгга?

Молодой человек кивнул.

— Знаю, — ответил он. — Он хоронил моего брата три года назад. Если вы ищете его, так он жив и здоров. Через неделю после пожара он перебрался в Форт-Уильям — а было это в сентябре, восемь месяцев назад.

— А с ним не было девушки, Нейды Хокинс? — спросил Веселый Роджер, стараясь не выдать волнения, с каким он ожидал ответа.

Молодой человек покачал головой.

— Нет, он был один. Он ночевал у меня по пути в Форт-Уильям и ничего не говорил про девушку, которую звали бы Нейда Хокинс.

— А о других он говорил?

— Он был очень измучен и совсем убит случившимся несчастьем. По-моему, он вообще никого не упоминал. Тут молодой человек заметил, что лицо Веселого Роджера посерело еще больше, и увидел отчаяние, которое тому не удалось скрыть.

— Но через наш поселок прошло немало девушек, спасшихся от пожара. И с родными и поодиночке, — сказал он ободряюще. — А как выглядела Нейда Хокинс?

— Она была совсем девочка. Я ее так и называл, — ответил Веселый Роджер холодным, мертвым голосом. — Ей восемнадцать лет, она очень красивая. У нее синие глаза и каштановые волосы, которые вьются и всегда

падают ей на лоб. Вы бы ее не забыли, если бы увидели хоть один раз.

Молодой человек ласково положил руку на плечо Мак-Кея.

— Здесь она не проходила, — сказал он. — Но, может быть, вы найдете ее где-нибудь еще. Не хотите ли позавтракать со мной? У меня ночует один человек. Он идет как раз в те края, откуда вы сейчас пришли. Он кого-то разыскивает и, может, узнает от вас что-нибудь полезное. Он думает побывать у Гребня Крэга.

— У Гребня Крэга? — повторил Веселый Роджер. — А как его зовут?

— Брео, — ответил молодой человек. — Сержант Брео из королевской северо-западной конной полиции.

Веселый Роджер отвернулся и погладил шею лошади, которая терпеливо ждала утренней порции овса. Но когда его ладонь легла на шелковистую шерсть, он ничего не почувствовал. Сердце его налилось свинцом, и он ответил не сразу. Потом он сказал:

— Большое спасибо, но я уже позавтракал, а сейчас я иду в леса на северо-запад, к Рейни-ривер. И лучше не говорите этому Брео про меня, а то он подумает, что я хотел от него что-то утаить. Но... Если вы любите своего умершего брата... вы поймете, что мне сейчас тяжело разговаривать с чужими людьми.

Молодой человек опять дружески положил ему руку на плечо.

— Я все понимаю, — сказал он, — и от души надеюсь, что вам удастся ее отыскать.

Они молча пожали друг другу руки, и Веселый Роджер поспешил уйти подальше от хижины, над трубой которой курился первый дымок.

Три дня спустя в городок Форт-Уильям пришел человек с собакой, который искал спасшихся от пожара миссионера, некоего отца Джона, и молодую красивую девушку по имени Нейда Хокинс. Он зашел сперва в старинную миссию, под защитой крепких стен которой еще в прошлом веке торговцы выменивали меха у индейских охотников. Отец Августин, глубокий старец, беседовавший с неизвестным, после его ухода сказал, что тот, наверное, болен, а может быть, даже и помешан.

И действительно, Веселого Роджера томило такое отчаяние, что оно граничило с безумием. Он уже не верил, что Нейде удалось спастись от огня, хотя и не нашел никаких прямых доказательств ее смерти. Впрочем, последнее не имело большого значения, так как во время сентябрьского пожара многие пропали без вести, и, хотя был уже май, о их судьбе никто ничего не знал. Зато он всюду слышал, что отцу Джону удалось спастись, что его видели здесь, и видели одного.

Отец Августин, кроме того, сказал ему, что в сентябре отец Джон провел несколько дней у них в миссии, намереваясь затем отправиться на север, куда-то к озеру Пошкокаган.

Питеру и его хозяину нельзя было мешкать в Форт-Уильяме. Веселый Роджер Мак-Кей не сомневался, что Брео уже напал на их след и идет по нему с кровожадным упорством хорька — недаром же он получил такую кличку. Поэтому Мак-Кей пополнил свои запасы в маленькой лавчонке, рассчитывая, что Брео не сразу догадается наводить здесь о нем справки, и отправился через лес на север, к Пошкокагану. Он думал, что через пять-шесть дней найдет отца Джона и узнает от него всю правду, какой бы страшной она ни была.

Тягостное отчаяние хозяина сказалось и на Питере. Он не понимал слов, но чувствовал, что случилась непоправимая беда, и теперь в его повадках появилось что-то волчье, и он утратил прежнюю веселость. Его зрение и чутье были постоянно настороже, и он подозрительно прислушивался к малейшему шороху. А по ночам, когда они кончали ужинать возле крохотного костра, разведенного где-нибудь в глухой чаще, Питер дремал лишь вполглаза, готовый при малейшей тревоге вскочить на ноги.

После той ночи, когда они зашли в хижину бородатого поселенца, лицо Веселого Роджера осунулось и посерело. Не раз он обдумывал, как он поступит в ту неизбежную минуту, когда его наконец настигнет Брео, охотник за людьми. После того как он покинул Форт-Уильям, он принимал меры предосторожности больше по привычке, подчиняясь смутному инстинкту самосохранения, и встреча с Брео его теперь почти не пугала. Ему вовсе не хотелось оттягивать конец. Игра была долгой, интересной и захватывающей, но теперь он устал, и без Нейды будущее представлялось ему беспросветно унылым. Если она умерла, то и ему больше незачем жить. Эта мысль несла с собой какое-то странное успокоение, и он крепким узлом завязал ремешки своей кобуры. Когда Брео догонит его, этот узел яснее всяких слов скажет, что он сдается добровольно.

Мак-Кей и Питер шли по глухим дебрям к озеру Пошкокаган, а кругом ликовала и цвела прекрасная весна. От холодного дыхания зимы не осталось и помина, и теплое лето вступило в свои права на месяц раньше срока. Но Веселый Роджер впервые в жизни не замечал красоты обновленной земли. Первые цветы не радовали его, как бывало. Он больше не останавливался, чтобы полной грудью вдохнуть сладостный воздух, напоенный ароматом смолы. Он слушал птичье пение, но прежние струны не отзывались в его душе, и музыка разлившихся речек оставляла его холодным. В крике гагар ему чудился вопль неизбежного одиночества, а вокруг его глаза видели

только безжизненную пустыню.

Так он в конце концов добрался до речки Бернтвуд, впадающей в озеро Пошкокаган. И когда день начал клониться к вечеру, они с Питером услышали доносившийся из лесной чащи стук топора.

Они осторожно и бесшумно пошли на этот стук и вскоре у речной излучины посреди небольшой вырубki увидели хижину. Она была построена совсем недавно, и из трубы шел дым. Топор продолжал стучать немного в стороне, за еловой и березовой порослью. Мак-Кей и Питер свернули туда и почти сразу наткнулись на дровосека. Веселый Роджер вскрикнул — перед ним был отец Джон.

Несмотря на пережитую трагедию, седенький старичок словно помолодел с тех пор, как Веселый Роджер видел его в последний раз. Он уронил топор, и удивление на его лице сменилось радостью, когда он увидел, кто перед ним.

— Мак-Кей! — воскликнул он, протягивая руки. — Друг мой!

Он заметил, как переменился Веселый Роджер, заметил печать отчаяния на его лице, и радость в его взгляде сменилась сочувствием и жалостью. Их руки встретились в крепком пожатии, но они молчали — говорили только взгляды. Наконец миссионер сказал:

— Вы знаете? Вам кто-нибудь сказал?

— Нет, — ответил Веселый Роджер, опуская голову. — Мне никто не говорил. — Он думал о Нейде и о ее смерти.

Отец Джон крепче сжал его руку.

— Неисповедимы пути господни, — произнес он тихо. — Роджер, вы не убили Джеда Хокинса.

Веселый Роджер тупо смотрел на него, не зная, что сказать.

— Да, да, вы его не убивали, — повторил отец Джон. — В ту самую ночь, когда вы думали, что бросили его на тропе мертвым, он благополучно вернулся к себе домой. Но несколько дней спустя он, пьяный, отправился в скалы, оступился и разбился насмерть. Бедняжка его жена пожелала, чтобы его похоронили неподалеку от хижины...

Но Веселый Роджер думал не о Брео-Хорьке и не о том, что виселица ему больше не грозит. Голос отца Джона доносился словно откуда-то издалека:

— Мы говорили про это всем, кто отправлялся на Север, надеясь, что в конце концов кто-нибудь найдет вас и вы вернетесь. И она ждала, ждала все дни и ночи...

Кто-то шел к ним от хижины — девичий голос звонко пел песню. Лицо Мак-Кея стало серее, чем пепел костра.

— Господи! — прошептал он хрипло. — Я думал... я думал, она погибла в пожаре.

Только теперь отец Джон понял, почему так изменился Веселый Роджер.

— Да нет же, она жива! — воскликнул он. — На другой день после пожара я отправил ее в эти места с проводником-индейцем напрямик через леса. А позже я оставил для вас письмо в комитете помощи погорельцам в Форт-Уильяме. Я думал, что вы первым делом зайдете туда.

— И вот только туда-то я и не зашел! — воскликнул Веселый Роджер.

Нейда остановилась на краю вырубki, потому что из чащи на звук ее голоса выскочил какой-то странный зверь: собака, курчавая, как эрдель, с лапами гончей и тощим мускулистым телом лесного волка. Питер прыгнул на нее, как прыгал, когда был щенком, и с губ Нейды сорвался рыдающий крик:

— Питер! Питер! Питер!..

Услышав этот крик, Веселый Роджер выпустил руку отца Джона и бросился к вырубке.

Нейда стояла на коленях, обнимая косматую голову Питера, и растерянно смотрела на березовую поросль: оттуда выбежал человек и вдруг замер, словно ослепленный лучами заходящего солнца. И, ощущая ту же непереносимую слабость, она выпустила Питера и протянула руки к серой фигуре на опушке. Ее душили слезы, она хотела что-то сказать и не могла произнести ни слова. Минуту спустя к вырубке подошел отец Джон и осторожно выглянул из-за куста шиповника; он увидел обнявшуюся пару, вокруг которой бешено прыгал Питер, достал носовой платок, вытер глаза и тихонько побрел за топором, который уронил возле свежей поленницы.

Голова Роджера гудела, и в течение нескольких минут он не слышал даже заливистого лая Питера, потому что весь мир слился в судорожные вздохи Нейды и тепло ее прикосновения. Он ничего не видел, кроме повернутого к нему лица и широко открытых глаз. Да и лицо Нейды он видел словно сквозь серебристый туман и словно во сне чувствовал ее руки на своей шее — сколько раз он видел такие сны у ночных костров далеко на Севере!

Вдруг Нейда вскрикнула, и он очнулся.

— Роджер... ты сейчас... меня задушишь, — прошептала она, с трудом переводя дыхание, но сама не разжала

рук.

Только тогда он сообразил, что причиняет ей боль, и немножко отодвинулся, не отводя глаз от ее лица.

Если бы в эту минуту он мог увидеть себя таким, каким увидел его отец Джон, когда он вышел из леса, каким видела его сейчас Нейда, то гордость, радость и мужество бесследно улетучились бы из его сердца. С тех пор как они с Питером вышли к Гребню Крэгга, он ни разу не брился, и теперь его щеки покрывала жесткая щетина, давно не стриженные волосы были взлохмачены, глаза налились кровью от долгой бессонницы и вечного гнетущего отчаяния.

Но Нейда ничего этого не замечала. А может быть, эти свидетельства тоски и горя казались ей прекрасными. Теперь перед Веселым Роджером стояла уже не прежняя маленькая девочка. Нейда повзрослела, очень повзрослела, как показалось Мак-Кею. Она выросла, а непослушные кудри были теперь уложены в прическу. Заметив эти перемены, Мак-Кей ощутил что-то вроде благоговейного ужаса. Да, перед ним была не маленькая девочка с Гребня Крэгга, а незнакомая красавица. Это чудо преображения свершилось всего за один год, и Роджер был испуган; наверное, Джек Хокинс не посмел бы ударить эту новую Нейду, и он боялся снова обнять ее.

Но в тот миг, когда его руки медленно разжались, он увидел то, что одно осталось прежним, — сияние ее глаз, смотревших на него с такой же любовью и доверием, как когда-то в хижине индейца Тома, когда пиратка миссис Кидд шуршала и пищала среди газет на полке, а Питер, весь перебинтованный, смотрел на них с нар, освещенных закатным солнцем. И пока он стоял в нерешительности, Нейда первая опять обняла его и положила голову ему на грудь, смеясь и плача, а подошедший отец Джон ласково погладил ее по плечу, улыбнулся Мак-Кею и побрел к хижине. Некоторое время после его ухода Веселый Роджер стоял, прижимая лицо к волосам Нейды, и оба молчали, слушая, как бьются рядом их сердца. Потом Нейда протянула руку и нежно погладила его по щетинистой щеке.

— Больше я не позволю вам убегать от меня, мистер Веселый Роджер, — сказала она, как говорила когда-то маленькая Нейда, но теперь в ее голосе появилась новая решительность и уверенность.

И когда Мак-Кей поднял голову, он увидел вокруг озаренный солнцем мир, который всегда любил.

18

Все следующие дни Питер замечал, что в хижине на берегу Бернтвуда царит какое-то странное волнение. И хотя ничего не происходило, но все равно было такое чувство, словно вот-вот что-то случится. На другой день после того, как они пришли на Бернтвуд, хозяин словно забыл о его существовании. Нейда, правда, замечала его, но и она как-то переменялась, а отец Джон усердно хлопотал по хозяйству вместе с индейцами — мужем и женой, которые жили у него. Бледное худое лицо миссионера освещала загадочная улыбка — она особенно дразнила любопытство Питера и заставляла его быть начеку. Непонятные поступки окружающих его людей приводили беднягу в полное недоумение. На третье утро Нейда не вышла из своей спальни, Веселый Роджер ушел в лес без завтрака, и отец Джон сидел за столом один, с ласковой улыбкой поглядывая на закрытую дверь комнаты Нейды. Даже Усимиска, Молодой Листок, чернокожая индианка, которая убирала дом, была какой-то странной, когда входила к Нейде, а Мистус, ее муж, пыхтя и отдуваясь, натаскал полный дом еловых веток.

Веселый Роджер расхаживал по лесу один, неистово дымя трубкой. Его била нервная дрожь, и он не мог совладать со своим волнением. Он встал еще на заре, и с тех пор ему никак не удавалось взять себя в руки.

Он чувствовал себя слабым и беспомощным. Но это была слабость и беспомощность неизмеримого счастья. Мечтая о встрече с Нейдой, он рисовал себе прежнюю девочку в рваном платье и худых башмаках, запуганную жестоким обращением приемного отца, — беззащитную маленькую девочку, которую он должен любой ценой охранять и оберегать от зла и бед. Ему и в голову не приходило, что за эти полгода, проведенные у отца Джона, «девочка, которой пошел восемнадцатый год», станет совсем взрослой.

Он пытался вспомнить, что именно говорил ей накануне вечером: что он остался разбойником, которого преследует закон, и так будет всегда, какую бы образцовую жизнь он ни начал вести теперь; что она находится на попечении отца Джона и ей не следует любить его — пусть она возьмет назад свою клятву, она будет гораздо счастливее, если просто забудет о тех днях у Гребня Крэгга.

«Ты же теперь совсем взрослая, — сказал он, подчеркивая последнее слово. — И самостоятельная. Я тебе больше не нужен».

А Нейда молча посмотрела на него, точно читая у него в душе, потом вдруг рассмеялась, тряхнула головой так, что волосы рассыпались по плечам, и повторила те самые слова, которые сказала ему давным-давно: «Без вас... я умру... мистер... Веселый Роджер», — а потом повернулась и убежала в хижину. С той минуты он ее больше не видел.

И с той минуты его словно била лихорадка, и руки у него дрожали, когда он вынул часы и увидел, как быстро идет время.

А Питер в хижине прижимал нос к щели под дверью Нейды и слушал, как она ходит у себя в комнате, но двери она так и не открыла. Тут случилась новая загадочная вещь: Усимиска, ее муж и отец Джон убрали стены мохнатыми ветками, так что Питеру показалось, будто он опять попал на поляну в ельнике у Гребня Крэгга — тем более что пол они усыпали травой и цветами.

Отчаявшись понять, что все это означает, Питер улегся под крыльцом и грелся на теплом майском солнышке, пока хозяин не вернулся из леса. А потом началось и вовсе непонятное. Вслед за Веселым Роджером он вошел в хижину и увидел, что Мистус и Молодой Листок чинно сидят на стульях, а отец Джон стоит за маленьким столиком, на котором лежит раскрытая книга; он смотрел на часы, когда они входили, и ласково кивнул им. Тут Питер совершенно ясно разглядел, что его хозяин судорожно сглотнул, словно у него что-то застряло в горле. Его чисто выбритые щеки стали белыми как мел. Впервые в жизни Питер видел, чтобы его хозяин так боялся, и он тихонько зарычал из-под еловых веток, ожидая, что в открытой двери вот-вот появится страшный враг.

Отец Джон постучался в дверь Нейды.

Потом он возвратился к своему столику, а когда ручка двери медленно повернулась, его хозяин опять сглотнул и сделал шаг в сторону. Наконец дверь открылась, и они увидели Нейду. Веселый Роджер тихо ахнул — так тихо, что Питер еле-еле его услышал, — и протянул к ней руки.

Это была не та Нейда, которая встретила их на вырубке у хижины отца Джона, а прежняя Нейда — девушка с Гребня Крэгга, та, с которой Веселый Роджер расстался в грозовую ночь. Ее волосы были распущены, как в те дни, когда она играла с Питером на лугах и среди скал, ее свадебный наряд был ветхим и выцветшим, потому что она надела старенькое платье, которое было на ней в ту страшную ночь, когда она послала Питера вслед за своим возлюбленным, а маленькие ножки были обуты в разбитые и изорванные башмаки, в которых она бежала за ним по лесной тропе. Отец Джон смотрел на нее с недоумением, но в глазах Веселого Роджера вспыхнула такая радость, что Нейда обняла его и поцеловала.

Потом, вся розовая, она встала рядом с Мак-Кеем перед отцом Джоном, который взял в руки открытую книгу, и, потупив глаза под длинными ресницами, вдруг перехватила растерянный взгляд Питера. Она тихонько поманила его пальцем и положила руку ему на голову. Отец Джон начал говорить, и Питер, задрав морду, внимательно слушал. Веселый Роджер смотрел прямо перед собой на еловую гирлянду на стене позади миссионера, но его голова была гордо поднята и страх исчез с его лица. А Нейда стояла совсем рядом с ним, так что ее голова касалась его плеча и ее пальчики сжимали его большой палец, как в ту счастливую ночь, когда они вместе шли по лугу у Гребня Крэгга.

Питер так ничего и не понял, но вел себя чинно и достойно. Когда все это кончилось и отец Джон, поцеловав Нейду, тряс руку его хозяина, Питер оскалил зубы и чуть было не зарычал, потому что увидел, как Нейда беззвучно заплакала, точно в те далекие дни, когда он был маленьким щенком. Но теперь ее синие глаза были широко открыты и она не спускала их с Веселого Роджера, щеки разругались, а губы чуть-чуть вздрагивали. И вдруг вместе со слезами пришла улыбка, а Веселый Роджер отвернулся от отца Джона и обнял ее. Тогда Питер завил хвостом и выбежал на залитую солнцем вырубку, потому что там на пенке сидела рыжая белка и насмешливо цокала.

Потом Нейда и его хозяин вышли из хижины и пошли через вырубку к молодой поросли, в которой они в день своего прихода слышали топор отца Джона.

Нейда села на поваленный ствол, и Мак-Кей сел рядом, не выпуская ее руки. Пока они шли по вырубке, он не сказал ни слова и, казалось, был не в силах разомкнуть губ и теперь.

Не спуская глаз с травы, зеленеющей у них под ногами, Нейда спросила очень тихо:

— Мистер... Веселый Роджер... вы рады?

— Да, — ответил он.

— Рады, что я теперь... ваша жена?

Мак-Кей вместо ответа глубоко вздохнул и, подняв голову, Нейда увидела, что он смотрит в бездонную синеву над вершинами елей.

— Что я ваша жена, — повторила она и потерлась щекой о его плечо.

— Да, я рад, — ответил он. — Так рад... что мне страшно.

— Ну, если вы рады, то поцелуйте меня еще раз.

Веселый Роджер притянул Нейду к себе, сжал ее лицо в ладонях и крепко поцеловал в губы. Когда он отпустил ее, она посмотрела на него глазами, полными счастья, а потом, отстранившись, сказала требовательно:

— Вы больше не будете убегать от меня?

— Нет!

— Значит, мне больше нечего желать в жизни, — продолжала Нейда, опять прильнув к нему. — Мне ведь, кроме вас, ничего не нужно!

Веселый Роджер ничего не ответил и только чувствовал, как тихо бьется ее сердце рядом с ним, и слушал звонкий птичий щебет. И оба они были очень счастливы. Но тут Питер, которому стало скучно, неторопливо отправился исследовать солнечные глубины леса.

И, услышав эти осторожные, крадущиеся шаги, словно говорившие о том, что впереди его ждут опасности, Веселый Роджер переменялся в лице. Ладонь Нейды ласково прижалась к его щеке.

— Вы меня очень любите?

— Больше жизни, — ответил он, следя за тем, как Питер принохивается к легкому южному ветерку.

Ее палец нежно коснулся его губ.

— И я буду с вами... всегда и повсюду?

— Да, всегда и повсюду. — Но его глаза смотрели на уходящий вдаль дремучий лес и видели худое безжалостное лицо человека, который шел по его следу. Лицо Брео-Хорька.

Он обнял Нейду и прижал ее головку к своей груди.

— Только бы ты никогда об этом не пожалела, — сказал он, по-прежнему глядя на лес.

— Нет-нет, я никогда не пожалею! — негромко воскликнула она. — Пусть нам придется скитаться без приюта, и голодать, и отбиваться от полиции... и умереть. Я ни о чем не пожалею, пока буду с вами!

Он молчал, прижимая губы к мягким каштановым волосам, и Нейда начала рассказывать ему то, что он уже слышал от отца Джона: как она бежала за ним по лесу в грозу, когда он ушел из хижины миссионера у Гребня Крэгга. А Веселый Роджер, в свою очередь, рассказал ей, как Питер разбудил его на рассвете и он нашел ее подарок, который спас его от отчаяния и безумия, и как на берегу Уолластона он отдал этот подарок на хранение Желтой Птице.

Они бродили по душистому весеннему лесу, и целый час Нейда расспрашивала его про Желтую Птицу и Солнечную Тучку. Так она постепенно узнала, что в детстве он называл Желтую Птицу доброй волшебницей, а когда вырос, стал ради нее преступником. Когда он кончил рассказывать, глаза Нейды блеснули и она часто дышала.

— Когда-нибудь мы побываем там вместе! — шепнула она. — Я так горжусь тобой, мой Роджер! И я уже люблю Желтую Птицу... и Солнечную Тучку тоже. Когда-нибудь мы навестим их, хорошо?

Веселый Роджер кивнул, и грызущий страх в его сердце исчез — так он был счастлив.

— Да, мы побываем там. Я видел такой сон, и он поддержал меня, когда мне грозила смерть...

Потом он рассказал ей про Кассиди, с которым он расстался на другом берегу Уолластона в хижине старого траппера и его внучки Жизели, где рыжий капрал конной полиции нашел свое счастье.

Время шло незаметно, и только под вечер они вернулись в хижину. Нейда опять заперлась у себя в комнате и вышла, только когда свадебные яства, состряпанные Усимиской, уже стояли на столе.

И Веселый Роджер снова тихо ахнул, когда увидел ее, — так она преобразилась. Опять перед ним была новая, взрослая Нейда — от волос, красиво уложенных на голове, до изящных туфелек на маленьких ножках. Руги, когда-то покрытые синяками, были теперь белоснежными, и вся ее изящная красота настолько поразила Мак-Кея, что он только тупо смотрел на Нейду, пока она не подбежала к нему и не чмокнула его в щеку так громко, что Питер наострил от неожиданности уши. Потом Нейда поцеловала отца Джона и принялась весело хозяйничать за свадебным столом.

И теперь она уже не смущалась, произнося его имя, много раз смело называла его Роджером, а дважды с застенчивым лукавством сказала даже «мой муж», и во время этого блаженного обеда Роджер Мак-Кей, закаленный невзгодами северный бродяга, не спускал полных обожания глаз со своей жены и не уставал дивиться своему счастью.

Но и в этот безмятежный час где-то в самом дальнем уголке его мозга пряталось тревожное воспоминание о Брео-Хорьке.

19

Когда сгустились сумерки и в вышине высыпали звезды, он рассказал о своих опасениях отцу Джону.

Нейда кликнула Питера и ушла к себе, а отец Джон, обратив бледное лицо к бескрайнему великолепию небес, беззвучно шептал слова благодарственной молитвы, и вот тогда-то Веселый Роджер тихо положил руку на его плечо.

— Отец Джон, — сказал он, — какая прекрасная ночь!

— Ночь света и благодати, — ответил миссионер. — Взгляните на звезды. Они словно живые и, ликуя, ниспосылают вам свое благословение.

— И все же... мне страшно.

— Страшно?

Отец Джон взглянул на Мак-Кея и увидел, что его глаза устремлены куда-то за стену леса.

— Да, страшно — за нее.

И Мак-Кей коротко рассказал миссионеру о том, что произошло зимой в тундре, и о том, как он чуть было не попал в руки Брео, когда, вернувшись к Гребню Крэгга, искал там их с Нейдой.

— Он идет по моему следу, — закончил Веселый Роджер. — И, наверное, скоро доберется сюда.

Миссионер ласково положил руку на его локоть.

— Вы не убили Джеда Хокинса, сын мой, и это было главным утешением Нейды — и моим — все эти месяцы.

Она думала о вас днем и ночью и верила, что вы снова увидите.

— Она мне дороже жизни — тысячи жизней, если бы они у меня были, — прошептал Мак-Кей. — Если что-нибудь случится... теперь...

— Да, если случится то, чего вы опасаетесь, что тогда? — спросил отец Джон проникновенным голосом. — Что произойдет, Роджер? Вы не убивали Джеда Хокинса. И если правосудие заставит вас заплатить за то, что оно считает нарушением закона, так ли уж велика будет цена?

— Тюрьма, отец Джон. Возможно, пять лет тюрьмы.

Миссионер негромко засмеялся и возвел глаза к сияющим звездам.

— Пять лет! — повторил он. — Сын мой, неужели пять лет большая плата за то сокровище, которое вы сегодня поклялись беречь и лелеять? Пять коротеньких лет, всего только пять. А она будет ждать вас, гордиться теми самыми вашими поступками, которые привели вас в тюрьму, и строить планы на те многие светлые годы, которые начнутся, когда кончатся эти пять коротеньких лет. Будет ждать, становясь все лучше и краше. Роджер, неужели это такая уж большая жертва, такая уж непомерная цена. Пять лет... а потом спокойствие, любовь, счастье навек! Скажите сами, Роджер!

Мак-Кей попытался ответить, но его голос прервался:

— Но как же она, отец Джон...

— Да, да, я знаю, что вы хотите сказать, — мягко перебил его миссионер. — Я уговаривал ее, приводил те же доводы, какие привели бы и вы, Роджер. Я зывал к ее рассудительности. Я объяснял, что ваше возвращение грозит вам тюрьмой, и, по странному совпадению, я тоже назвал пять лет. Но она была упряма, Роджер, очень упряма и не хотела ничего слушать. И это она первая задала те вопросы, которые я задавал вам сейчас. «Что такое пять лет? — спрашивала она, опровергая мою логику. — Что такое пять лет, десять, даже двадцать, если я буду знать, что потом мы будем вместе?» Да, она была очень упрямой, Роджер. Так велика ее любовь к вам. Мак-Кей что-то пробормотал и умолк, глядя на звезды невидящими глазами.

— А после этого, после того, как я уступил ее упрямству, она стала строить планы, как мы — она и я — поселимся вблизи того места, где будет ваша тюрьма, и как каждый день вы будете получать от нее весточку — о ней и о вашем сыне...

— Сыне, отец Джон?

— Таковы были ее мечты, Роджер.

С придушенным криком Роджер закрыл лицо руками.

Миссионер на мгновение умолк, а потом продолжал почти шепотом:

— Я много лет прожил в лесной глуши, Роджер, и мне открывались сердца многих людей. Но любовь Нейды — самое большое чудо, какое только мне довелось увидеть за всю мою жизнь. А ведь мне уже скоро будет семьдесят лет. Понимаешь ли ты это, сын мой? И разве не черпаешь ты в этом радость и бесстрашие?

Миссионер не стал дожидаться ответа, а медленно побрел к хижине, оставив Роджера наедине со звездами. И как прежде их сияние озаряло лицо отца Джона, так теперь оно озарило черты Мак-Кея, дышавшие глубокой решимостью. Ради Нейды, ради их будущего сына он не хотел приносить ту жертву, о которой говорил отец Джон. Но теперь, после разговора с миссионером, она уже не казалась такой страшной, как раньше. Теперь это была уже не трагедия, а только недолгая разлука — ведь они будут ждать его, Нейда и их сын... Вдруг он услышал шорох и, оглянувшись, увидел Нейду, которая в свете звезд показалась ему еще более стройной и прекрасной.

— Я сказал ему, — шепнул Нейде отец Джон, возвратившись в хижину. — И теперь мысль о тюрьме не будет

его пугать — и из-за него самого и из-за вас.

И Нейда вышла к нему тихая и серьезная, а в ее улыбке, когда она протянула к нему руки, была новая зрелая мудрость и почти материнская нежность.

Роджер решился заговорить, только когда Нейда прильнула к его плечу и он совсем близко увидел ее глаза под длинными ресницами.

— То, что сказал мне отец Джон... это правда? — спросил он.

— Правда, — прошептала она.

Ее пальцы прокрались к его щеке, а Роджер, которому было довольно одного этого слова, прижался губами к ее пушистым волосам, и в этой полной гармонии душ они слушали тихие шепоты ночи.

— Роджер... — сказала наконец Нейда.

— Что, моя Неева?

— А что это слово значит, Роджер?

— Оно значит «возлюбленная», «жена».

— Тогда оно мне нравится. Но больше всего мне нравится, когда ты говоришь...

— Моя жена.

— Да... Я чувствую себя такой счастливой, Роджер! Твоя... жена. Это лучшие в мире слова. Это... и еще...

Она спрятала лицо у него на груди.

— И еще слово «мать», — закончил он.

— Да, — сказала Нейда дрожащим голосом. — Моя мама, Роджер... я ее не помню. Но она мне часто снилась.

И я всегда тосковала по ней. Как, наверное, чудесно, когда у тебя есть мать!

— Но, наверное, еще чудеснее быть матерью, Нейда.

— Послушай! — перебила его Нейда.

— Это поет Усимиска.

— Любовную песню?

— Да, на языке индейцев кри.

Нейда подняла голову и посмотрела на него.

— С тех пор как мы поселились здесь, весь этот чудесный мир вокруг обещал мне песню, Роджер. И когда ты вернулся, он запел и теперь все время поет — каждый час дня и ночи. Ты когда-нибудь думал, Роджер, расстаться со всем этим, уйти в один из больших городов, о которых мне столько рассказывал отец Джон?

— А тебе этого хотелось бы, Нейда?

— Побывать там — да, но не жить. Я хочу всегда жить в лесах, Роджер, где мы познакомились с тобой.

Она привстала на цыпочки и поцеловала его.

— Я хочу жить возле Желтой Птицы и Солнечной Тучки... Ну, пожалуйста, мистер Веселый Роджер! И отец Джон поедет с нами. И мы будем так счастливы там все вместе: Желтая Птица, Солнечная Тучка, Жизель и я... Ай!

Роджер внезапно обнял ее так крепко, что она невольно вскрикнула.

— Но прежде нам, наверное, придется расстаться, Нейда. Правда, ненадолго. Что такое пять лет, когда перед нами вся жизнь? Ничего... И они пройдут быстро...

— Да, они пройдут быстро, — повторила Нейда так тихо, что он с трудом расслышал ее слова.

Но он ясно расслышал рыдание, которого она не сумела сдержать. Правда, она тотчас же попробовала улыбнуться, и Роджер, зная, что так ей будет легче, сделал вид, будто ничего не заметил.

Вот так, пока в хижине их терпеливо ждали отец Джон и Питер, Нейда с Роджером под звездным небом обдумывали свое будущее.

20

Воскресенье выдалось удивительно ясное и тихое. Над Бернтвудом поднялось золотое теплое солнце, звонко распевали птицы, и когда отец Джон вышел на заре из хижины, воздух показался ему необыкновенно душистым и свежим. Он очень любил эти ранние часы пробуждения природы, сонные шорохи еще сумрачного леса и особую тишину, в которой звуки разносятся удивительно далеко.

В это утро он услышал собачий лай, хотя собака была по крайней мере в миле от него, и Питер, который его сопровождал, немедленно поставил уши торчком. Миссионер не в первый раз замечал эту вечную готовность Питера встретить опасность, настороженность, с которой он то и дело нюхал воздух, и постоянную бдительность его глаз и ушей. Мак-Кей объяснил ему, почему Питер стал таким. Но теперь, пока они с Питером спускались к заводу, отец Джон как-то по-новому воспринял все это. Ночь напролет миссионер, забыв о словах

надежды и утешения, которые сам же произносил так недавно, раздумывал об угрозе, нависшей над Мак-Кеем, — угрозе страшной и неотвратимой.

И все же... пять лет — это такой короткий срок! Любое пятилетие его собственной жизни теперь, когда он вспоминал их, казалось не длиннее пяти минут. Восемь пятилетий назад он впервые увидел ту девушку с милым лицом, которая стала для него всем миром, как Нейда для Роджера, и хотя с тех пор, как он ее потерял, прошло тридцать лет, время пронеслось так быстро, что ему порой чудилось, будто всего несколько часов назад он держал ее в объятиях и слышал ее голос. Однако будущие пять лет, в отличие от прошедших, были вечностью, и отец Джон думал о них с тоской, глядя в зеркало заводи, в котором отражалось небо, розовевшее над верхушками сосен.

Пять лет! А ведь он уже старик. Для него это время ожидания будет невыносимо долгим и тягостным. Но Роджер и Нейда так молоды! И эти пять лет, когда они будут вспоминать про них потом, покажутся им совсем коротенькими. Отец Джон продолжал размышлять о долгой жизни, которую он прожил, и о том недолгом сроке, который ему еще осталось прожить, и им все сильнее овладевало яростное желание оградить эти пять лет от оскверняющего вторжения закона — и не только ради Нейды и Роджера Мак-Кея, но ради себя. На закате своей печальной жизни он обрел радость и утешение в их любви, и мысль о том, как безжалостное и заблуждающееся правосудие расправится с этой любовью, пробуждала в нем гнев и протест, которые более приличествовали бойцу, чем смиренному служителю божьему.

Миссионер тщетно боролся с этим, как он считал, греховным чувством. А когда позднее за завтраком он смотрел на счастливые лица Нейды и Роджера, его томил стыд, словно он обманул их. И он не мог избавиться от тайного страха и тревоги, которые грызли его сердце.

Миссионеру казалось, что весь этот день любое произнесенное им слово было ложью — например, когда он читал проповедь окрестным жителям, собравшимся в молельню, которую они помогли ему построить.

Миссионер говорил на языке кри и по-английски; он говорил о благодати надежды и о том, что в каждом несчастье можно найти свою светлую сторону. Мак-Кей слушал его, сжимая руку Нейды, и был преисполнен умиротворения. Если бы в эту минуту в открытую дверь вошел Брео, он встретил бы полицейского спокойно, потому что отец Джон убедил его в необходимости такой жертвы.

Позднее, когда прихожане разошлись и они опять остались одни, отцу Джону пришлось вновь выслушать историю Желтой Птицы, потому что Нейда не уставала расспрашивать про индианку. Однако миссионер впервые узнал, какую нравственную поддержку черпал Веселый Роджер в ее пророчествах.

— Конечно, это было глупо, — с виноватым видом признался Мак-Кей, хотя и видел по глазам Нейды, что она свято уверовала в колдовские способности Желтой Птицы. — Я знал, что обманываю себя, но мне от этого становилось легче.

— Нет, вовсе не глупо! — заспорила Нейда. — Желтая Птица приходила ко мне, теперь я это знаю. И ей все было известно наперед.

— Веру никогда не следует называть глупостью, — мягко сказал отец Джон. — Желтая Птица верила, и это главное. Она ни в чем не сомневалась, она верила, а это, возможно, придает мысли особую силу. Я верую в могущество мысли, дети мои. Я верую, что наступит день, когда она откроет нам даже тайну самой жизни. За сорок с лишним лет, прожитых мною в лесных дебрях, я видел немало странных вещей, и среди них не последнее место занимают замечательные способности людей, еще сохраняющих единство с природой. Мне кажется, Роджер, что Желтая Птица дала тебе много полезных советов. Не приходило ли тебе в голову...

Миссионер умолк, понимая, что говорит все это под влиянием все той же безотчетной тревоги, почти страха.

— Что вы хотели спросить, отец Джон? — сказала Нейда, наклоняясь к нему.

— Это только праздное любопытство, моя дорогая, и вы лишь посмеетесь надо мной. Я подумал, не приходило ли в голову Роджеру, что таинственный Далекий Край, который пригрезился Желтой Птице, — это просто какая-нибудь страна за пределами Канады. Ну, например, Соединенные Штаты.

Он говорил почти против воли и сразу же заметил, что Нейда уловила скрытый смысл его слов. Ее глаза широко раскрылись. Их синева потемнела, и Роджер, когда она повернулась к нему, увидел, что ее пальцы стиснули оборку платья.

— Или, скажем, Китай, Африка, Южные Моря, — засмеялся он, вспомнив свои мечты. — Да любая страна подальше отсюда!

Губы Нейды полуоткрылись, она словно хотела что-то сказать, но промолчала, сжимая руки на коленях, а когда все-таки заговорила, миссионер понял, что она не решилась произнести вслух то, о чем думала на самом деле.

— Я очень люблю Желтую Птицу и когда-нибудь скажу ей об этом, — сказала Нейда.

Следует упомянуть, что с тех пор как Питер пришел с хозяином к Бернтвуду, ему все время казалось, будто он потерял что-то очень важное: занятый своим счастьем Мак-Кей почти не обращал на него внимания, да и Нейда теперь не возилась и не играла с ним, как в прошлые дни. Он лежал в стороне, изнывая от одиночества, но тут Нейда вдруг подбежала к нему и позвала за собой в частый ельник. Питер затыкался от восторга, как щенок, а Нейда даже не взглянула ни на мужа, ни на отца Джона. Однако миссионер все же успел заметить выражение ее лица.

— Я был неосторожен, — сказал он, тяжело вздохнув. — Я поступил нехорошо, ибо теперь ей по моей вине захочется бежать с вами туда... на юг. Она поверила Желтой Птице, потому что Желтая Птица помогла вам вернуться к ней. Она верит...

— Я ведь тоже верил, — ответил Роджер, глядя на стену зеленых елок.

— Да... и все же вам лучше остаться. Счастье не приходит без искупления. Такова воля божья.

Веселый Роджер встал и посмотрел на юг.

— Это большое искушение, отец Джон. Я не знаю, хватит ли у меня сил расстаться с ней. Если бы Брео подождал хоть несколько месяцев! Но теперь...

Он медленно пошел туда, где за завесой из еловых ветвей скрылись Нейда и Питер. Отец Джон смотрел ему вслед, и на его губах дрожала улыбка. В глубине души он понимал, что он трус и что эти молодые люди сильнее его духом. Они были счастливы, потому что он ложными доводами внушил им веру в будущее, и они смирились с неизбежным, и вот теперь он сам в минуту слабости подверг их искушению. Он глядел им вслед; он не раскаивался в этом — наоборот, с его души спала большая тяжесть.

Несколько минут в сердце миссионера длилась борьба простых человеческих чувств и того отречения от себя, которого требовала проповедуемая им религия. Он никогда еще не испытывал такого состояния. В нем вдруг проснулась надежда. Пять лет были долгим сроком для него. Он снова и снова возвращался к этой мысли, а она привела за собой и другую: инстинкт самосохранения — это первый закон существования и, следовательно, не может быть греховным. Так отец Джон про себя отрекся от всего, что говорил раньше, хотя его спокойное улыбающееся лицо не выдавало этого, когда час спустя Нейда и Роджер вернулись в хижину с охапками первых цветов.

Щеки Нейды разругались, а глаза были синими, как пучок фиалок, который она приколотла у себя на груди. Отец Джон почувствовал, что Веселого Роджера больше не угнетает сознание своей беспомощности перед лицом неотвратимой опасности — в его глазах, когда он смотрел на Нейду, светилась неколебимая уверенность. Когда наступил вечер, Питер оказался единственным свидетелем весьма таинственного события. Он сидел у Нейды в комнате. И Нейда была совсем такой, как раньше: она сжимала в ладонях его курчавую морду и болтала с ним. Но тут вдруг Питеру вспомнился некий узел, потому что Нейда очень тихо, словно боясь, что ее подслушивают невидимые уши, сложила на столе всякие вещи и связала их в узел, но уже другой. Этот узел она спрятала у себя под кроватью, как тот, первый, — под кустом шиповника на маленькой прогалине среди густого ельника под Гребнем Крэга.

Отец Джон лег в этот вечер рано. Его мысли были заняты Брео: до ближайшей фактории Компании Гудзонова залива всего двенадцать миль, а полицейский, разумеется, сначала побывает там и уж потом отправится от хижины к хижине в поисках своей жертвы.

И вот вскоре после полуночи миссионер тихонько встал и при свете свечи написал записку Нейде о том, что ему нужно побывать на фактории и он не стал их будить, так как решил уйти еще до рассвета. Нейда прочла эту записку Мак-Кею, когда они сели завтракать.

— Он так часто делает, — объяснила Нейда. — Ему нравится ночной лес в лунном свете.

— Но ведь сейчас новолуние, — заметил Роджер.

— Правда...

— И когда отец Джон уходил, небо затянули тучи и было темно, хоть глаз выколи.

— Ты слышал, как он уходил?

— Да. И видел его лицо, когда он зажег свечу, чтобы написать эту записку. Вид у него был встревоженный.

— Роджер, о чем ты?

Мак-Кей подошел к ней сзади и, перегнувшись через спинку стула, поцеловал мягкие волосы и недоумевающие глаза своей жены.

— Это значит, жenuшка, что отец Джон отправился на факторию, чтобы навести справки о Брео. Это значит, что в глубине души он хотел бы, чтобы мы до конца последовали совету Желтой Птицы. Ведь он, по его мнению,

разгадал, что такое Далекий Край. Это мир, лежащий за нашими лесами, — мир, такой огромный, что, если понадобится, мы можем уехать от конной полиции хоть за десять тысяч миль. Вот почему он отправился на фабрику в такую ночь.

Нейда обхватила руками его шею и тоненьким, взволнованным голосом сказала:

— Роджер, мой узелок готов. Я собрала его вчера и спрятала под кровать.

Он обнял ее еще крепче:

— И ты готова пойти со мной... куда угодно?

— Да, куда угодно.

— На край света?

Прижатая к его груди взлохмаченная головка попыталась кивнуть.

— И оставить отца Джона?

— Да. Ради тебя. Но я думаю... когда-нибудь потом... он к нам приедет.

Ее пальцы коснулись его щеки.

— Только, Роджер, пусть там, на краю света, тоже будут большие и прекрасные леса.

— Или пустыня, где им и в голову не придет нас искать, — засмеялся он.

— Пустыня мне, наверное, понравится, Роджер.

— А необитаемый остров?

Она снова кивнула:

— Мне всюду понравится, если мы будем вместе.

— В таком случае... мы уедем, — сказал он, стараясь говорить спокойно, хотя его охватила радость, жаркая, как пламя. И почти невозмутимо он продолжал: — Но это означает, Нейда, что тебе придется отказаться почти от всего, о чем ты мечтала. От этих лесов, которые ты любишь, от отца Джона, от Желтой Птицы, Солнечной Тучки...

— Я мечтаю только об одном, — перебила она нежно.

— А ведь пять лет прошли бы очень быстро, — продолжал он. — Да и почему меня обязательно должны приговорить к пяти годам тюрьмы, а не к четырем или даже трем? И тогда мы могли бы спокойно жить в стране, которую так любим. Я с радостью останусь и сам сдамся полиции, если благодаря этому мы сможем быть счастливы.

— Я мечтаю только об одном, — повторила она, поглаживая его щеку. — Всегда быть с тобой, Роджер. И куда бы ты меня ни увез, я все равно буду самой счастливой женщиной в мире.

— Женщиной! — рассмеялся он. — Для меня ты навсегда останешься маленькой девочкой, которую я встретил у Гребня Крэгга.

И внезапно, крепко прижав ее к себе, он крикнул с гневным вызовом:

— Мне легче лишиться жизни, чем потерять ее. Нейду, — маленькую девочку с распущенными волосами и земляничным пятном на носу, девочку, которая так свято верила в Лунного Человека! И я буду любить ее до конца моих дней.

Тем не менее весь этот день, пока они ждали возвращения отца Джона, Веселый Роджер вновь и вновь убеждался, насколько с тех пор Нейда переменилась. Однако эта перемена его тоже радовала и приводила в восторг. Нейда уже не была робкой, запуганной сироткой, которая потянулась к нему, пожалуй, только потому, что он был большим и сильным и мог ее защитить. Нет, теперь она любила его как подруга, равная ему во всем, а не потому, что чего-то боялась и чувствовала себя беспомощной. И с не меньшим восторгом он заметил еще одно: теперь он все больше начинал полагаться на нее, и когда они обсуждали свои планы, ее спокойная решимость и обдуманное суждение придавали ему новые силы и уверенность. Поглядев на ее волосы, уложенные в прическу, он сказал:

— Когда ты такая, ты моя Маргарита Анжуйская. А когда ты их распускаешь, ты снова становишься маленькой Нейдой с Гребня Крэгга. И... и я не понимаю, за что судьба дала мне такое счастье!

Весь этот день и Питер пытался по-своему осмыслить, что же произошло с Нейдой за месяцы их разлуки.

Прикосновение ее руки по-прежнему радовало его, и все-таки он замечал какую-то перемену. Когда она прижималась щекой к его щеке и начинала с ним разговаривать, ее голос звучал даже нежнее, чем в те дни, но все-таки чего-то не хватало — их прежнего товарищеского равенства, хотя этого Питер понять не мог. Однако к новой Нейде он проникся яростным обожанием, которое было еще сильнее его прежней любви к ней. Теперь ему довольно было лежать, уткнувшись носом в ее туфлю или оборку платья. Но когда под вечер она ушла к себе в комнату и вскоре выбежала оттуда, распустив волосы и подхватив их вылинявшей лентой, привезенной с

Гребня Крэгга, он запрыгал вокруг нее, заливаясь радостным лаем, и Нейда в ответ на его вызов пустилась с ним наперегонки через вырубку.

Вся раскрасневшаяся, она подбежала затем к Веселому Роджеру и, запыхавшись, упала в его объятия.

И вдруг сквозь облако ее растрепавшихся кудрей Мак-Кей увидел, что из леса кто-то вышел. Это был отец Джон. Он на мгновение остановился, а потом, пошатываясь, побрел к ним — казалось, он вот-вот упадет.

Нейда услышала, как Роджер судорожно вздохнул, почувствовала, как сжались его руки, и, оглянувшись, тоже увидела миссионера. Вскрикнув, она вырвалась от Мак-Кея и бросилась к старику.

Отец Джон тяжело оперся на ее плечо, и тут к ним подбежал Мак-Кей. Лицо миссионера было искажено усталостью, он задыхался, но, держась за сердце, он все-таки попытался улыбнуться им.

— Я торопился, — сказал он, сиюсь говорить спокойно. — И совсем запыхался.

Он перевел дух и посмотрел на Веселого Роджера.

— Роджер... я торопился... чтобы сказать вам... Брео совсем близко. Я опередил его на полмили или на милю.

Он взял побледневшее лицо Нейды в ладони и посмотрел на нее сквозь сгущающийся сумрак.

— Слишком поздно... я понял, что ошибся... дитя мое, — сказал он совсем спокойно. — Вам нельзя ждать Брео. Уходите! Времени терять нельзя. Если Брео не собьется с пути в темноте, он будет здесь через несколько минут. Быстрее!

Нейда молчала, пока они шли к хижине. Но что-то в ее упрямо вздернутом подбородке и откинутой голове сказало Роджеру, что она готова ко всему и не боится.

В хижине их встретила Усимиска, и Нейда что-то быстро шепнула ей. Было видно, что они обо всем договорились заранее, — Усимиска принесла из кухни набитый заплечный мешок, а Нейда появилась из своей комнаты с узлом в руке.

Она остановилась перед Мак-Кеем и миссионером, тяжело дыша от волнения.

— Больше ничего не надо делать! — воскликнула она. — Здесь все, что нам может понадобиться.

На мгновение она забыла обо всем, кроме отца Джона, и, обняв его, подняла на него глаза, в которых не было слез.

— Вы же приедете к нам? — прошептала она. — Вы обещаете?

Миссионер тоже обнял ее и прижался лицом к ее лицу.

— Молю бога, чтобы это сбылось, — произнес он тихо.

Руки Нейды конвульсивно сжались, и в эту секунду перед дверью хижины раздалось предостерегающее рычание.

— Питер! — вскрикнула Нейда.

Отец Джон задул лампу.

— Бегите, дети мои! — приказал он. — Быстрее! В двадцати шагах ниже заводи спрятан челнок. Вчера по моей просьбе его оставил там один из приходивших сюда индейцев. Роджер... Нейда...

Он на ощупь нашел в темноте их руки.

— Да будет на вас благословение божье! Отправляйтесь на юг... Прямо на юг. А теперь — скорее! Мне кажется, я слышу шаги...

Он толкнул их к двери. Нейда схватила узел, а Роджер — мешок. Внезапно миссионер заметил, что рядом стоит Питер, и, нагнувшись, крепко схватил его за загривок.

— Прощайте... — прошептал он хрипло. — Прощайте... Нейда... Роджер...

Нейда, всхлипнув, ответила из темноты:

— Прощайте, отец Джон!

Миссионер и Питер напряженно прислушивались, пока шаги тех, кого они любили, не затихли в ночной тьме.

Питер взвизгнул и попытался вырваться, но отец Джон захлопнул дверь.

— Тебе лучше остаться здесь, Питер, — попробовал он объяснить. — Лучше будет, если ты останешься со мной, для тебя же. Ведь они уедут очень далеко и поселятся в стране, где ты можешь зачахнуть и умереть. Да и в челноке для тебя нет места. Будь же умником, Питер, и останься со мной... со мной...

И Усимиска, которая неподвижно стояла в темноте, услышала, как отец Джон, ощупью искавший лампу, засмеялся странным, придушенным смехом.

21

Хижина осветилась. Сначала вспыхнул желтоватый огонек спички, а потом загорелась лампа, и как только из темноты возникло восковое лицо отца Джона, Питер завизжал, заскулил и принялся царапать дверь.

Усимиска — Молодой Листок — стояла неподвижно, точно статуя, и, казалось, не дышала, хотя ее большие

темные глаза были устремлены на отца Джона.

Прочитав в ее упорном взгляде испуганный вопрос, старичок с торжеством улыбнулся.

— Все хорошо, Усимиска, — сказал он вполголоса на языке кри. — Они ушли, и их не поймают. Занимайся своими делами так, словно ничего не произошло. Брео с минуты на минуту будет здесь.

Миссионер расправил плечи, словно собирая все свои силы и мужество, а потом подозвал Питера и начал утешать собаку, чьи хозяин и хозяйка бежали сейчас в темноте к заводу.

— Они уже добрались до заводи, — сказал он и сел, поглаживая колючую морду Питера. — Они, наверное, как раз спустились к заводу, а Брео вышел на вырубку с противоположной стороны. Роджер должен легко найти челнок: он ничем не прикрыт и до него точно двадцать шагов. Я думаю, он его уже нашел и еще через минуту они отчалиют. А по берегам Бернтвуда растет густой лес, и ночью никто не рискнет пуститься за ними в погоню пешком.

Внезапно он крепче сжал руки, и Усимиска, исподтишка наблюдавшая за ним, заметила, что его лицо просветлело.

— Они уже плывут, — воскликнул он ликующе, — а Брео еще не пересек вырубку!

Миссионер встал и принялся расхаживать по комнате, а Питер опять начал тоскливо обнюхивать дверь.

Усимиска, предусмотрительная в минуту опасности, как все ее соплеменники, задернула занавески на окнах, и отец Джон одобрительно улыбнулся. Ему была неприятна мысль, что Брео, человек-ищейка, может тайком подсматривать за ним в окно. Расхаживая по комнате, он продолжал прислушиваться, не раздадутся ли шаги Брео. Питер, вздохнув, перестал царапать дверь и уселся у порога комнаты Нейды.

Отец Джон остановился возле него и положил ладонь ему на голову.

— Может быть, мы еще поедem к ним, — сказал он больше самому себе. — Когда-нибудь, когда они найдут безопасное убежище далеко отсюда.

Миссионер вдруг почувствовал, что Питер у него под рукой весь напрягся, а Усимиска предостерегающе вскрикнула. Потом она негромко запела на кухне, принимаясь чистить кастрюли и сковородки, уже начищенные до блеска, и продолжала петь, когда дверь хижины распахнулась. На пороге стоял Брео, ищейка.

Внезапность его появления удивила даже Питера, который не слышал никаких шагов снаружи. Полицейский стоял так несколько секунд, его худое острое лицо четко рисовалось на фоне ночного мрака, а загадочные глаза, прищуренные и все же острые, как буравчики, обводили хижину пронизательным взглядом, от которого ничто не могло ускользнуть.

В его позе чудилась смертельная угроза, и Питер глухо заворчал. Он тотчас узнал этого человека. Он видел его в сугробе посреди тундры и сразу проникся к нему недоверием, а потом они с хозяином убежали от него в самый разгар Черного бурана. Питер соображал быстро — в своем роде так же быстро, как сам Брео. И без каких-либо логических рассуждений он понял, что появление этого человека предвещает беду, и связал с ним непонятное исчезновение Веселого Роджера и Нейды.

Брео молча кивнул. Потом он увидел Питера, и его губы искривились в улыбке. Улыбка эта была почти дружеской и все же производила неприятное впечатление. Она говорила о характере этого человека, о его беспощадности, упорстве и умении добиваться своего. Он казался воплощением сурового и безжалостного рока. Брео снова кивнул и протянул руку.

— Питер! — позвал он. — Поди-ка сюда, Питер!

Питер дернул ушами, но не тронулся с места. Однако острый взгляд Брео уловил и это легкое движение.

— Все еще хранит верность одному человеку! — заметил он, входя в хижину и останавливаясь перед миссионером. — Где Мак-Кей, преподобный отец?

Брео не закрыл за собой двери, и Питер не замедлил этим воспользоваться. Усимиска увидела, как он в два прыжка оказался за порогом, но не позвала его, а продолжала внимательно слушать. Брео повторил свой вопрос: — Где Мак-Кей, преподобный отец?

Питер в темноте снаружи услышал голос полицейского, потому что на мгновение остановился, отыскивая свежий след Нейды и Роджера. Это был очень простой след — прямо к заводу, а оттуда двадцать шагов вниз по течению к маленькой галечной косе. На этой косе была ясно видна борозда от лодки, и тут следы кончались.

Питер заскулил, вглядываясь в черный тоннель между стенами леса, где чуть слышно журчала и булькала вода на пути к еще более темной и густой чаще. Он по брюхо вошел в воду, почти решившись плыть вдогонку за хозяевами, помедлил, прислушиваясь, и не услышал ни голосов, ни плеска весла.

Но ведь он знал, что Нейда и Веселый Роджер должны быть где-то совсем близко!

Питер выбрался на косу и пошел вниз по течению реки, внимательно нюхая воздух и то и дело останавливаясь,

чтобы прислушаться. Иногда он ловил в воздухе запах своих хозяев, но он тратил слишком много времени на частые остановки и потому челнок был все время впереди.

С кормы этого челнока Мак-Кей еле различал в слабом свете звезд, кое-где пробивавшемся сквозь ветки, бледное лицо Нейды.

Он беззвучно засмеялся от радости.

— Наконец-то моя мечта сбылась, Нейда, — прошептал он. — Ты со мной. И мы отправляемся в совсем другой мир. Там нас никто не найдет. Никто, кроме отца Джона, когда мы пошлем ему весточку. Ты не боишься?

Она ответила чуть дрогнувшим голосом:

— Нет, не боюсь. Только тут очень темно...

— Еще две-три ночи, и нам опять будет светить луна — твоя луна, и Лунный Человек будет нам улыбаться. Я понимаю, какво приходится Лунному Человеку, когда он томится по ту сторону земли и не может тебя увидеть, Нейда!

Она ничего не ответила, и Роджер наклонился вперед, вглядываясь в смутное пятно ее лица.

Тут он услышал вздох, похожий на всхлипывание.

— Я о Питере, — пробормотала она, предупреждая его вопрос. — Роджер, ну почему мы не взяли с собой Питера?

— Наверное, это мы зря, — ответил он и даже на мгновение перестал грести. — Но, пожалуй, для Питера так будет лучше. Он вырос в лесах и никакой другой жизни не знает. А там, куда мы попадем...

— Я понимаю. А потом отец Джон привезет его к нам?

— Да. Он обещал. Питер придет к нам вместе с отцом Джоном.

Нейда обернулась и поглядела в непроницаемый мрак перед ними. Он был таким густым, что казалось, будто челнок вот-вот упрется в стену. И вода, журчавшая у бортов, казалась черной, как смола.

— Мы въезжаем в большое болото за кедровником, — объяснил Веселый Роджер. — Тут можно играть в жмурки, не завязывая глаз, верно? Ты хоть что-нибудь видишь?

— Дальше носа челнока ничего, Роджер.

— Ну-ка, переберись поближе ко мне, только осторожно, — сказал он.

Нейда послушалась.

— Теперь медленно повернись лицом к носу и прислони голову к моим коленям.

Нейда сделала и это.

— Так уютнее, — прошептала она, — устраиваясь поудобнее. — Гораздо уютнее.

Роджер перегнулся, чуть не вывихнув позвоночник, и отыскал в темноте ее щеку, которую и поцеловал.

— Я опасался, что ты не заметишь какой-нибудь ветки над водой, — объяснил он, когда выпрямился. — Ты могла бы больно ушибиться.

Они помолчали, и Роджер вновь начал медленно и ритмично работать веслом. Потом Нейда лукаво спросила:

— Ты ведь думал только про ветки, Роджер, и про то, что они могут меня ушибить?

— Ну конечно, — ответил он со смешком.

— А раз так, то мне сидеть очень неудобно, — пожаловалась она. — Уж лучше я выпрямлюсь, и пусть ветки выколют мне глаза!

Однако она не привстала, а только осторожно, чтобы не помешать ему грести, коснулась его лица.

— Ты тут! — промурлыкала она, словно успокаиваясь. — Я решила на всякий случай проверить: здесь такая темнота!

И в этом непроницаемом мраке, вслепую пробираясь по водному лабиринту, они были счастливы. Мак-Кей внимательно глядел вперед, но ничего не видел, и каждое его движение было легким и точным, словно в танце. То же ощущение охватило и Нейду. Ночь уже не пугала ее. Ведь они были вместе — и вместе, забыв страх, отправлялись навстречу неведомому, таинственному и манящему будущему. А ночь надежно укрывала их. Самая ее тьма была приветливой и дышала надеждой, Роджер еще два раза опускал руку, ища лицо Нейды, и она прижимала ее к губам, спокойная и счастливая.

Они продвигались по болоту очень медленно, потому что из-за темноты Роджер греб еле-еле, осторожно выбирая путь. Он часто въезжал в кусты или упирался в топкий берег, и Нейде не раз приходилось зажигать спички, чтобы помочь ему выбраться из ветвей упавшего дерева. Роджеру очень нравились эти мгновения, когда во мраке вдруг вырисовывалось ее лицо, и дважды он без всякой надобности просил ее зажечь спичку, чтобы подольше ею любоваться.

Но в конце концов Роджер почувствовал, что челнок вошел в течение; вскоре после этого вершины деревьев

поредели, стало чуть светлее, и он понял, что они приближаются к концу болота. Полчаса спустя оно осталось позади, над их головами виднелось чистое небо, а за бортом весело журчала быстрая вода.

Нейда выпрямилась; и было уже так светло, что Веселый Роджер увидел даже блики звездного света в ее волосах. Разглядел он и милую гримаску на ее лице, хотя она и пробовала улыбнуться.

— Ой! — воскликнула она. — Нога совсем затекла! Я не могу шевельнуться!

— Мы сейчас подыщем подходящее место и разомнемся, — ответил Мак-Кей, взглянув на часы при свете последней спички. — Мы обогнали Брео по крайней мере на два часа — ведь другого челнока ему взять негде. Веселый Роджер начал вглядываться в берег и вскоре увидел справа белую полоску песка. Там они полчаса отдыхали.

Потом они отправились дальше, и Мак-Кей уже был готов благословлять болото: ведь теперь оно было преградой на пути Брео!

— Не думаю, что он сумеет пробраться через него без лодки, даже если догадается, куда мы направились, — объяснил он Нейде. — И значит, нам ничто не грозит.

Его голос звенел веселым торжеством, которое сменилось бы ледяным отчаянием, если бы он мог заглянуть в непроницаемую тьму там, где Бернтвуд петлял по болоту, или в еще более густой мрак, окутывавший трясину по его берегам.

Через трясину, с трудом находя путь между бочагами и гнилыми корягами, которые в темноте казались жуткими чудовищами, бежал Питер.

А по Бернтвуду медленно, но уверенно плыл человек, ловко отталкиваясь от илистого дна длинным шестом, которому послушно подчинялся легкий плот из двух стянутых проволокой кедровых стволов, без труда проходивший там, где еще совсем недавно скользил челнок.

Человеком этим был Брео-ищейка.

— Болота ему не одолеть! — с торжеством повторил Мак-Кей. — Даже если он догадается, что мы поплыли сюда, болота ему не одолеть, Нейда!

— Но он ведь и не догадается! — возразила Нейда с такой же уверенностью. — Отец Джон направит его на ложный след.

А позади них в смоляном мраке болота, порой раздвигая узкие губы в мрачной улыбке и вперяясь в тьму широко открытыми, круглыми, как у совы, глазами, плыл на своем плоту Брео.

22

Питер, мокрый, облепленный грязью, упрямо бежал через топь, потому что все время чувствовал где-то поблизости непонятное, беззвучное присутствие Брео.

Порой чуть заметный ветерок, словно поднятый крыльями бабочки, доносил до его ноздрей запах Брео, но чаще теплый воздух оставался совсем неподвижным. Всякий раз этот запах приходил откуда-то спереди, и в конце концов Питер решил, что Брео должен быть там же, где Нейда и Роджер. Однако их запаха он не чувствовал, и это сбивало его с толку. Иногда он оказывался у черной воды протоки, но неизменно опаздывал на несколько секунд и не успевал увидеть во мраке тень Брео или услышать легкий плеск его шеста.

Он бежал вперед среди неясных теней и непонятных всхлипывающих звуков, от которых кровь стыла в его жилах, хотя он давно уже привык ничего не бояться. Теперь его не пугало злобное шипение сов. Он не останавливался и не сворачивал с пути, заслышав зловещее щелканье клювов. Удары когтей по коре и тихий хруст валежника были ему теперь не в новинку, и он не обращал на них внимания, поглощенный одним желанием: поскорее догнать своих хозяев. Совсем другое пугало теперь Питера и зажигало красные огоньки в его глазах: маслянистое чавканье жирной грязи, которая пыталась засосать его, хриплый смешок трясины, вцеплявшейся в него точно живое существо, кашлявшей и плевавшей, когда он вырывался из ее хватки.

Грязь залепляла Питеру глаза, и порой он не видел даже темноты, но все-таки продолжал бежать вперед. И наконец, опять оказавшись у протоки, он услышал новый звук — тихий и мерный плеск шеста в руках Брео. Питер побежал быстрее, потому что земля под его лапами стала тверже, и вскоре догнал человека на плоту. Он слышал его дыхание и даже разглядел на фоне черной стены леса чуть менее темную движущуюся тень. Но запаха Нейды или Веселого Роджера не было, и поэтому привычная осторожность не позволила Питеру выдать свое присутствие. Он не стал обгонять Брео, а держался вровень с ним или чуть позади, но так, чтобы все время слышать плеск. То и дело он поднимал нос и принюхивался, надеясь вот-вот обнаружить присутствие тех, кого хотел разыскать во что бы то ни стало.

На рассвете они выбрались из болота, а когда Брео причалил к косе, где несколько часов назад отдыхали Нейда и Веселый Роджер, на востоке уже занималась заря.

Брео очень устал, но, увидев следы на песке, он усмехнулся почти добродушно. Он был в хорошем настроении. Однако об этом трудно было бы догадаться постороннему наблюдателю. В лесных дебрях Брео слыл человеком без сердца. Он был наделен охотничьим инстинктом лисы или волка, безжалостным упорством ласки и неуклонно следовал букве закона, не зная сострадания, не делая исключений ни для кого. Во всяком случае, его считали таким, а если в нем и крылось какое-то благородство, то по его холодным, прищуренным глазам, тонким губам и злему, насмешливому лицу догадаться об этом было нельзя. Начальство считало его безотказным автоматом, который настигнет преступника, даже если все до него потерпели неудачу.

Но в это утро, испытывая ломоту во всем теле после ночного плавания на плоту, Брео, глядя на предательские следы, усмехался, а потом и громко рассмеялся. Он потянулся так, что хрустнули кости. У него не было привычки разговаривать с самим собой, но думал он следующее:

«Вот здесь, у этого камня, сидел Веселый Роджер Мак-Кей. Отпечаток только один. Значит, его жена сидела у него на коленях: вот следы ее каблуков. На ней туфли, а не мокасины».

Усмехнувшись еще раз, он снял с плота свой казенный рюкзак.

«Можно не торопиться, — думал он. — Теперь они от меня не ускользнут. Они считают, что провели меня, — и ошибаются. А это всегда кончается плохо. Всегда».

Когда Брео бывал совсем один, он порой давал себе чуть-чуть воли, словно на краткий срок отпуская арестанта. Например, он свистел. И довольно мелодично, точно вспоминал о каких-то былых счастливых минутах. А когда он принялся поджаривать грудинку и бросил в кипящую воду горсть сушеного картофеля, он напевал песню, тоже довольно приятно — даже для таких внимательных ушей, как уши Питера.

Ибо Питер, подкравшись сквозь кусты, лежал теперь всего шагах в двадцати от Брео и жадно вдыхал запах грудинки.

Питер знал повадки волков и лисиц, но Брео он не знал и не мог догадаться, почему тот вдруг засвистел громче и почему его песня стала более звонкой. Несколько минут спустя Брео, не оглянувшись на Питера, позвал спокойно и деловито:

— Сюда, Питер! Завтрак готов!

Питер даже пасть открыл от удивления. А Брео повернулся к нему, ухмыляясь во весь рот, и продолжал звать его самым дружеским образом. Не выдержав, Питер вскочил, готовый драться или бежать.

Брео бросил ему жирный кусок грудинки, который держал в руке. Грудинка упала в двух шагах от носа Питера, а он был ужасно голоден. Восхитительный запах одурманил его, заставив забыть про осторожность. Несколько секунд он боролся с собой, потом стал тихонько продвигаться вперед и вдруг, молниеносно схватив грудинку, сразу ее проглотил.

Брео весело рассмеялся, и его лицо, освещенное солнцем, не показалось Питеру лицом врага.

За первым куском последовал второй, потом третий, и вскоре Брео уже пришлось поджаривать новую порцию.

«Это тебе в счет того, что ты сделал тогда в тундре, — думал он. — Если бы не ты...»

Брео даже не стал додумывать эту мысль до конца. А на Питера он больше не обращал ни малейшего внимания. Он знал собак даже, пожалуй, лучше, чем людей, и ничем не показал Питеру, что на самом деле очень им интересуется. По-прежнему посвистывая и напевая, Брео вымыл посуду, вновь приладил рюкзак на плоту и поплыл дальше по течению.

Питер, так и не вышедший из кустов, был тем не менее не только удивлен, но и почувствовал себя покинутым. Ведь этот человек оказался вовсе не врагом, а теперь он его бросил, как прежде хозяин и хозяйка. Он заскулил, и Брео еще не скрылся из виду, как Питер был уже на косе и сразу учуял запах Нейды и Веселого Роджера. Брео нарочно оставил у воды большой кусок слипшегося сушеного картофеля, и Питер проглотил его с такой же жадностью, как раньше грудинку. А потом, как и рассчитывал Брео, побежал вслед за плотом.

Брео не торопился, но и не делал остановок. В его неторопливом, неуклонном продвижении вперед было что-то почти механическое, хотя он знал, что челнок может плыть почти втрое быстрее его плота. Он внимательно всматривался в берега. До полудня Брео трижды замечал следы привала и посмеивался, вспоминая сказку про зайца и черепаху. Сам он задерживался возле этих стоянок не больше двух-трех минут и тотчас отправлялся дальше.

Питера приводили в недоумение размеренно-спокойные движения человека из тундры. Он следил за ними, и его все больше и больше завораживало их неизменное однообразие. Вверх-вниз, вверх-вниз поднимался и опускался длинный шест, высокая фигура ритмично покачивалась, от плотика расходились две маленькие волны да в воздухе плыли колечки дыма из трубки преследователя. Брео не оглядывался. И тем не менее он замечал все. Пять раз за утро он видел Питера, но не позвал его и ничем не выдал, что знает о его присутствии.

В полдень он причалил к берегу, чтобы приготовить обед; разведя костер и достав сковородку, он выпрямился и тем же уверенным тоном позвал:

— Эй, Питер, Питер! Иди-ка сюда, приятель!

И Питер пришел. Борясь с инстинктом, который требовал от него осторожности, он сначала высунул голову из кустов и посмотрел на Брео. Тот, не обращая на него никакого внимания, начал резать грудинку. Когда божественный запах жарящегося мяса достиг ноздрей Питера, он тихонько подобрался ближе и с глубоким вздохом растянулся на земле.

Брео услышал этот вздох.

— Что, опять проголодался, Питер? — спросил он небрежно.

Но у него уже давно для этой минуты была припасена жареная грудинка, оставшаяся от завтрака. Он начал рвать ее на части и бросать кусочки Питеру, а сам думал:

«Зачем я это делаю? Пес мне ни к чему. Он будет только мешать и поедать мои запасы. Но это по-честному. Долги надо платить, а он помог спасти меня в тундре».

Вот так Брео, человек, не знавший милосердия, ищeyка закона, определил положение. И он поджарил для Питера пять ломтиков грудинки.

Теперь Питер бежал за плотом, не скрываясь. Под вечер Брео убил косулю, и за ужином они с Питером вволю наелись свежего мяса. Недоверчивость Питера была окончательно побеждена, и он позволил Брео погладить себя. Прикосновение этой руки не особенно понравилось Питеру, но он вежливо терпел, и Брео пробормотал одобрительно, хотя его резкий голос не смягчился:

— Однолюб!

В этот день Питер несколько раз чувствовал запах Нейды и Роджера там, где они выходили на берег, и к вечеру окончательно уверился, что Брео приведет его к ним. Вот почему он и дальше шел за Брео.

На следующий день они увидели брошенный челнок — беглецы пошли на юг пешком через лес. Брео обрадовался, так как ему очень надоело работать шестом. Вечером взошел молодой месяц, и при виде этого узенького серпа Питер почувствовал отчаянное желание кинуться вперед и догнать тех, кого он искал. Однако другой, более могучий инстинкт заставил его остаться с Брео.

В эту ночь Брео спал на своем ложе из кедровых веток как убитый. Но за час до рассвета он уже был на ногах и развел костер, а с первыми лучами зари они отправились в путь. Теперь полицейский не смотрел по сторонам в поисках следов, понимая, что это бесполезно. Но он знал намерения Мак-Кея и шел быстро, прикидывая, что Нейда за то же время пройдет вдвое меньше. В три часа дня он добрался до гряды высоких холмов и на вершине одного из них остановился.

Питера снедало нетерпение, и он утрачивал доверие к Брео. Не то чтобы он начал его опасаться, но в течение всего дня до негр ни разу не донесся запах Нейды или Веселого Роджера, и постепенно Питер приходил к выводу, что ему следует заняться их розысками самому.

Брео заметил его возбуждение и понял его причину.

«А за псом стоит понаблюдать, — подумал он. — У него есть чутье и инстинкт, которых нет у меня. Да, это будет полезно. Мак-Кей и его жена где-то близко. Возможно, они шли даже медленнее, чем я предполагал, и еще не перебрались через эти холмы, а может быть, они уже там, на равнине. В таком случае я рано или поздно увижу дым костра».

В течение часа он глядел на равнину в бинокль, ожидая, что где-нибудь за деревьями поднимется струйка дыма. Не выпуская из виду и Питера, который рыскал ниже по склону, описывая все более широкие круги. И вдруг ярдах в двухстах от него Питер как-то странно завертелся на краю лужайки. Он принялся обнюхивать землю, ловил носом воздух, бегал взад и вперед. Затем без колебаний направился на юго-запад.

В мгновение ока Брео вскочил на ноги, подхватил рюкзак и бросился к лужайке. Там на мягкой земле он что-то увидел и с угрюмой улыбкой на тонких губах тоже зашагал прямо на юго-запад.

След, найденный Питером, был трех-четырёхчасовой давности и в сумерках вывел его к пешеходной тропе, которая на много миль южнее оканчивалась у одной из факторий Компании Гудзонова залива. На этой тропе, протоптанной не одним поколением обитателей лесных дебрей, оставили свои отпечатки и тяжелые сапоги Роджера Мак-Кея. Теперь Питер все яснее чуял знакомый запах, но осторожность, воспитанная лесной жизнью, не позволяла ему бежать быстро, хотя его снедал огонь нетерпения.

Вновь наступила темнота, а потом выплыл месяц, уже более яркий, чем накануне, и осветил им путь.

вьется среди серебристых березовых рощ в долине Нельсона. Над землей курился легкий душистый туман, поднимаясь к прозрачному небу, которое обещало пробуждающейся природе новый ясный день. В этой легкой дымке защебетала первая птичка, сначала робко и неуверенно, а потом все смелее и громче. Однако только когда туман начал рассеиваться, пушистая певунья совсем очнулась от сна и с березовой ветки, нависавшей над водой, полились звонкие трели.

Она то и дело поглядывала вниз, словно удивляясь, почему такая тишина и неподвижность царят там, где на закате происходило столько удивительных вещей и звенела песня, совсем непохожая на ее собственные. Но теперь на ее песенку никто не ответил. Шалаш из еловых и кедровых веток сверкал от росы, на месте веселого костра чернели остывшие угли, и, взъерошив перья, пичужка излила свое торжество в утреннем гимне.

В шалаше Нейда слушала его сквозь дремоту. Она лежала, уютно пристроив голову на руке Роджера, и ей казалось, что песня звучит где-то в отдалении. Она улыбнулась, и губы ее дрогнули, словно и во сне она была готова вступить в состязание с маленькой певицей. А потом песня унеслась совсем вдаль, Нейда ее уже больше не слышала и снова недолго погрузилась в глубокое забытие, как вдруг ее разбудило что-то непонятное.

Очнулась она не сразу, но наконец открыла глаза. Голова ее уже не лежала на руке Роджера. Он сидел боком к ней и не смотрел на нее. «Наверное, час уже поздний», — подумала Нейда, увидев, что лицо мужа озарено утренним солнцем. Она улыбнулась, села и со счастливым смехом встряхнула волосами.

— Роджер... — начала она.

И онемев, широко раскрыв глаза: рядом с Роджером был Питер! Но не поэтому у Нейды перехватило дыхание и в сердце острой иглой вонзился страх.

На бревне, которое Роджер накануне притащил из чащи, сидел, глядя на них, худой человек с острым лицом. На его губах играла странная улыбка, и Нейда сразу поняла, что это Брео.

Несколько секунд он продолжал сидеть неподвижно и молча, и все же ей стало жутко. Нейда решила, что глаза у него нечеловеческие, а губы похожи на сложенные вместе лезвия двух ножей. Его улыбка — вернее, полуулыбка — не была веселой, а только злорадной. При взгляде на Брео никому и в голову не пришло бы, что он любит шутить.

Полицейский кивнул:

— Доброе утро, Веселый Роджер Мак-Кей. И... доброе утро, миссис Мак-Кей. Простите, что я вторгаюсь в ваше уединение, но долг есть долг. Я Брео, сержант королевской северо-западной конной полиции.

Мак-Кей облизнул губы. Брео заметил это, и его улыбка стала шире.

— Я понимаю, что вам сейчас нелегко, — сказал он. — Но скажите спасибо Питеру. Это он привел меня к вам.

Брео встал и небрежно направил на Веселого Роджера свой пистолет.

— Будьте так добры, подойдите поближе, Мак-Кей, — сказал он, побрякивая наручниками, которые держал в левой руке.

Роджер встал, а с ним и Нейда, которая обеими руками вцепилась в его локоть.

— Это лишнее, Брео, — сказал Роджер. — Я не буду сопротивляться.

— Ну все-таки так будет надежнее! — возразил Брео, и его глаза блеснули. — Протяните, пожалуйста, руку...

— Браслет щелкнул на запястье Веселого Роджера. — Я ведь Брео, а не Теренс Кассиди, — усмехнулся полицейский. — И никогда напрасно не рискую. Никогда!

Он молниеносно наклонился, и второй браслет щелкнул на руке Нейды. Брео отступил и с той же усмешкой оглядел своих пленников.

— Вот теперь все в порядке, — посмеивался он. — Теперь вам не удастся ускользнуть от меня; — Он спрятал пистолет и отвесил Нейде низкий поклон: — Как вам нравится семейная жизнь, миссис Мак-Кей?

Роджер побледнел; даже Нейда не была так бледна.

— Трус! — сказал он тихо и внятно. — Подлый, жалкий трус! Ты намерен оставить мою жену в кандалах?

— Вот именно, — ответил Брео. — Я не намерен спускать вам те хлопоты, которые вы мне доставили. Я считаю, что каждый человек должен платить свои долги, будь то мужчина или женщина. Да к тому же вы наверняка наплели ей кучу всяких небылиц.

— Это неправда! — гневно крикнула Нейда. — Вы...

— Ну-ну, договаривайте, — добродушно ободрил ее Брео. — Договаривайте, миссис Мак-Кей. Если не подвертывается подходящее слово, я могу вам подсказать.

Он помолчал, раскуривая трубку.

— Видите ли, я не вполне точно следую служебным инструкциям, когда нахожусь в обществе столь добрых друзей, — насмешливо извинился он. — Другими словами, вы оба закоренелые преступники. Кассиди

представил против вас множество самых веских улик. Он говорит, Мак-Кей, что вас надо повесить сразу же, как только вы попадете к нам в руки. Он предупреждал меня, чтобы я был осторожнее: вы ночью перережете мне горло и глазом не моргнете, представься вам только случай. А я человек ценный. Начальству без меня никак не обойтись.

Мак-Кей молчал, крепко сжав губы.

— Теперь, когда вы лишены возможности сопротивляться, я собираюсь вам кое-что рассказать, — объявил Брео. — А заодно разведу костер. Надо же нам позавтракать. Мы с Питером голодны, как волки. Хороший пес, Мак-Кей. Он спас нас в тундре. Вы рассказывали об этом миссис Мак-Кей?

Брео не стал ждать ответа и, насвистывая, поджег березовую кору, которую он подложил под сухие кедровые ветки, собранные Роджером накануне.

— Там-то и начались мои неприятности, миссис Мак-Кей, в Голых Землях, — продолжал он, не глядя на Роджера. — Видите ли, нам троим — полковнику Тэвишу, Портеру (который стал теперь его зятем) и мне — представилась неповторимая возможность погибнуть мученической смертью и навеки войти в историю конной полиции. Но дело испортили этот тупица, ваш супруг, и Питер. Ну, с Питера взятки гладки, он все-таки только собака. Но злой умысел Мак-Кея сомнению не подлежит. Он самым дерзким образом помешал нам стать мучениками: разыскал нас в темноте и увел к себе в сугроб. Не слишком-то благородный поступок — как, по-вашему? Ну, полковник Тэвиш — большая шишка, а Портер — его зять, да и мисс Тэвиш была спасена заодно с нами. Вот они и решили, что так этого дела оставить нельзя.

Брео не смотрел на них — с невыносимой медлительностью он подкладывал хворост в костер.

— Ну и... — Он выпрямился и повернулся к ним. — Ну и на меня был возложен крайне неприятный долг разыскать вас, Мак-Кей, и вручить вам отпущение всех ваших прошлых грехов на веки вечные, аминь. Вот оно. Брео вытащил из кармана конверт с внушительными печатями и протянул его не Мак-Кею, а Нейде.

Ни Нейда, ни Роджер не взяли конверта. На губах Брео по-прежнему играла насмешливая улыбка, его глаза-буравчики глядели на них холодно и весело, и в первую минуту они не усомнились, что это еще одна его злобная шуточка. Потом Нейда схватила конверт и вскрыла его, а Мак-Кей смотрел на Брео, веря и не веря. Нейда вскрикнула, и этот крик, в котором слезы мешались с радостью, открыл ему правду. Стиснув в руке драгоценную бумагу, Нейда спрятала лицо на груди мужа, а Брео, улыбаясь во весь рот, подошел к ним сзади, и Мак-Кей услышал, как щелкнул замок наручников.

— Кроме того, мне поручено передать вам кучу всяких глупостей, — сказал полицейский, вернувшись к костру. — Во-первых, этот рыжий бездельник Кассиди просил сообщить вам, что он строит для вас на вырубке дом в четыре комнаты и что к вашему приезду дом будет уже готов. Во-вторых, скво, по имени Желтая Птица, и краснокожий, который назвался Быстрым Оленем, велели сказать, что вас всегда ждут в их типи. А хорошенькая девчонка, которую зовут Солнечная Тучка, посылает вам столько поцелуев, сколько листьев в лесу...

Брео перевел дух и усмехнулся, не поднимая головы; Поэтому он не заметил, какими сияющими глазами смотрит на него Нейда.

— Но самая смешная штука вышла с младенцем, — продолжал он, готовясь резать грудинку. — Они его ждут в самом скором времени (я говорю про жену Кассиди). И уже подобрали ему имя. Роджер — если родится мальчик, и Нейда — если это будет девочка. Они просили передать вам это. Дураки, правда? Совсем поглупели от счастья...

И тут Франсуа Брео, испытывшему за свою жизнь немало самых странных и страшных приключений, довелось узнать нечто совсем для него новое. Без всякого предупреждения его вдруг принялись душить две тонкие руки, ему запрокинули голову, и к его узким, сухим губам на мгновение прижались теплые нежные губы.

— Черт возьми! — воскликнул он, уронил грудинку и, вскочив на ноги, пошатнулся точно подстреленный. — Черт... меня... возьми!

Он схватил свой рюкзак и скрылся в молодом ельнике, даже не оглянувшись. Завтрак ждал, ждали Нейда, Веселый Роджер и Питер, но Франсуа Брео так и не вернулся. Он был странным, загадочным человеком, суровым и безжалостным охотником за людьми, не знающим, что такое страх. Но теперь он трусливо бежал в чашу — бежал от двух алых губок, которые его поцеловали.

Вот так Брео впервые в жизни явился вестником радости, а не горя, и маленькая певица на вершине березы, словно почувствовав, какое счастье воцарилось внизу, залилась ликующей песней.

Примечания

человек, занимающийся тайной продажей спиртных напитков

2

общее название хребтов, отделяющих бассейн Великих озер от Гудзонова залива

3

сказочный великан, действующее лицо романа Рабле» Гаргантюа и Пантагрюэль «

4

одна из провинций Канады

5

деньги, которые правительство Канады обязалось выплачивать индейским племенам за отобранные у них земли

6

Маргарита Анжуйская (1429 — 1482) — английская королева, жена Генриха VI, по происхождению француженка; во время междоусобных войн Алой и Белой розы возглавляла партию сторонников короля

7

индейские лыжи гораздо короче и шире европейских и имеют овальную форму; на них по снегу не скользят, а ступают